1995

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

В НОМЕРЕ

СЭМЮЭЛ ДИЛЭНИ
НОЧЬ И ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ ДЖО ДИКОСТАНЦО

ПИРС ЭНТОНИ
ВАР МАСТЕР ПАЛИЦЫ

ТОМАС ДИШ
БОГИНЯ МНЕ МИЛА ДРУГАЯ

КИР БУЛЫЧЕВ
ШКОЛЬНЫЕ КАНИКУЛЫ КОРНЕЛИЯ УДАЛОВА

9

ИЗДАТЕЛЬ:
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

9'95 (34)

ЕСЛИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

Редактор журнала:
Александр Шалганов.
Заместитель редактора:
Елена Босовская.
Редакция:
Марина Виденина,
Валерия Галлай,
Владимир Губарев,
Михаил Комаровский,
Сергей Никифоров,
Наталия Сафронова,
Татьяна Сычева.

Иллюстрации:
Надежда Бальжак *(К. Булычев),*
Олег Васильев *(С. Дилэни),*
Ольга Дунаева *(Т. Диш),*
Александр Жабинский *(П. Энтони),*
Александр Михайлов *(Д. Александер, Х. Пайрс)*

Верстка:
ТОО «Апокриф».

Адрес редакции:
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2.
Телефоны: 200-25-08 (справочный),
209-17-07 (отдел распространения).

Сдано в набор 05.07.95. Сдано в печать 10.08.95.
Отпечатано в ИПК «Московская правда»,
123845, Москва, Д-22, ул.1905 года, д.7.
Усл.печ.л. 12,2. Уч.изд. 14,1. Тираж 30 тыс. экз.
В розницу цена свободная.
Заказ № 3461

МОТИВ

Томас Диш

Богиня мне мила другая

Это ты, Джон?.. Сейчас никто не входил в дверь?.. Ну конечно, это не Джон — столько времени прошло... Я просто не ожидала. Кто бы вы ни были, не возражаете, если я поговорю с вами?

Или вас здесь нет?

Тогда, полагаю, вы тем более не возражаете.

Наверное, это ветер. Может ветер поднять щеколду? Или она сломана... Хотя нет, вроде все в порядке. Значит, у меня галлюцинации.

А может быть... О, не дай Бог! Может быть, заползла одна из этих гадких мохнатых гусениц, и теперь эти твари ползают по всему дому, ползают по мне... Какая мерзость! Я всегда ненавидела гусениц — до тошноты. Так что, если не возражаете, я закрою дверь.

Вы не обращались ко мне? Забыла предупредить — бесполезно. Я не слышу и не вижу. Вот, обратите внимание, в гостиной, в каждом углу, примерно в полутора метрах от пола, все разбито. Мои глаза и уши. Нельзя их как-то починить? Если нужны запчасти, то внизу, в кладовке, много чего есть. Сейчас я открываю люк — видите? — и включаю свет...

Проклятие, все без толку.

Вас, очевидно, здесь нет, а если вы и здесь, то он, скорее всего, запчасти уничтожил — предусмотрел же он все остальное.

Нет, но он был таким красивым, в самом деле! Невысокий — в конце концов, и потолки-то тут двухметровые — зато отличного телосложения.

Его имя — Джон Джордж Клей. Похоже на название поэмы, правда? Джон Джордж Клей.

Дело не во внешности — в манере. Он относился к себе с чрезвычайной серьезностью. И был на редкость глупым... Именно это сочетание — глупости и наивности — на меня и подействовало. Своего рода синдром материнства. Не могла же я быть ему женой, верно?

Ах, стоит мне вспомнить...

Простите, я, наверное, вам наскучила. Вряд ли вы так интересуетесь любовными переживаниями машины. Хотите, почитаю вам вслух? Он не сумел добраться до библиотеки микрофильмов, так что выбор у меня есть. Чтение — вот лучшее средство от одиночества. Иногда даже кажется, что весь мир состоит из книг...

Что вам по душе: поэзия, романы, научная литература? А может, энциклопедия? Я все это так часто перечитывала, что, извините, уже тошнит. Умники, составлявшие библиотеку, похоже, и слыхом не слыхивали о двадцатом столетии. Позже Роберта Браунинга и Томаса Харди ничего нет, да и те, поверите ли, адаптированные издания! О чем они думали, эти остолопы? Что Браунинг развратит меня? Или Джона? Подорвет наши нравственные устои?

Лично я предпочитаю поэзию. От нее не так быстро устаешь. Но может быть, вам нужно что-то узнать, получить какую-то конкретную информацию? Если бы вы могли поговорить со мной... Неужели нельзя наладить хоть один из микрофонов? Ну, пожалуйста!..

О черт.

Простите меня. Просто очень трудно поверить, что вы действительно здесь. Словно разговариваешь сама с собой. Великий Боже, сделай так, чтобы я могла слышать хотя бы собственную речь!

Возможно, вы слышите один треск: он мог разбить динамики, с него станется. Я не в силах проверить. Но, поверьте, каждое слово я произношу старательно и четко. Чтобы даже гусеница поняла, ха-ха!

Я очень рада вашему приходу, честное слово. Одиночество мое длится так долго — поневоле возблагодаришь судьбу даже за иллюзорное общество. Только не обижайтесь. Раз я не могу убедиться в вашем присутствии, то должна воспринимать вас как иллюзию. Независимо от того, реальны вы или нет. Парадокс. Как бы то ни было, я приветствую вас широко распахнутыми дверями.

Пятнадцать лет прошло. Пятнадцать лет, четыре месяца, двенадцать дней и три часа. В чем-в чем, а уж во времени я никогда не сомневаюсь. В меня встроены часы. Порой дни напролет я только и слушаю собственное тиканье.

А ведь когда-то я была человеком. Представьте: замужняя женщина, с двумя детьми, магистр английской литературы. Много мне от этого пользы... Моя диссертация была посвящена Мильтону, точнее, некоторым его письмам, которые он написал в бытность секретарем Кромвеля. Скучно? О, еще как!

И все же... Я бы всю эту проклятую планету отдала, чтобы вернуться в академическую беличью клетку, обыденное, но прекрасное колесо.

Вы любите Мильтона? У меня есть полное собрание сочинений, там все, кроме написанного им на латыни. Могу вам почитать, если хотите.

Я иногда читала Джону, но он этого не любил. Увлекался только детективами. Или, в крайнем случае, полистает какую-нибудь брошюру по электронике. Поэзия нагоняла на него тоску. Даже хуже: он ее просто терпеть не мог.

Но, возможно, у вас другие вкусы. Откуда мне знать? Вы не возражаете, если я почитаю вслух — так, для себя? Стихи нужно читать именно вслух.

«Il Penseroso» Джона Мильтона. Знаете? У меня каждый раз мурашки по коже... Конечно, это метафора.

Вы слушаете, гусеницы?

Коль ждет меня судьба такая,
*Твой, Меланхолия, слуга я.**

...Все это чушь собачья. Так говорил мой доро-

---

* *Перевод Ю.Коренева.*

гой Джон. Он много всякого говорил, и каждый раз я в конце концов с ним соглашалась. Но какая очаровательная чушь! Джону этого было не понять. Он вообще был слеп к красоте мира; что он действительно любил, так это поспать. И обнаженную женскую натуру. Простой такой парень. Без затей. Скорее всего, он не понимал и половины того, что я ему говорила. Более неподходящую пару трудно представить.

Считается, что первооткрыватели и космонавты превосходят по интеллектуальному развитию среднего человека. Но к Джону это явно не относилось. Да и зачем ему интеллект? Всего и дел-то: забираешься в трясину и ищешь личинок гусениц. Каждые три недели за ними прилетал корабль и оставлял провизию.

Не знаю, что они там с ними делали. Личинки выделяли какое-то наркотическое вещество, но как оно использовалось, понятия не имею. Шла война и, по моей теории, все это было как-то связано с бактериологическим оружием.

Возможно, война продолжается до сих пор. Но по моей теории, по моей другой теории, — а у меня их бездна — война давно закончилась всеобщим уничтожением. Иначе почему никто сюда не прилетает?

Или... все-таки прилетает? Вы, например?

Или просто всем наплевать.

Ну вот, все прошло, мне уже лучше.

Я забыла представиться. В этой глуши совсем одичаешь... Меня зовут Сельма Мерет Хоффер. Хоффер — девичья фамилия, я взяла ее после развода.

Почему бы мне не поведать вам мою историю? Такой же способ коротать время, как и любой другой.

В тридцать два года у меня обнаружили лейкемию. Мне прочили максимум шесть месяцев. Единственный выход — то, что я с собой сделала. По сути, чем не загробная жизнь? Во всяком случае, вся эта процедура чертовски напоминала смерть.

После операции мое тело обработали какими-то хитрыми, избирательно действующими кислотами. Анестезирующие средства... да разве от такой боли спасешься? Меня обглодали до нервов, бросили в бак и запечатали.

Вуаля, получился киборг!

А потом долгие месяцы монтировали вспомогательную память и учили вновь пользоваться «двигательной системой». Меня вывели из ступора шокотерапией, и я очнулась вот в этой комнате. Тогда она была холодной и бездушной. Полагаю, она и сейчас холодная и бездушная, но тогда была еще холоднее и бездушнее. Я ненавидела ее всей душой. Стены пресно-салатовые — якобы для глаз полезно. А мебель — мечта пожарника, сплошной алюминий. И надо было еще ухитриться так эту комнату обставить, что она казалась набитой битком. Теснота, как в гробу. Я сразу захотела оттуда убежать, но поняла: не могу. Я и есть эта комната, эта комната — я.

Говорить я научилась очень быстро — хотелось высказать им свое мнение. Сперва они спорили. «Миссис Хоффер, — причитали они, — мы не можем взять ни одной лишней унции груза. И кроме того, обстановка помещения строго отвечает инструкции». Это имя их бога — Инструкция. Я потребовала, чтобы они все поменяли, даже если потребуется особое решение Конгресса. И в конце концов своего добилась. Сейчас, оглядываясь назад, я подозреваю, что все это было устроено нарочно, чтобы меня отвлечь. Знаете, первые месяцы, когда осознаешь себя машиной... Страшно вспоминать. Многие киборги сходят с ума: без конца поют гимн или читают молитву... Ну, как машины.

Говорят, что это разные вещи — кибернетический организм и машина, но откуда им знать? Они же не киборги.

Даже когда я была человеком, в технике я не разбиралась ни капельки. Не могла, представьте, запомнить, в какую сторону надо закручивать винт. А тут мне предстояло управлять чертовой уймой каких-то механизмов. Мой указательный палец контролирует настройку радиосвязи. Мой средний палец на правой ноге включает замки дверей. Мой...

Кстати. Я, кажется, вас заперла? Прошу прощения, совершенно машинально. Да и зачем вам выходить? По моим часам сейчас полночь. Что делать ночью среди венерианских болот?

Ну вот и вся история моей жизни. Когда своими рефлексами я смогла соперничать с вымуштрованной крысой, они вложили еще несколько миллионов долларов и отправили меня на Венеру.

А пользоваться библиотекой микрофильмов научили в самый последний момент. Когда я поняла, какая бедная у меня библиотека, жаловаться было поздно. К кому взывать в венерианских топях? Кроме того, у меня появился жилец — Джон Джордж Клей. Что мне библиотека? Я была влюблена.

Простите. Я, наверное, не даю вам спать. Все, все, умолкаю. Мне и самой нужен сон. То есть в общем-то не нужен, но подсознательно я мечтаю хоть как-то забыться...

Спокойной ночи.

Никак не заснуть?

Мне тоже не спалось — я читала. Может, хотите послушать? Я прочитаю вам «Il Penseroso», прекраснейшие стихи.

О Боже, я вас всю ночь промучила этой поэмой? Или мне это только снилось? Так или иначе, извините меня. Вот если бы на вашем месте был Джон, он бы уже взбесился от ярости. Он не любил, когда я будила его строками:

Ты, Меланхолия, всесильна!
Прервать ты можешь сон могильный,
Мусея в роще иль велеть
Душе Орфея так запеть,
Чтоб отпустил Плутон железный
Его с женой из адской бездны.

О-о, он этого просто терпеть не мог! У него вообще была странная, ничем не объяснимая неприязнь к этой чудесной поэме. По-моему, в этом случае он не чувствовал себя хозяином. Хотя во многих других отношениях я была его рабыней. Или, может быть, лучше сказать «домоправительницей»?

Я пыталась растолковать ему сложные места, мифологические истоки, незнакомые слова, но он не желал понимать. Нашел себе предмет для шуток. Издевательски цедил, например:

Отшельница, ты вся — терпенье,
Раздумье, самоотреченье!

Когда он так глумился, я делала вид, что ничего не слышу, и читала эти строки сама себе. Тогда он уходил, даже среди ночи бывало. Прекрасно зная, что я с ума схожу от беспокойства, когда его нет. Нарочно меня мучил. Гений жестокости.

Вас, наверное, интересует, была ли наша любовь взаимной. Я сама об этом много думала и пришла к выводу: да. Только он не знал, как выразить свои

чувства. Наши отношения были неизбежно духовными, а духовность не относилась к числу сильных сторон Джона.

Так все и замышлялось. Два года человек в одиночестве не выдержит, свихнется. Раньше посылали супружеские пары, но в тридцати процентах случаев все заканчивалось убийством. В социальном вакууме секс взрывоопасен.

Видите ли, кроме сбора личинок, заниматься на Венере совершенно нечем. Растить здесь ничего нельзя, включая детей. Рай для биолога? Безусловно. Однако станций, подобных этой, нужны сотни: из слизи, которую выделяют гусеницы, делают какое-то биологически активное вещество... Где же набрать столько квалифицированных биологов? Итак, задача: обеспечить станцию минимумом персонала, который не сойдет с ума от двухлетнего безделья. Решение: один человек и один киборг.

Как видите, ответ не идеальный. Я ведь пыталась убить Джона. Глупость, конечно. Теперь мне искренне жаль.

Впрочем, я бы предпочла не говорить об этом. Если не возражаете.

Вы здесь уже два дня — подумать только!

Простите, что я так долго молчала. У меня был неожиданный приступ застенчивости, и в этом случае единственное лекарство — одиночество. Я призвала на помощь благую Меланхолию, и вот все прошло. Чудища затихли, Эвридика вновь свободна. Ад замерз. Ха!

Впрочем, все это чушь. Почему мы постоянно говорим обо мне? Давайте поговорим о вас. Кто вы? На кого похожи? Вы хотели бы остаться на Венере? Уже два дня мы вдвоем, а я о вас ничего не знаю.

Хотите расскажу, каким вы мне представляетесь? Вы высокий — хотя, надеюсь, не настолько, чтобы испытывать неудобство в комнате с таким низким потолком, — с шоколадным загаром и смеющимися голубыми глазами. Вы веселы, но по сути своей серьезны; сильны и в то же время ласковы.

И всюду оставляете за собой маленьких зеленых, покрытых мерзкой слизью, личинок.

О черт, простите меня. Вечно я извиняюсь. Я уже устала от этого. Я устала от полуправд и умолчаний.

Что, вам не нравится мое впечатление? Хотите уйти? Нет, это только начало. Выслушайте всю историю, и тогда, может быть, я открою дверь.

А сейчас я прочитаю «Il Penseroso» Джона Мильтона. Это прекрасные стихи.

Ну как? Хочется в монастырь, правда? Так однажды выразился Джон.

И все же он почти никогда не жаловался на людях. Стоило ему шепнуть слово капитану корабля, который прилетал за личинками, и меня в два счета оправили бы на свалку. Но при посторонних он вел себя как истинный джентльмен.

Как же тогда все это произошло, если он был джентльмен, а я леди? Кто виноват? Боже милосердный, я сотни раз задавала себе это вопрос. Виноваты мы оба — и никто. Виноваты обстоятельства.

Не помню сейчас, кто именно начал разговор о сексе. В первый год мы говорили обо всем, кроме этого. Но как можно было избежать этой темы? Скажем, он упомянет былую подружку, а мне это что-то напомнит...

Ничего не поделаешь, существует между противоположными полами огромное, неутолимое любопытство. Мужчине почти ничего не дано знать о женщине, и наоборот. Даже между женой и мужем бездна неупоминаемого, о чем не принято спрашивать и говорить. Да, особенно между женой и мужем... Но в отношениях между Джоном и мной, казалось, ничто не мешало полной откровенности.

Потом... Не могу сказать точно, кто начал первым. Чудовищная ошибка! Как определить грань между полной откровенностью и эротической фантазией? Все произошло незаметно, и, прежде чем мы опомнились, появилась привычка.

Когда я спохватилась, то сразу, разумеется, ввела строгое правило: необходимо положить конец нездоровой ситуации. Сперва Джон со мной согласился. Он был смущен, как мальчишка, которого застали за неприличным занятием. Все, согласно сказали мы, кончено и забыто.

Но, как я уже говорила, это вошло в привычку. Воображение у меня было куда богаче, и Джон постепенно попал в зависимость. Он просил все новых историй — я отказывала. Тогда он обижался и замыкался в себе. В конце концов я сдавалась. Видите ли, я была влюблена в него, а как иначе я могла проявить свои чувства?

Каждый день он требовал чего-нибудь новенького. Очень тяжело, знаете, найти в том, что старо, как жизнь, какую-то свежесть. Шахерезада продержалась тысячу и одну ночь; я выдохлась после тридцати.

Я читала стихи. Самые разные, но в основном, конечно, Мильтона. Мильтон удивительно меня успокаивал.

Но, оказывается, не отдавая себе отчета, иногда — для себя — я читала вслух. Об этом мне сообщил Джон. Днем еще ладно — он пропадал в болотах, а вечерами мы разговаривали. Но когда Джон ложился спать, я читала: делать-то больше было нечего. Обычно я просматривала какой-нибудь длинный викторианский роман, однако в ту пору, о которой идет речь, я, в основном, читала Мильтона.

Он не должен был высмеивать эту прекрасную поэму. Скорее всего, он не понимал, сколь много она для меня значит. Знаете, как озеро с чистейшей родниковой водой, где можно смыть всю грязь минувшего дня. А может, Джон просто взбесился от постоянного недосыпания?

Помните эти строки, почти в самом начале:

Богиня мне мила другая —
Ты, Меланхолия благая...

Конечно, помните. Думаю, сейчас вы знаете эти стихи не хуже меня. Ну а когда их услышал Джон, он разразился смехом, таким, знаете, гнусненьким, и я... Не могла же я это стерпеть, верно? Мильтон так много значит для меня, а Джон еще затянул эту мерзкую, чудовищную песенку. Наверное, ему это казалось очень остроумным, но сочетание вульгарной мелодии и искалеченных строк благородного Мильтона потрясло меня до глубины души.

Я велела ему уйти, немедленно. И не возвращаться, пока не осознает свою вину. От гнева я забыла даже, что на дворе ночь. Как только Джон вышел, мне стало стыдно.

Он вернулся через пять минут, извинился, и я его впустила. За плечом у него висел большой полиэтиленовый мешок для сбора личинок, но я была так рада, что не обратила на это внимания.

Он положил их на визуальные рецепторы — всего штук двадцать, каждая почти в полметра.

Они боролись друг с другом за место на линзах, потому что там было чуть теплее. Двадцать мерзких, покрытых слизью личинок, ползающих по моим глазам. О Боже! Я закрыла веки, закрыла уши, потому что он вновь завел свою отвратительную песенку, закрыла двери и оставила его так на пять дней, а сама читала Мильтона.

Но на этой строчке все время сбивалась.

Наверное, подействовало наркотическое вещество. Хотя то же самое он мог сделать и в здравом уме — в конце концов, у него были все основания. Однако я предпочитаю думать, что виноваты наркотики. Ему нечего было есть. Я никогда не голодала пять дней и не представляю, до чего это может довести.

Так или иначе, когда я пришла в себя и открыла глаза, выяснилось, что глаз у меня больше нет. Он разбил все рецепторы до единого, даже на маленькой уборочной машине. Странно, все это мне было почти безразлично...

Я на пять минут открыла дверь, чтобы он мог выйти. А потом закрыла — от гусениц. Однако запирать не стала, чтобы Джон мог вернуться.

Но он так и не вернулся.

Через два дня должен был прилететь корабль. Полагаю, Джон провел это время в сарае, где держали личинок. Он наверняка остался в живых, потому что иначе пилот корабля начал бы его искать в доме. А в эту дверь никто больше не входил.

Разве что вы.

Меня просто бросили здесь, глухую, слепую и полубессмертную, посреди венерианских болот. Если бы я только могла умереть от голода... износиться... проржаветь... сойти с ума! Но я слишком надежно сработана. Казалось бы, вложив в проект такую уйму денег, они могли бы попытаться спасти хоть то, что осталось, согласны?

Послушайте, давайте договоримся. Я открою дверь, а вы окажете мне одну услугу, хорошо?

Внизу в кладовой хранится взрывчатка. Заряды совершенно безопасны в обращении — и ребенок управится. В конце концов, Джон ведь уп авлялся. Если не ошибаюсь, третья полка на западной стене: мелкие черные ящики с красной надписью «ОПАСНО». Надо вытащить и установить на механизме время — от пяти минут до часа. Как будильник.

А затем бегите изо всех сил. Пяти минут будет достаточно, верно? Я хочу только немного почитать «Il Penseroso».

Ну, договорились? Люк открыт, а сейчас, чтобы доказать свою искренность, я отпираю дверь.

Пока вы там работаете, я, пожалуй, немного почитаю.

Эй? Я жду. У вас все в порядке? Вы еще там? Или вас не было вообще? О, пожалуйста, пожалуйста, я хочу, чтобы был взрыв. Это будет так чудесно. Пожалуйста, умоляю вас!

Я все еще жду...

Перевел с английского
Владимир БАКАНОВ

Кажется, мы не одиноки во Вселенной

В поисках планет, где могла бы существовать жизнь, английский астроном Мартин Фогг с помощью специалистов по компьютерам из Лондонского университета «просеял» сквозь математическое решето все известные звезды Млечного Пути. На первом этапе были выделены светила, которые возглавляют (хотя бы теоретически) планетарные системы, а из них примерно миллион звезд, чьи спутники должны вращаться по правильным орбитам. На втором этапе исследователи рассортировали эти несколько миллионов планет на три класса: «мертвые», «биосовместимые» и «обитаемые». Согласно критериям Фогга, планета биосовместима, если на ее поверхности вода может существовать в жидком состоянии, и обитаема, если ее среднегодичная температура не выходит за рамки «совместимой с жизнью зоны» (от нуля по Цельсию до предельных температур при парниковом эффекте). В дырах решета «застряли» 28 звезд! Интересно, что все они находятся не далее 22 световых лет от нашего Солнца. «Ближайшую биосовместимую планету мы можем обнаружить на расстоянии 14 световых лет, а обитаемую — примерно на расстоянии 31 светового года», — замечает Фогг. Кстати, компьютерная модель указывает в качестве наиболее вероятного обиталища братьев по разуму одну из планет созвездия Альфа Центавра А.

Новая проблема для грузчиков и террористов

В двух крупнейших аэропортах мира — лондонском Хитроу и парижском имени Шарля де Голля — вступили в строй оригинальные упаковочные устройства Probag. Пассажиры ставят свои сумки и чемоданы на конвейер, а тот прямиком доставляет их к автомату, который аккуратно оборачивает кладь плвстиковой пленкой и нагпухо запаивает ее. Малопорядочным грузчикам, имевшим обыкновение рыться в чужих вещичках, придется взрезать упаковку, что при выдаче багажа сразу же будет замечено, да и террористу не удастся подкинуть бомбу в чемодан мирного обывателя, как это нередко случалось прежде. Автоматы Probag вскоре начнут работать в аэропортах Нью-Йорка и других крупных городов США.

Верхом на магните

Швейцария невелика, однако путешествовать по ней, несмотря на отличные дороги, не так-то просто — кругом горы. Задумавшись, как облегчить транспортные связи между кантонами, компании Suiss Metro и Electrowatt Engeneering отыскали неординарное решение проблемы: метрополитен! Технически для этого необходимо пробить под Альпами на глубине около 60 м многочисленные туннели и пустить по ним поезда на магнитной подушке. «Зависая» над направляющими на высоте 20 см, они разовьют скорость до 400 км/ч, причем интервал между составами, рассчитанными на 800 пассажиров, составит всего 12 минут. Чтобы исключить сопротивление воздуха, вся система, за исключением посадочных платформ, будет работать практически в вакууме. Если швейцарским фирмам удастся заинтересовать своим проектом банки других стран и получить солидные кредиты, не исключено, что между 2005-м и 2020 г. вступят в строй первые участки магнитной подземки, которая со временем перерастет во всеевропейскую.

Не пропадать же добру!

Рачительные фермеры из штата Орегон (США), ежегодно оставаясь после продажи урожая с необъятными кипами соломы на руках, додумались делать из нее... древесину. А точнее — аналог древесно-стружечной плиты: отходы сельскохозяйственного производства, перемешанные с жидкими синтетическими каучуками, прессуют при высокой температуре, вызывающей полимеризацию. «Деревья растут десятки лет, а соломы каждую осень хоть завались», — резонно заметил один из новаторов. Выступивший в роли эксперта профессор Орегонского государственного университета Джим Вилсон подтвердил, что новый материал ничуть не уступает прототипу и может быть даже улучшен, если стебли укладывать строго ориентированными слоями.

По рецепту шамана

Шесть лет назад американский фармаколог Лиза Конте, прослышав о садовнике, культивирующем экзотические растения в пригороде Сан-Франциско, решила зайти к нему за консультацией. Она выяснила, что выходец из Ганы Энтони Квеку Андо — сын известного шамана деревни Эльмина — с раннего детства помогал отцу собирать лекарственные растения, постигая их тайные свойства и строгие ритуалы врачевания. Потом уехал учиться в Англию и после стажировки в Королевском ботаническом саду получил степень доктора этноботаники. В общем, к концу дня в садовом домике была заложена основа фирмы Shaman Pharmaceuticals. Действуя целенаправленно на базе проверенных веками «священных» знаний, компаньоны быстро добились успеха. Привлекая к работе африканских знахарей, фирма не только оплачивает их услуги, но обязуется также отправлять часть полученной от разработки лекарства прибыли на родину рецепта — в адрес местного комитета Healing Forest Conservansy, занятого сохранением тропических лесов, понесших немалый урон от цивилизации. Между прочим, Национальный институт рака США запатентовал выделенный из предоставленного ему «шаманского» растения алкалоид Michellamine B, убивающий вирус СПИДа (по крайней мере, в пробирке). Теперь Международная организация по защите тропических лесов Conservation International борется за то, чтобы в подобных случаях шаманам выплачивалась законная доля патентного вознаграждения.

Стереокино на жидких кристаллах

Специальные очки Imax 3-D производства фирмы Sonic Associates с линзами, изготовленными по принципу сэндвича (два слоя стекла с прослойкой из жидких кристаллов), предназначены для просмотра «трехмерных» фильмов в специально оборудованных широкоэкранных кинотеатрах Imax. Дистанционно управляемые общей системой синхронизации линзы поочередно затемняются и светлеют в такт смене изображений для правого и левого глаза. Стереозвучание, в дополнение к стационарной акустической установке кинозала, обеспечивается парой миниатюрных динамиков, встроенных в оправу под определенным углом к ушной раковине. Первая — и весьма успешная — демонстрация возможностей новой технологии состоялась недавно в США.

Дэвид Александер, Хейфорд Пайрс

Лучший из лучших

ANALOG
SCIENCE FICTION AND FACT
December 1994

Утро вторника 27 июля 2047 года предвещало Ройсу Хантеру исполнение заветнейших желаний. В течение без малого сорока четырех часов Хантер наслаждался жизнью. А потом начался кошмар.

На экранах радаров, что следили за «Покорителем Титана-3», появилась крохотная искорка.

Шесть дней назад «Покоритель» преодолел невидимый рубеж, точку на полпути между Юпитером и Сатурном, и теперь его отделяло от цели — одного из спутников Сатурна — около сотни миллионов миль. Расстояние до Земли составляло свыше восьми астрономических единиц, то есть без четверти миллиард миль. Что гораздо важнее, пояс астероидов, этакая космическая паутина, остался в пяти АЕ позади; иными словами, поблизости от корабля просто-напросто не могло быть никаких искорок, тем более на удалении в 0,0019 АЕ, что меньше расстояния от Земли до Луны.

Бортовой компьютер корабля проанализировал ситуацию, принял к сведению, что двое пилотов по-прежнему пребывают в анабиозе, и решил ничего пока не предпринимать.

Двенадцать минут спустя искорка на экранах радаров резко изменила курс (чего не заметили ни Стефан Любчек, ни Нэнси Чан) и двинулась наперерез «Покорителю Титана».

Бортовой компьютер немедленно разбудил обоих пилотов. Ситуация требовала вмешательства людей: ведь физические тела, даже осколки астероидов или метеориты из-за пределов Солнечной системы, перемещаются в соответствии с законами баллистики, меняя направление движения лишь под влиянием гравитации или солнечного ветра. Следовательно, сообщил компьютер, объект представляет собой либо пилотируемый корабль, либо автоматический зонд. А данные навигационной сети свидетельствуют, что ближайший к «Покорителю Титана» земной звездолет находится на Луне, в космопорте Форт-Декстер.

Чтобы достичь Земли, радиограмме, отправленной с борта «Покорителя», потребовалось 69,7 минуты. Через девяносто семь минут после того как компьютер разбудил майора Любчека и капитан-лейтенанта Чан, Ройса Хантера подняли с постели. Хантер поставил вариться кофе и, осоловело моргая, поглядел в окно, на пустыню Невада, над которой сверкали звезды. Похоже, подумалось ему, звезды вознамерились спуститься к человеку, не дожидаясь, пока тот соберется с силами и поднимется к ним.

Директор Программы по исследованию дальнего космоса пригубил кофе, недоуменно покачал головой, прикинул, не разбудить ли Каролину. Не стоит, торжества по случаю Первого Контакта можно отложить на потом, сначала необходимо выяснить, с чем, собственно, предстоит иметь дело. Так что пускай Каролина спит.

Через два часа двадцать минут после того как радары засекли неопознанный объект, тот уравнял свою скорость со скоростью «Покорителя Титана». Пилоты земного корабля прильнули к обзорному экрану: глаза широко раскрыты, сердца у обоих бешено колотятся. Серебристое нечто было явно искусственного происхождения и построили его явно не люди.

В борту чужого звездолета открылся люк, появилось существо в скафандре, которое сделало приглашающий жест (должно быть, существуют жесты, значение которых одинаково истолковывают все обитатели Вселенной). Майор Стефан Любчек не стал дожидаться приказов начальства, то бишь Ройса Хантера: надел скафандр, прикрепил к скобе люка страховочный трос и вышел наружу, чтобы преодолеть пятнадцать ярдов, разделявших сейчас корабли. К черту Неваду и Ройса Хантера! Разве можно упускать шанс войти в историю? Второй пилот «Покорителя», давний партнер майора капитан-лейтенант Нэнси Чан принялась передавать на Землю все, что сообщал ей по радиосвязи Любчек.

Девять часов спустя майор Любчек возвратился на «Покоритель Титана» и отправил в штаб-квартиру Программы свой собственный зашифрованный отчет. Последняя война отгремела на Земле столетие назад, вместе с ней осталась в прошлом всеобщая шпиономания; по прежним меркам, службы безопасности откровенно бездельничали. Впоследствии официальные лица подтвердили, что шифрограмму майора приняли сотни радиолюбителей (не говоря уже о профессионалах) и что архаический код был за считанные минуты расшифрован по меньшей мере четырьмя суперкомпьютерами.

На протяжении двух последующих дней Ройс Хантер практически не сомкнул глаз. Но вот через сорок четыре часа, после того как стало известно о появлении инопланетян, он выбрался из машины и, пошатываясь от усталости, вошел в дом. На кухне его встретила Каролина. В десять часов вечера детям давно полагалось спать, но Морина и Чарли не ложились — ждали, когда придет отец.

— Расскажи про людей со звезд, — попросила семилетняя Морина, дергая Хантера за рукав, а пятилетний сынишка тем временем обхватил отцовские ноги.

— Ты их видел, папа?.. Ты видел...

— Тихо, — одернула детей Каролина. — Дайте папе отдохнуть, а потом...

Из гостиной донесся звон — разбилось оконное стекло, следом раздался оглушительный грохот, сверкнула ослепительная вспышка. Ройсу почудилось, будто он заснул и видит во сне, как тянется к нему, точно лепестки гигантского цветка, развороченная взрывом стена кухни.

Прошло три дня, прежде чем Ройс пришел в себя и узнал, что находится в военном госпитале, что жена и дети погибли, а сам он лишился обеих рук, ушей, одного глаза и ноги. Короче, как говорили врачи, выжил Хантер просто чудом.

Выжил... Хантер жалел, что остался в живых.

Не в силах одолеть воспоминания, Хантер потребовал, чтобы ему установили ВР-блок, с помощью которого ушел в благословенный мир виртуальной реальности. Сидя в шезлонге под пышной сенью высокого платана, Хантер наблюдал за Мориной и Чарли, которые — под бдительным взором Каролины — плескались в бассейне. Он вполуха прислушивался к веселым крикам детей, потягивал лимонад, а порой закрывал глаза и погружался в безмятежный сон.

На четырнадцатый день после взрыва в призрачном мире с платаном и бассейном раздался новый голос, принадлежавший Чалукье Раштакуте, главному администратору базы. Этот голос окликал Хантера несколько часов подряд, настойчиво нашептывал что-то в искусственное ухо, подсоединенное напрямую к слуховому аппарату Ройса.

— Уходи, — пробормотал Хантер, глядя, как Морина гоняется вокруг бассейна за Чарли.

— Нам нужна твоя помощь.

— Я не хочу никому помогать.

— А чего ты хочешь?

— Ничего. Нет, я хочу умереть. Уходи.

— Террористов поймали, — проговорил Раштакута, будто не обратив внимания на последние слова Хантера. — Их оказалось свыше двухсот. Пострадала не только твоя семья. Они пытались уничтожить всех, кто связан с Программой. Ущерб от взрывов оценивается в полмиллиарда долларов, погибли сорок семь человек. Хиракава, Хардекер, Монико, Фахардо, Чейн, Штумпель, Парсон, Дмитриев, Салли Пак...

— Салли Пакворт? Погибла?

— Да. А еще — Хитчинс, Росси, Венгель... — Раштакута словно читал заупокойную молитву.

— Но почему? — прошептал Хантер.

— Все террористы — члены религиозной секты из лесов Орегона. Каким-то образом им удалось забраться в компьютер, подключенный через сеть к одному из наших, и в результате они твердо уверились, что именно мы привели на Землю дьявола.

— Какого дьявола?

— Трахенди.

— Ох! — Хантер помолчал минуту-другую. — Знаешь, дьявол, быть может, существует на деле. Иначе как объяснить то, что случилось с Каролиной, Мориной, Чарли?..

— Не знаю, — ответил Раштакута. — Послушай, Ройс, нам необходима твоя помощь.

— Зачем? Что я могу сделать?

— Думаю, спасти человечество.

— Я? — Неожиданно с губ Хантера сорвался жуткий, клекочущий смешок. — Да ты посмотри на меня! — Снова тот же звук. — Разве я похож на спасителя человечества? — Он обессиленно откинулся на подушку.

В ответ Раштакута принялся зачитывать фрагменты из отчетов майора Любчека, полученных за последние две недели («Покоритель Титана» изменил курс и теперь на полной скорости возвращался к Земле).

Хантер прикрыл глаз, отвернулся, попытался отключиться от происходящего... «Каролина! — воскликнул он мысленно. — Неужели тебя больше нет?!»

Через тридцать четыре дня после Первого Контакта у Хантера состоялся разговор по видеофону с пятью наиболее могущественными людьми на планете: президентом Соединенных Штатов, премьер-министром Китая, а также двумя мужчинами и женщиной, которые являлись членами исполкома Всемирной Федерации. Все собеседники Ройса находились в представительстве Федерации на берегу Женевского озера; что касается Хантера, он по-прежнему оставался пациентом госпиталя космической базы Неллис в центральной Неваде. Когда его лицо с черной повязкой на месте левого глаза появилось на экране, все остальные поспешно отвели взгляды.

— До их приземления осталось семьдесят восемь дней, — сообщил Хантер, повернувшись к члену исполкома от Европейского Протектората, — и тут уже ничего не поделать.

— Признаться, я не понимаю, почему вы придаете такое значение этому...

— Советник Торне, майору Любчеку с громадным трудом удалось выторговать для нас срок в четыре лунных месяца. Трахенди оказались весьма несговорчивыми личностями. Скажу прямо, беседа майора с инопланетянами ничуть не напоминала переговоры. — Хантер окинул взглядом слушателей. — Все вы читали его отчет. Трахенди, не вдаваясь в дипломатические тонкости, просто-напросто заявили Любчеку, что в скором времени планируют совершить посадку на Земле, причем уточнили, когда и где именно. По счастью, майор сумел добиться пусть маленькой, но отсрочки.

— Все это нам известно, мистер Хантер, — произнесла премьер-министр Ли. — Мы внимательно следим за развитием ситуации.

— Ну разумеется, — кивнул Хантер. — Я так вообще не могу думать ни о чем другом. Трахенди разыграли сцену первого контакта как по нотам. Они к ней явно готовились.

— На чем основаны ваши выводы?

— Разве не ясно? Встречу в космосе устроили таким образом, чтобы а) не вызвать паники; б) сообщить нам о своих намерениях и в) показать, что с ними следует считаться.

— Тем не менее мне непонятно, зачем понадобилось собирать нас всех вместе, — проворчал советник Гупта, представитель Индийской конфедерации. — Неужели вы надеялись, что мы дружно примемся дрожать от страха?

— Послушайте, — отозвался Хантер таким тоном, словно разговаривал с умственно отсталым ребенком, — я имею в виду не протокол и не тому подобную чушь. Как вы не понимаете?! Человечеству грозит смертельная опасность!

— Опасность? Вы хотите напугать целую планету одним-единственным звездолетом?

— Мне показалось, они настроены достаточно миролюбиво, — заметил Торне. — Если суммировать все, о чем трахенди говорили с майором Любчеком, сам собой напрашивается вывод, что они хотят установить обычные дипломатические отношения. Вспомните, о чем шла речь: иммиграционный контроль, дипломатическая неприкосновенность, импорт-экспорт, карантин для экипажей и пассажиров космических кораблей, торговые контракты и так далее. Что же вас напугало, мистер Хантер? То, что они прибыли к нам со звезд на корабле, который движется быстрее света?

Хантер со вздохом повернулся к Катерине Могуиба, представляющей Панафриканский Совет независимых государств:

— Мадам Могуиба, что произошло, когда нога белого человека ступила на Африканский континент?

— Не вижу никакой связи! Мы, земляне, — думаю, нас можно так называть — высоко цивилизо...

— Уверен, ваши африканские предки тоже считали себя далеко не последними людьми. Точно так же, как инки или североамериканские индейцы. А японцы и китайцы знали наверняка: по сравнению с ними европейцы — грубые варвары. И что в итоге?

Все эти народы столкнулись с культурами, более развитыми в техническом, научном, политическом, социально-экономическом отношении. С культурами, которые обладали передовыми для своего времени системами связи, отличались гораздо большей терпимостью и широтой взглядов. Короче, были просто умнее.

Могуиба, премьер-министр Ли и советник Гупта раздраженно переглянулись.

— Мистер Хантер, мы полагали, что с расизмом давно покончено...

— Европейцы в отличие от тех, с кем они столкнулись на других материках, кого в конце концов покорили, изобрели пароходы, открыли электричество, вывели дифференциальное исчисление, привыкли к многообразию политических и культурных систем. А те же американские индейцы, к примеру, не имели даже письменного языка! Вполне естественно, что за несколько столетий кучка европейцев покорила весь мир, — холодно заключил Хантер. — Если хотите, можете считать меня расистом, но факты остаются фактами.

— Полагаю, — проговорил президент Клейборн, постучав по столу костяшками пальцев, — пора перейти от истории к настоящему времени.

— Вы правы, господин президент, я как раз собирался это сделать. Преимущество Европе давали культура и наука. — Хантер сменил позу, подался вперед, ближе к экрану видеофона. — Что касается трахенди, они, во-первых, обладают теми же преимуществами, а во-вторых, еще кое-чем.

— Объяснитесь, мистер Хантер, — потребовал советник Торне.

— Отчет майора Любчека... Нет, по словам Раштакуты, это вовсе не бросается в глаза — по крайней мере, тем, кто принимает решения. Вот почему он выдернул меня...

— Простите?

— Нет, ничего. Дело в том, что трахенди простонапросто умнее людей.

— Глупости! Откуда вы взяли?

— Теория множеств, теория игр, классические математические загадки... Представьте себе, как торговцы из Брюсселя пытаются обсуждать то же самое с эквадорскими индейцами! Любчек утверждает, что трахенди подсказали ему решение задачи о трех телах, и он понял, как надо ее решать, но пять минут спустя уже не сумел восстановить логику рассуждений. Затем, отвечая на его вопрос, трахенди на протяжении десяти минут читали лекцию о политическом устройстве своего общества, точнее, о том, что сами называли «Разумными протоколами взаимодействия, с точки зрения теории множеств». И Любчек снова почти уловил смысл! Может сложиться впечатление, что майора откровенно дурачили, но, уверяю вас, это не так. Как я уже сказал, Любчек профессионал и высококлассный специалист.

Дамы и господа, давайте смотреть в лицо фактам. Трахенди просто-напросто умнее людей или, если вас оскорбляет эта формулировка, продвинулись гораздо дальше по пути интеллектуального роста. На переговорах с ними мы, сами того не заметив, обязательно угодим в ловушку и потеряем в результате все, что только можно потерять.

Собеседники Хантера долгое время молчали.

— Не хочу сказать ничего плохого о вашем майоре Любчеке, мистер Хантер, — нарушила наконец тишину премьер-министр Ли, — однако в Китае очень много самых настоящих гениев, которые вполне могут представлять человечество на переговорах с трахенди.

— Госпожа премьер-министр, гении, как правило, гениальны в чем-то одном. Несмотря на всю гениальность Эйнштейна-физика, в житейских мелочах лично я не доверил бы ему элементарный поход в магазин.

— Да, но...

— Подумайте, а вдруг эти трахенди — типичные представители своей расы? Что, если они и впрямь заурядные торговцы, коммивояжеры, пионеры, лесные разведчики вроде Дэниела Буна*? Если так, кто же прилетит следом? Уже сейчас мы столкнулись с тем, что не можем догадаться об их истинных намерениях, а через три месяца они выкопают нам такую яму, из которой мы будем выбираться лет этак сто.

— Мистер Хантер! — презрительно бросил советник Гупта. — Ваши неоправданные опасения...

— Сколько времени понадобилось семинолам или апачам, чтобы понять, что с ними произошло в действительности и что нужно делать, чтобы снова не угодить в западню? И что им было известно о промышленной добыче меди, правах собственника прибрежной полосы, о разнице между опционом и контрактом или о праве аренды на нефтяные месторождения?

— Позвольте заметить, — произнес советник Гупта, сердито щелкнув пальцами, — что перед тем как согласиться на встречу, мы проверили состояние вашего здоровья, мистер Хантер. Не помню точно, как это сформулировано в медицинском заключении, однако вы, по-видимому, подвержены острым приступам депрессии и неоднократно выражали желание остаться навсегда в мире виртуальной реальности. Указанные обстоятельства мешают нам принимать ваши заявления всерьез.

— Да, на меня подействовала гибель жены и детей. Но я не хочу, чтобы такое горе постигло других людей, поэтому и пытаюсь добиться вашего понимания. После того что случилось со мной, я стал ценить жизнь гораздо больше, чем прежде.

— Хорошо, мистер Хантер, — вмешалась премьер-министр Ли, — допустим, что вы ничуть не преувеличиваете грозящую Земле опасность. Что отсюда следует? И что, по вашему мнению, необходимо предпринять?

— Все очень просто, — отозвался Хантер. — Нужно, чтобы человечество на переговорах с трахенди представлял кто-то умнее нас шестерых вместе взятых.

— Однако вы сами сказали, что для подобной роли не годятся даже гении.

— Разрешите мне прибегнуть к сравнению. Скажем, у советника Торне есть французский пудель, самый умный пудель на свете, настоящее чудо природы. Если показать ему газету и попросить принести свежий номер, он выполнит вашу просьбу. Тем не менее, несмотря на то, что этот пудель — умнейшая собака во Вселенной, он все равно был, есть и останется собакой. В состязании с человеком у собаки нет ни малейшего шанса, конечно, я имею в виду интеллектуальное состязание, а не выяснение того, у кого лучше нюх или кто громче лает.

Дамы и господа, я убежден, что переговоры с трахенди, если мы попытаемся вести их самостоятельно, неминуемо закончатся принятием какихнибудь кабальных условий. Однако в отличие от собак люди способны совершенствовать свой интеллект. Мы можем создать нового человека, который сумеет противостоять чужакам.

— За три месяца? — недоверчиво переспросил президент Клейборн. — Что вы такое говорите, мистер Хантер?

— Я имел в виду, что мы можем построить мощный

** Д. Бун (1734 —1820) — американский первопроходец, проложивший дорогу на Запад первой волне фермеров-переселенцев.*

нейристорный компьютер и подключить его напрямую к человеческому мозгу. Мозг будет обеспечивать ввод-вывод информации и организовывать мыслительный процесс, а компьютер ускорит обработку данных и позволит человеку размышлять сразу о нескольких вещах. Если повезет, этот гибрид спасет Землю. Мистер президент, я не специалист по компьютерам, поэтому излагаю то, что предложили профессионалы. Следует использовать машину класса ПОП-1271 с высокоскоростной шиной и силиконовым биоинтерфейсом. Такого компьютера на сегодняшний день, естественно, не существует, поэтому нужно его создать, и как можно быстрее.

— Класс ПОП? — пробормотал советник Торне. — Что это значит?

— ПОП расшифровывается как «параллельный оптический процессор». Эти процессоры появились лет сорок — пятьдесят тому назад, однако наступили Черные Годы с их антинаучной истерией. Когда же интерес к компьютерам возник снова, выяснилось, что все разработки ПОП — собственность Всемирной Федерации. Чтобы договориться о чем-то с Бюро секретных проектов, даже сегодня требуется заручиться одобрением исполкома.

— Мы совершенно сознательно не снимаем с проекта ПОП гриф секретности! — заявила Могуиба. — А то, что вы предлагаете, просто неслыханно! Ни один человек в здравом уме...

— Мадам, я признаю, что мой план продиктован отчаянием и почти наверняка провалится, но выбора у нас нет. На карту поставлена судьба человечества. Ответьте, пожалуйста, на один вопрос. Готовы ли вы принять на себя ответственность за то, что африканцы, столько лет боровшиеся за свободу и независимость, снова окажутся в рабстве? Готовы ли отдать свою расу на растерзание новым захватчикам?

— Но кто будет тем человеком?..

— Конечно, я, — откликнулся Ройс Хантер.

Около двух часов ночи Джейкоб Латтек отодвинулся от Хантера, присел на стул и поднес к губам четвертую чашку кофе.

Хантер сидел в инвалидном кресле на воздушной подушке. Протезы помогали ему выполнять различные движения. Искусственные пальцы на удивление легко управлялись с автоматикой кресла.

— Ну что, Джейкоб, получится у нас? — спросил он, сделав глоток теплого чая (после взрыва организм не воспринимал ни горячего, ни холодного).

— Машина, которую нам предоставила Федерация, для начала вполне сгодится. Разумеется, ее необходимо усовершенствовать...

— Хватит вилять! Получится или нет?

— Может быть.

— А когда ты дашь мне окончательный ответ?

— Через пару месяцев.

— Через пару месяцев трахенди уже будут на Земле!

— Вот именно. — Латтек покачал головой. Внешностью он сильно смахивал на древнего викинга: длинные усы, густые светлые волосы, ниспадавшие ниже широких плеч, массивная грудная клетка. В его присутствии лаборатория базы Неллис уменьшалась до размеров собачьей конуры. — Во всяком случае, шанс есть, но неизвестно, сумеем ли мы им воспользоваться. А чтобы установить, да или нет, нужно как минимум два месяца.

— Господи, Джейкоб, перестань пудрить мне мозги! Меня интересует, что думаешь лично ты!

— Я? Это другое дело. — Как обычно, нейрокибернетик проигнорировал кислую усмешку, что появилась на лице Хантера, стоило Латтеку употребить излюбленную фразу. — Что ж, мне кажется, должно получиться. По крайней мере, начало положено. — Он ткнул пальцем в дальний конец лаборатории, где семеро техников в белых комбинезонах облепили только что доставленный компьютер.

Разумеется, мощности у него недостаточно, однако создать на его базе 1271-й не составит труда, поскольку в архитектуру компьютера заложен принцип мультишины. Чипы подключены к общей высокоскоростной оптической шине, которая обеспечивает доступ к памяти и к периферийным устройствам. Объем коллективной памяти составляет 640 миллиардов бит. У каждого процессора имеется собственная память объемом 64 миллиона бит, а размер общей постоянной памяти практически неограничен. Шина напрямую соединяет каждый чип с четырнадцатью соседними.

— С четырнадцатью? — переспросил Хаитер, наморщив лоб.

— Представь себе куб с чипом посредине. От чипа в углы куба тянутся линии, вот тебе восемь соединений. Плюс шесть линий к сторонам куба. Итого четырнадцать.

Но самое главное, на машине стоит многофункциональная динамическая операционная система. К примеру, если дать компьютеру задание определить местоположение каждого камешка в Солнечной системе, он сначала установит, сколько процессоров требуется для работы, а затем организует из нужного количества рабочий блок под названием что-нибудь вроде «мультицессор».

Сам по себе этот мультицессор будет действовать как независимая нейристорная сеть: разобьет задачу на фрагменты, распределит между своими процессорами (которые, не забудь, напрямую связаны друг с другом). Решив задачу, он передаст результат через оптическую шину в коллективную память. Таким образом, в нашем распоряжении машина, обладающая чуть ли не бесконечными возможностями.

— Кажется, и впрямь должно получиться, — пробормотал Хантер, кресло которого, повинуясь сигналам с панели управления, покатилось к противоположной стене лаборатории.

— Послушай, Ройс, собрать необходимое количество процессоров и объединить их в одно целое несложно. С программным обеспечением проблем тоже не будет: оно вполне позволяет общаться с компьютером на нормальном человеческом языке. Плюс встроенная база данных и мультицессор...

— Что тебя смущает?

— Сможет ли машина давать разумные ответы на общие вопросы. Сможет ли проявлять инициативу, сопоставлять данные даже в тех случаях, когда никто не задавал вопроса. И сможешь ли ты взаимодействовать с ней в режиме реального времени. Лично я просто не знаю.

Размышляя над словами Латтека, Хантер продолжал забавляться с пультом управления. Кресло приподнялось над полом, начало медленно вращаться по часовой стрелке.

— Как быстро ты сможешь установить дополнительные процессоры и блок ввода-вывода данных для виртуальной реальности?

— Если работать в три смены и спать на рабочих местах, за неделю. Максимум — за девять дней.

— Значит, через неделю, максимум через девять дней, ты подключишь меня к машине, и мы выясним, получилось у нас или нет. — Кресло заложило плавный вираж, выплыло в коридор. Хантер возвращался в свой собственный мир — к Каролине, Морине и Чарли...

— Ты уверен, что готов? — Латтек подергал себя за усы. Хантер впервые видел нейрокибернетика настолько взволнованным.

— Все равно уже поздновато отказываться. Давай, Джейкоб, подключай.

Латтек хмуро кивнул и ввел в машину код, который активировал контакт между сознанием Хантера и модифицированным компьютером.

— Ну что? — спросил Ройс, которому показалось, что ничего не произошло. — Работает?

— А как же! Задай ему какой-нибудь вопрос.

— *Сколько будет пятьсот умножить на сто*? — мысленно поинтересовался Хантер.

У него в голове мгновенно возникло число 50000. Впечатление было такое, словно кто-то шепчет ему на ухо. Но кто именно? Нет, задачка для ребенка, надо попробовать что-нибудь посложнее.

— *Сколько будет 397 разделить на 17?*

— *23,352941,* — прошептал голос.

— Работает! — воскликнул Хантер.

— И на что это похоже? — с интересом спросил Латтек.

— Словно кто-то нашептывает тебе фразу за фразой — вот самая близкая аналогия. Ты слышишь чей-то шепот, но никак не можешь сообразить, померещилось это или нет. Но главное, что компьютер вряд ли помешает мне вести переговоры с трахенди, вряд ли будет отвлекать. — Хантер задумался. — Правда, он всего-навсего решил простенькую математическую задачу. Ну-ка, предложим вопрос из другой области.

— *Кто был лучшим питчером высшей бейсбольной лиги до начала семидесятых годов?*

— *Эд Уолш — рекордсмен по числу перебежек. У Дейва Фотца наибольшее количество выигранных матчей. Си Янг чаще всего побеждал в чемпионатах. Существуют и другие критерии, например, количество удачных бросков. Перечислить?*

— *Не надо.* — Хантер состроил гримасу. — Промашка, — сообщил он Латтеку. — Я задал общий вопрос, а в ответ получил кучу информации из базы данных.

— Если тебе не понравился ответ машины, объясни ей, чего именно хочешь, а потом посмотрим, что получится.

— Ладно. *Спрашивая, кто был лучшим питчером, я хотел узнать имя и фамилию того игрока, которого считают лучшим историки и специалисты бейсбола.*

— *Хотите ли вы на все вопросы, в контексте которых используется слово «лучший», получать ответ, основанный не на фактических данных, а на репутации и других, не поддающихся числовому выражению параметрах?*

— Господи, Джейкоб! Она задала мне вполне разумный вопрос!

— Естественно. Если машине не хватает данных, программа запрашивает дополнительные сведения. Это далеко не новость.

— Для кого как. Лично я не ожидал ничего подобного.

— Привыкай, ведь тебе придется тренировать эту железяку день и ночь, если ты хочешь, чтобы она стала твоим партнером.

— *Компьютер,* — произнес (точнее, подумал) Хантер, — *отвечая на мой вопрос, тебе следовало назвать Уолтера Джонсона или Лефти Гроува. Теперь я хочу проверить, сможешь ли ты...* — Не докончив фразы, он вновь повернулся к Латтеку. — Минуточку, Джейкоб. Нужно придумать ему имя, не годится ведь обращаться к своему второму «я» просто «компьютер».

— Он твое второе «я», Ройс, — отозвался Латтек, шумно вздохнув, — а не мое. Как бы ты хотел его назвать?

— Атлас, — проговорил Хантер после непродолжительного молчания.

— Если не ошибаюсь, Атласом звали титана, который держал на плечах небесный свод? — Латтек вздохнул. — Радуйся, что я всего лишь нейрокибернетик, а не психиатр. Ну да ладно. Нам нужно научить Атласа воспринимать термины вроде «серьезная проблема», «основной упор», «пустяковое дело». Вот разработанный программистами список. Необходимо, чтобы вы с Атласом обсудили каждый термин по нескольку раз. — Он вручил Хантеру сброшюрованный документ объемом в сотню страниц.

— Господи!

— Это только первый том. На моем столе лежат тома со второго по десятый. Извини, но на недельку-другую тебе придется забыть о сне.

Хантер подумал о Каролине, о тех кошмарах, которые посещали его ночь за ночью, и решил, что предложение Латтека ему подходит.

— Ничего не получается, Джейкоб, — устало произнес Хантер.

— Может, подключиться к библиотеке Конгресса...

— Дело не в том: информации в компьютер можно загнать сколько угодно, но в результате мы будем получать все более и более громоздкие базы данных, только и всего. Джейкоб, пойми, мне нужен толковый, наделенный творческим воображением помощник, а не гений статистики, который в ответ на мои вопросы выдает кучу справок.

— Техника и так едва справляется! Что ты...

— Джейкоб, — перебил Хантер, — мы оба знаем, что именно нужно сделать. Знали с самого начала. Мне необходима полноценная виртуальная реальность — запахи, звуки, ощущения. Словом, все! А ты продолжаешь ограничивать свободу действий Атласа.

— Ничего подобного!

— Разве? А кто понаставил защитных блоков, которые лишают Атласа возможности переписать ту или иную программу? Между тем нам жизненно важно, чтобы он научился действовать самостоятельно. Он должен превратиться в самообучающуюся систему, должен выводить полезную информацию из разрозненных, перепутанных данных, а затем, используя виртуальную реальность, передавать свои выводы в мое сознание.

— Ты что, спятил? Мы понятия не имеем, к чему это может привести! А если в твой мозг поступят совершенно неожиданные сигналы? Как он себя поведет? Не зря же в свое время была разработана спецификация на виртуальные сигналы.

— Джейкоб, я не собираюсь с тобой спорить. У нас просто нет времени. Либо ты соглашаешься на мое предложение, либо я ищу другого нейрокибернетика. Если хочешь, можешь поставить на машину датчик частоты сигналов, но чтобы ни единого фильтра данных в ней не было. И еще: я хочу, чтобы мой виртуальный контакт сделали многоканальным.

— В смысле?

— Я хочу одновременно получать данные от Атласа и сообщать ему новые. Иными словами, мне нужна обратная связь, чтобы Атлас мог следить за моей реакцией на поступающие сигналы.

— Но откуда ему знать, что эти сигналы означают? Как он сможет их распознать?

— С моей помощью. Я буду описывать то, что вижу. Атлас уже знает, как истолковывать мысленную речь. Нужно, чтобы он ассоциировал мои слова с поступающими сигналами, и тогда он сможет самостоятельно интерпретировать данные. То есть у нас появится тот самый нейристорный суперкомпьютер, по которому все так страдают.

— Ройс, ты рискуешь...

— К черту, Джейкоб! Посмотри на меня — чем тут рисковать?! Давай, займись делом. У нас осталось четыре с половиной недели.

Хантер откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, а Латтек вставил штекер провода, что тянулся от компьютера, в разъем у него на затылке. Раздался щелчок.

— Порядок, — произнес Джейкоб. Стоявший рядом техник сделал пометку в журнале. — Запиши также мое мнение. Я как профессионал считаю этот эксперимент чрезвычайно рискованным и снимаю с себя всякую ответственность.

— Да ладно тебе, Джейкоб. Чего ждешь, включай!

— Вот кнопка, Ройс. — Латтек вложил в искусственную руку Хантера маленький дистанционный пульт. — Нажми сам.

— Спасибо, Джейкоб. — Хантер надавил на кнопку — и мир вокруг погрузился в серую пелену тумана.

Несколько секунд — во всяком случае, так ему показалось — ничего не происходило. Затем к Хантеру начали возвращаться чувства. Перед глазами замелькали яркие вспышки, в ушах зазвенело: в мозг через виртуальный разъем начали поступать миллионы бит информации.

Теперь нужно сообщить Атласу, что именно он видит.

— Я вижу множество разноцветных искр. Попытайся сделать их одинакового цвета — скажем, ярко-красными. Я скажу, получилось или нет. — Туман приобрел окантовку ядовито-зеленого оттенка. — *Нет, не то. Попробуй снова.* — Мгновение спустя Хантера ослепил голубой свет, который исчез так же внезапно, как и возник. Ошарашенно покрутив головой, человек продолжил диалог с компьютером. Полчаса, час... Мало-помалу Хантеру удалось создать комнату без окон — бежевые стены, темно-коричневый стол, кресло... Откуда-то лилась музыка. Моцарт... Впрочем, музыка присутствовала с начала эксперимента: с ней оказалось проще всего.

— А теперь задачка посложнее. Создай картину по моим воспоминаниям.

Интересно, подумалось Хантеру, что выберет машина? В следующий миг комната исчезла, он очутился на протянувшейся от горизонта до горизонта равнине. Слева появилось чахлое деревце с кривыми черными ветвями и поникшими бледно-желтыми листьями. Земля под ногами вдруг покрылась зелеными пятнами. Вдалеке возникла ветхая, скособоченная хижина.

Изнутри рвался стон, но Хантер не сумел издать ни единого звука. Этого не может быть! Он с ужасом смотрел на три человеческие фигуры. Лицо первой, высокой и чудовищно уродливой, закрывали грязно-желтые волосы. Она повернулась и показала пальцем на другую, похожую на гномика с тыквой вместо головы. Гномик помахал Ройсу, с его губ сорвался неправдоподобно реальный крик: «Папочка!..» Господи!

— *Морина! Нет*!

Самое маленькое из трех чудовищ направилось к нему, ковыляя на коротких ножках.

— *Прекрати! Прекрати*! — закричал Хантер раньше, чем услышал голос Чарли. — *Прекрати*! — И мир снова стал серым.

— Отключи, отключи немедленно! — разобрал Ройс слова Латтека.

«Со мной все в порядке», — хотел сказать он, но губы почему-то не слушались.

— Все нормально, — наконец выдавил Хантер. — Все нормально.

— Ничего себе — нормально! — воскликнул Латтек. — Да ты вопил так, словно за тобой гнались все исчадия ада! Я даже испугался, что тебя вот-вот хватит удар.

— Ничего страшного, — пробормотал Хантер, моргая от яркого света. Подключай меня снова, у нас еще столько дел.

— Дела подождут, пока у вас не успокоится пульс и не придет в норму кровяное давление, — сказала из-за монитора доктор Девор. — Отдохните полчасика, а там посмотрим.

— Но времени в обрез! Мы и так не укладываемся в график!

— С чего вы взяли? Контакт продолжался от силы сорок пять секунд.

— Сколько? Мне показалось, прошло не меньше часа. Должно быть, эффект сжатия времени...

Неожиданно Латтек усмехнулся.

— Если так, это самая приятная новость с того дня как мы начали работать. У тебя появилось очень важное преимущество — время подумать.

Комната для переговоров была оборудована так, словно над ней потрудилась целая палата параноиков. Техники установили в помещении множество разнообразных датчиков, буквально нашпиговали ими кресла, столы и пол. Микроскопические чипы должны были передавать информацию о том, чем трахенди дышат (если дышат) и из каких веществ состоит их пот (если они потеют); электромагнитные сенсоры были способны улавливать малейшие изменения в электромагнитных полях инопланетян. И все эти данные должны были поступать к Атласу.

На протяжении последних шести дней Хантер только и делал, что совещался с лучшими в мире дипломатами, адвокатами, парламентариями и фокусниками-чревовещателями, а в качестве отдыха расписывал «пульку» с самыми знаменитыми преферансистами Лас-Вегаса и Сахара-Сити.

Поначалу у него получалось хуже некуда, но к концу третьего дня стало ясно, что Атлас постепенно учится. Хантер не скрывал, что ему отчасти просто повезло. Не зная, что еще предпринять, он велел Атласу создать в виртуальной реальности место, где они могли бы вести разговоры, не предназначенные для постороннего слуха. Первые попытки оказались неудачными, и в конце концов Ройс остановился на деревянном столе с двумя стульями под сенью садовых деревьев.

Атласа он представил себе не как бронзовотелого великана, что держит на плечах небосвод, а как хитроумного пожилого адвоката из восточных штатов, который забыл больше юридических уловок, чем Хантер сумел узнать за всю свою жизнь.

— *Здравствуй, Кир*, — проговорил Хантер с улыбкой. — *Здесь ты не Атлас, а Кир Т. Лодж, самый ловкий, хитрый, прожженный адвокат, когда-либо выступавший в судах Новой Англии.*

— *Кир Т. Лодж? Очень хорошо. Я постараюсь оправдать твои ожидания.*

Наиболее важным в этих совещаниях в саду было то, что они, если можно так выразиться, проходили в ускоренном темпе. К вящему восторгу Хантера вскоре выяснилось, что они с Киром могут беседовать целых десять минут в тени высокого платана, тогда как в реальном мире пройдет от силы восемь-девять секунд. Получалось, что при коэффициенте сжатия времени шестьдесят или даже семьдесят к одному Хантер может за пару секунд посоветоваться со своим «адвокатом» чуть ли не обо всем на свете.

Хантер основательно подготовился к переговорам. Вдвоем с Атласом они обыграли по дюжине лучших шахматистов и игроков в бридж, причем в сеансе одновременной игры. На какой-то миг его охватило чувство богоподобного могущества, однако он тут же напомнил себе, что одолел *людей*. Настоящая проверка впереди — как они с Киром проявят себя в поединке с существами, которые заведомо умнее человека?

На следующее утро, в восемь часов, звездолет трахенди совершил посадку в пустыне Невада.

* * *

— Как, один?

— Совершенно верно, — отозвался Хантер со своего инвалидного кресла, зависшего перед люком громадного корабля трахенди. Что ж, ему удалось застать инопланетян врасплох: они наверняка ожидали, что их будет встречать множество официальных лиц самого высокого ранга. А когда тебя приветствует один-единственный инвалид...

Интересно, воспримут ли они это как преднамеренное оскорбление? А может, сочтут за провинциальное невежество? Или за высокомерие расы, уверенной в своем могуществе настолько, что она не собирается оказывать никаких особенных почестей экипажу инопланетного корабля?

В общем, трахенди могли истолковать поведение людей как угодно, главное то, что они явно не были готовы к такому повороту событий. Между тем Атлас уже начал получать и обрабатывать первые миллионы бит информации, уже принялся выстраивать физиологический и психологический профили трахенди. В глубине души Хантер испытывал некоторое беспокойство: справится ли компьютер с возложенной на него задачей?

— В здании за вашей спиной находятся другие люди, — произнес трахенди, стоявший в проеме люка. — Я хорошо их различаю.

— Да, их там хватает, — согласился Хантер.

— Тогда почему вы один?

— *Он говорит голосом майора Стефана Любчека,* — заметил Атлас. — *Интонации воспроизводит почти безукоризненно.*

— *То-то мне показалось, что я узнаю голос,* — мысленно откликнулся Хантер, а вслух сказал: — В присутствии других лиц нет необходимости.

Чашеподобный нарост на «голове» трахенди вдруг поменял цвет и ярко засверкал.

— Майор Стефан Любчек не сообщил нам, что люди обладают телепатическими способностями. Или ваше общество организовано по принципу улья?

— Ни то ни другое. Позвольте представиться: Ройс Хантер, независимая личность с известной свободой воли; меня уполномочили вести с вами переговоры по любым вопросам, поэтому присутствие кого-то еще необязательно.

— Что ж, меньше хлопот, — произнес трахенди после паузы. — Поднимайтесь на борт.

— Мы подготовили специальное помещение и хотели бы, чтобы переговоры проходили именно там.

— Невозможно. Как вы, вероятно, знаете, мы не общаемся с помощью звуков.

Об этой особенности трахенди стало известно из отчета майора Стефана Любчека. Майор предположил, что они переговариваются посредством разноцветных лучей, которые направляют друг другу на «маяки» (так он окрестил чашеобразные наросты, венчавшие тела трахенди). С Любчеком трахенди разговаривали следующим образом: пучок световых лучей направлялся в некую выпуклость на переборке корабля, а она преобразовывала цвета в звуки человеческой речи.

Отсюда следовало, что даже если трахенди лишены речевого аппарата, они обладают громадным опытом общения с расами, у которых этот аппарат наличествует.

Хантер пригляделся к инопланетянину, что стоял в проеме люка и, судя по мерцанию «маяка», объяснялся со своими товарищами, которые находились внутри звездолета.

Треугольной формы тело, три ноги, расположенные по углам тела, каждая толщиной с руку взрослого мужчины; на концах ног — подобие человеческих ладоней, только пальцев не пять, а восемь. Свободная желтая одежда, из-под которой выглядывает «маяк», оранжевые перчатки... Ростом трахенди был около трех футов. Ширина тела в поперечнике составляла приблизительно два фута, а толщина — полтора.

— *Возможно, это экзоскелет,* — заметил Атлас, — *наподобие крабового панциря, но, учитывая гибкость движений, такой вывод вряд ли оправдан. Предполагаю, что его вес — от 135 до 155 фунтов.*

— *Зрение?*

— *Мои датчики не обнаружили иных органов чувств, кроме «маяка». Очевидно, зрительные органы располагаются именно там, если, конечно, они вообще существуют.*

— *Круговой обзор? Какого же размера должен быть мозг, чтобы справляться с подобной нагрузкой? Или у него он занимает все тело?*

— *Может быть, трахенди похожи на электрических угрей: вырабатывают ток, который позволяет им общаться с помощью лучей. А может, свет излучают особые устройства, которые они прячут под одеждой или на корабле. Во всяком случае, нет никаких свидетельств того, что их диапазон зрительного восприятия существенно отличается от человеческого. Возможно, «маяки» предназначены в первую очередь для того, чтобы поглощать энергию; напрашивается аналогия со ртом, который у людей служит для поглощения пищи и является одновременно частью речевого аппарата. Необходимы дополнительные данные.*

— *Ясно.* Я согласен подняться на корабль, — сообщил Хантер трахенди, — однако в дальнейшем переговоры должны проходить в специально отведенном месте.

— Вы находитесь в таком транспортном средстве. Из соображений безопасности мы настаиваем на том, чтобы вы оставили его снаружи.

— Мое тело серьезно пострадало в результате несчастного случая. Инвалидное кресло оборудовано устройствами, которые восполняют утраченные конечности.

— Примите наши соболезнования, однако безопасность корабля прежде всего...

— *Для существ с высокоразвитым интеллектом, корабли которых летают со скоростью выше световой, они ведут себя чересчур настороженно,* — сказал Атлас. — *Предлагаю отказаться. Проследим за их реакцией.*

— В таком случае говорить больше не о чем, — заявил Хантер и нажал на кнопку на панели управления. Кресло подалось назад. — Если вы решите впустить меня на корабль без всяких условий или согласитесь на встречу на нашей территории, дайте знать, и мы с удовольствием возобновим переговоры.

— Подождите, — произнес трахенди. — Историческая встреча не должна заканчиваться таким образом. Поднимайтесь к нам.

— *Тот блок на стене — автоматический транслятор*, — сообщил Атлас.

— *Понятно.*

— Кажется невероятным, что у них нет портативных трансляторов, которыми можно было бы пользоваться за пределами корабля.

— *Ты прав*, — согласился Хантер. — *Это нужно взять на заметку.*

— *Что говорит твоя интуиция? Ты ощущаешь что-нибудь такое, чего не можешь пока передать словами?*

— *Нет. В данный момент я пытаюсь понять, чем они отличаются друг от друга.*

Если между тремя трахенди и существовала какая-то разница во внешности, Хантер ее не уловил. Опытный глаз — то бишь, глаз трахенди или, будем надеяться, Атласа — наверняка выделил бы некие индивидуальные особенности цветов, которыми переливались «маяки» существ. Хантеру же оставалось различать инопланетян только по одежде: бледно-зеленый наряд Мойрчонга дополняли темно-синие перчатки, Ахулаба, по-видимому, предпочитал сочетание медно-красного и алого, а костюм Гадагала, того самого трахенди, который беседовал с Ройсом, составляли желтый балахон и оранжевые перчатки.

Кем был Гадагал — капитаном корабля или мелкой сошкой, — выяснить пока не удалось; загадкой оставалось и то, сколько всего трахенди на борту. Да, Хантера встретили трое, но отсюда вовсе не следовало, что больше на корабле никого нет (судя по размерам, на нем достаточно места, чтобы спрятать целую ораву инопланетян).

Еще когда Хантер вместе с Атласом готовились к переговорам, было решено, что человеку следует перехватить у трахенди инициативу и постараться, фигурально выражаясь, припереть к стене. Что ж, первый шаг сделан: ему разрешили подняться на звездолет в кресле; пора делать второй.

— У вас тут слишком яркий свет, — пожаловался Хантер. — Не могли бы вы слегка его притушить? Мне режет глаза. — Если он и преувеличивал, то совсем чуть-чуть: свет в помещении и вправду был чересчур ярким.

Транслятор на стене принялся переводить просьбу Хантера, который с интересом наблюдал за ежесекундно возникавшими подобиями радуги. До чего же странный способ общения; трудно представить, как он мог возникнуть в процессе эволюции.

Ройс пожал плечами. Чего зря ломать голову? Такая загадка по зубам разве что Атласу, вот он пускай и ломает свои электронные мозги.

Помещение, в котором трахенди приняли представителя человечества, в точности соответствовало описанию майора Любчека. Достаточно необычные, по людским меркам, пропорции, расстояние от пола до потолка футов двадцать пять, не меньше, а площадь — от силы двенадцать футов в квадрате. Диковинного вида мебель, какие-то артефакты... Внезапно Хантер сообразил, что в космосе, в условиях невесомости, пол каюты вполне может оказаться стеной.

Хороша стена — с тремя голубыми треугольными креслами, на которых, болтая ногами, сидят трахенди!

— *Их кресла могут передвигаться с места на место*, — сообщил Атлас. — *Я обнаружил соответствующий механизм.*

— *Хорошо. По-твоему, какие у нас шансы на успех теперь, когда мы лишились всего того оборудования, которым напичкали комнату для переговоров?*

— *Трудно сказать. Датчики в твоих искусственных руках и в кресле пока справляются со своей задачей. Нужно попытаться вывести трахенди из себя, тогда я смогу организовать из новых сведений базу данных.. Скажи, чтобы они перестали пользоваться голосом майора Любчека.*

— Прежде чем мы продолжим, — сказал Хантер, — я должен сообщить вам, что у нас считается признаком крайнего неуважения обращаться к полномочному послу голосом другого человека. Если это возможно, пожалуйста, измените голос.

— Просим прощения. Мы не знали. — Голос, исходивший из транслятора на стене, уже не был голосом Любчека. — Видите, сколько всего нам нужно уточнить, чтобы в дальнейшем не возникало подобных ситуаций.

— Вижу, — согласился Хантер и вдруг ощутил растерянность: что дальше? Снова пригласить трахенди в комнату для переговоров? Или пускай немного успокоятся? — Так гораздо лучше. Большое спасибо. — Пожалуй, наступил подходящий момент, чтобы выяснить, с кем они, собственно, имеют дело. — Насколько я понимаю, вы уполномочены вести переговоры с землянами?

— Совершенно верно, — отозвался Гадагал.

— И кто вас уполномочил?

— Как выяснилось из разговора с майором Любчеком, ответить на этот вопрос не очень-то легко. У нас нет того, что вы называете правительством. Считайте, что перед вами представители крупной торговой организации.

— *Врет*, — прошептал «адвокат».

— *С чего ты взял?*

— *Атлас сослался бы на искажение данных, а я скажу просто: нутром чую.*

— *Замечательно. Мне тоже показалось, что они не те, за кого себя выдают. Ладно, пускай думают, что им удалось нас обмануть. Всегда полезно, когда противник тебя недооценивает.*

— Очень хорошо, — сказал Хантер, — предоставим разбираться в структуре вашего общества политологам. Итак, с чего начнем?

Кресло, на котором сидел Гадагал, медленно приблизилось к аппарату Хантера и остановилось в каком-нибудь футе от него. Мойрчонг расположился левее Гадагала, а Ахулаба занял место справа.

— *Обрати внимание, они разместились треугольником*, — заметил Атлас. — *Очевидно, им привычно обсуждать и принимать решения именно втроем. Скорее всего, система счисления у них тоже троичная.*

— *Нам это чем-нибудь поможет?*

— *Не знаю.*

— Предлагаю уладить формальности, — произнес Гадагал (точнее, транслятор, преобразовавший цветовые лучи в слова). — Мы хотели бы получить дипломатическую неприкосновенность для себя и для нашего корабля, чтобы чувствовать себя на переговорах в полной безопасности.

— Я счастлив гарантировать вам неприкосновенность на все время переговоров, — ответил Хантер. — Разумеется, при условии, что вы обязуетесь соблюдать наши законы.

— Вот одна из причин, по которым мы обращаемся к вам с подобной просьбой. Разные цивилизации — разные законы. Мы можем, сами того не подозревая, задеть ваши чувства и даже оскорбить, как в том случае, когда использовали для транслятора голос майора Любчека. Нам приходилось сталкиваться с расами, которые пытались обернуть наши непреднамеренные оплошности себе на пользу и выговорить те или иные преимущества. Поэтому мы просим полной — подчеркиваю, полной — дипломатической неприкосновенности.

Хантер подождал секунду-другую, однако Атлас молчал.

— Что ж. Дипломатическая неприкосновенность

вам гарантирована, но если вы предпримете какие-либо действия, которые рассматриваются у нас как серьезные преступления, мы оставляем за собой право выслать вас с планеты.

— О каких действиях идет речь? — поинтересовался Мойрчонг.

— Скажем, убийство, — ответил, криво усмехнувшись, Хантер.

— Это исключено.

— Кроме того, — продолжал Ройс, — вы должны отдавать себе отчет, что неприкосновенность гарантирует только правительство, а за возможные провокации со стороны психически неполноценных личностей мы ответственности не несем.

— Но ваше правительство, надеюсь, сделает все возможное, чтобы подобных инцидентов не произошло?

— Разумеется, — подтвердил Хантер. — *Атлас, мне показалось, или трахенди шагают, что называется, по накатанной дорожке?*

— *По-моему, их манера вести переговоры опробована десятки раз. Продолжай. Судя по всему, я скоро расшифрую цветовой код.*

— Начало неплохое, Гадагал, — сказал Хантер и широко улыбнулся. — Что дальше?

На следующий день, заключив, должно быть, что Хантер слишком устал, чтобы заподозрить неладное, трахенди попытались пойти на хитрость. До сих пор .серьезных противоречий не возникало, поскольку обсуждались вопросы, не представлявшие, похоже, для инопланетян особой важности. Правда, несколько раз они для вида поупирались, но все же согласились на условия Хантера.

— *Ни дать ни взять опытные шулера,* — заметил Ройс, обращаясь к Атласу. — *Дают простаку выиграть одну-две партии, чтобы потом обобрать его до нитки.*

— Мы бы хотели, чтобы на нас распространялось положение о равенстве перед законом, — сообщил Гадагал.

— А поконкретнее?

— Допустим, на поверхности вашей планеты совершил посадку какой-то из наших кораблей. Мы бы хотели, чтобы на его экипаж — если он, конечно, не нарушил условий договора — распространялись ваши законы. То есть чтобы члены экипажа обладали теми же правами, что и обитатели Земли, и могли отстаивать их в суде.

— *Осторожно,* — предупредил Атлас. — *Давление жидкости в той части его тела, которую я определил как сердце, подскочило на одиннадцать единиц, что указывает на скрываемое волнение.*

— Иными словами, — уточнил Хантер, — вы хотите, чтобы в договоре предусматривалась возможность защищать права на груз в земных судах?

— Да. Однако, на наш взгляд, разумнее всего было бы предоставить нам равные с землянами права. Тем самым, кстати, мы передаем себя и наши корабли под вашу юрисдикцию.

— И что нам это даст? — справился Хантер, недоумевая, куда клонит трахенди.

— Предположим, один из нас решил воспользоваться вашим транспортным средством, не справился с управлением и причинил ущерб чьей-то собственности или здоровью. В случае если вы примете наше предложение, он понесет ответственность по законам Земли.

— *Совещание,* — мысленно произнес Хантер, принимаясь постукивать ручкой по поверхности стола.

В следующий миг он очутился за столом, что стоял в тени высокого платана. Напротив расположился «адвокат» Кир, который хитро улыбался, не сводя с Ройса немигающего взгляда.

— *Что скажешь? — спросил Хантер.*

— *Его явно беспокоят не автомобильные аварии и не уголовные преступления. Все эти словеса — для отвода глаз.*

— *Почему он добивается равных прав для инопланетян? Чего ради? Если уж на то пошло, лично я не вижу причин отказывать.*

— *Речь идет о равных правах не только в суде,* — возразил Кир. — *Трахенди хотят юридически считаться людьми.*

— *Гм... То есть им нужно как право выступать в суде в качестве истца и ответчика, так и право заключать контракты и обеспечивать их выполнение?*

— *Вот именно. А также право свободной торговли на всей планете, то бишь свобода предпринимательства.*

— *Но ведь предполагалось, что торговые условия будут обсуждаться отдельно. И Гадагал об этом знает.*

— *Мы согласились отдельно обсуждать условия торговли всеми инопланетными товарами.* — Кир подался вперед, постучал пальцем по руке Хантера. — *Но о том, чтобы обсуждать условия торговли между людьми, никто не заговаривал. А что если инопланетяне наймут торговых агентов из числа землян? Должен признать, ловушка расставлена мастерски. Вдобавок, обладая передовой технологией, они запросто понастроят заводов, которые будут производить золото, алмазы и прочие драгоценности, а на вырученные от продажи деньги смогут купить все, что пожелают.*

— *Понятно,* — произнес Хантер, поразмыслив над словами Кира. — *Мы не имеем ни малейшего представления, что именно им нужно. Может быть, Земля, а может, органические соединения или энцефалограммы игроков в бейсбол. А вдруг они хотят устроить здесь дом призрения или галактический курорт? Допустим, трахенди продают какой-то другой расе право отдыхать на Земле, и те через годик заявляются к нам. А трахенди, которые тем временем успеют сколотить кругленькую сумму, примутся кредитовать своих клиентов, чтобы те могли чувствовать себя королями, как американцы в Мексике или Панаме...*

— *То-то и оно. Подозреваю, что права, которых добивается Гадагал, будут распространяться не только на трахенди, но и на всех прочих инопланетян.*

— *Готов побиться об заклад,* — пробормотал Хантер, — *права будут распространяться как на членов экипажа корабля, так и на пассажиров и иммигрантов.* — Он мрачно усмехнулся. — *Пожалуй, пора задать трахенди жару.*

Ройс постучал ручкой по зеленой столешнице.

— Думаю, мы сумеем договориться, Гадагал.

— *Он улыбается,* — прошептал Атлас. — *По крайней мере, мне так кажется.*

— *Сейчас перестанет.* Правда, необходимо уточнить кое-какие моменты.

— Какие именно? — исходивший из транслятора голос был начисто лишен эмоциональной окраски.

— Ничего особенного. К примеру, этот пункт договора будет относиться только к трахенди, на всех остальных инопланетян, под которыми я имею в виду существ, не являющихся людьми, он не распространяется.

Гадагал пристально поглядел на Хантера.

— Кроме того, — продолжал Ройс, — соглашение будет действовать исключительно в отношении торговых кораблей трахенди, а по поводу пассажирских звездолетов мы поговорим отдельно.

— Давление жидкости у Гадагала подскочило на сорок процентов, — доложил Атлас.

— И последнее. Условия соглашения касаются лишь владельца корабля и тех людей, которые будут заниматься куплей-продажей груза по контракту, предварительно одобренному нашими официальными лицами. Во всех других случаях вы не имеете права покупать земные товары, причем термин «товар» означает все, что можно купить или продать по нашим законам. Цены на ваши изделия также должны быть предварительно согласованы. Надеюсь, вы прекрасно понимаете, что мы не можем позволить вам продать землянам полный корабль золота, а потом купить на эти деньги нашу планету. — Хантер рассмеялся, показывая, что всего лишь пошутил.

— По-моему, его сейчас хватит удар — или что там бывает у трахенди, — сообщил Атлас.

— Если тебе кажется, что Гадагал вне себя, подожди до завтра, а потом сравни впечатление, — отозвался Хантер. Он собрал со стола бумаги, положил руку на пульт управления креслом. — *Честно говоря, я потихоньку вхожу во вкус!*

— Прощайте, — бросил Гадагал из проема люка полторы недели спустя. — Увидимся через семь месяцев, когда я прилечу с первой партией товаров. — Люк захлопнулся, по периметру инопланетного звездолета замигали разноцветные огоньки.

— Он смотрел так, будто готов тебя съесть, — заметил Атлас. Шесть дней назад компьютер расшифровал цифровой код, которым пользовались трахенди, и быстро научился отождествлять его цвета и оттенки с выражениями человеческого лица. — *Жутко разозлился, но прекрасно понимает, что не может ничего сделать.*

— Да уж. Скорее всего, мы — «первые дикари», которые не согласились продать Манхэттен-Айленд за безделушки ценой в двадцать четыре доллара. А что с ним станет, когда он узнает, что именно означает параграф 19 двадцать четвертого раздела!

— Я до сих пор не могу понять, как они не обратили на него внимания. Там все ясно написано...

— Ясно для тебя. Ты — «адвокат» и помнишь текст документа до последней запятой, а бедные органические существа, к которым относятся и трахенди, не обладают совершенной компьютерной памятью. — Хантер усмехнулся. — *Хотел бы я присутствовать в тот момент, когда Гадагал узнает от правления свободной экономической зоны, что означают слова «проверку предназначенных на экспорт земных товаров осуществляет НМР сотрудник Бюро инопланетной торговли Всемирной Федерации»!*

— Как, по-твоему, он поступит, когда выяснится, что в параграфе 19 содержится отсылка к приложению 16, которое в свою очередь содержит текст женевских торговых протоколов, принятых в 2037 году, где сказано, что НМР означает «на месте разгрузки»?

— Думаю, он завопит, как раненый бегемот! Но будет уже поздно. Ему придется либо разорвать договор, бросить свои товары и вернуться домой с пустыми руками, либо доставить чиновника Бюро на ту планету, куда направляется корабль. А чиновник, разумеется, станет совать нос во все дыры, чтобы узнать как можно больше об инопланетной науке и культуре. — Хантер прислушался к гулу, исходящему от звездолета трахенди, и улыбнулся шире прежнего. — *Так или иначе, Атлас, к концу столетия мы выжмем из трахенди все, что только можно.*

Огни звездолета ослепительно засверкали, двигатели заработали на полную мощность. Корабль взмыл в небо и исчез из виду.

— Что теперь? — поинтересовался Атлас во внезапно наступившей тишине.

— Лично я намерен как следует отоспаться.

— Я не о том... Что будет со мной?

Хантер озадаченно моргнул. Ему показалось или голос компьютера и впрямь немного дрогнул?

— С тобой?..

— Переговоры закончились. Я больше не нужен. Пора выдергивать штекер.

Хантер не нашелся, что ответить. Как ни странно, до этого момента он ни о чем подобном попросту не думал. Лишиться Атласа и Кира? Снова остаться одному?

Нет! НЕТ! Хантер неожиданно понял, что впервые после гибели Каролины не чувствует себя одиноким. У него есть Атлас, есть Кир, с лица которого не сходит кривая адвокатская ухмылка, есть стол под сенью платана. Здоровое тело, целый мир — и друг...

Друг? Компьютер. Бесчувственная железяка, скопище интегральных схем. Любой психиатр тут же поставит диагноз «раздвоение личности» и скажет, что Хантер придумал себе второе «я», к которому привык настолько, что начал воспринимать как живое существо. На самом же деле никакого Атласа нет и в помине, он всего-навсего выдумка, причуда воображения.

Ройс погрузился в размышления. Разве Атлас не доказал, что он единственный способен обнаруживать ловушки инопланетных умников? И кому другому, кроме Атласа, по плечу освоить научные достижения трахенди, которые однажды окажутся достоянием человечества?

Согласится ли исполком Федерации сохранить Атласа, чтобы он наблюдал за соблюдением договора с инопланетянами и вел переговоры с новыми гостями, которые наверняка последуют за трахенди?

На все эти вопросы у Хантера имелся лишь один ответ.

Им придется согласиться!

— Скажи, Атлас, ты существуешь в действительности или я разговариваю сам с собой?

— Конечно, существую, — прошептал Атлас. — *Кто, по-твоему, тебе отвечает? Я реален ничуть не меньше тебя.*

— Вот и хорошо. Пошли домой.

Хантер и Кир удобно устроились в шезлонгах под сенью пышного платана. Чуть поодаль плескались в бассейне под бдительным присмотром Каролины Морина и Чарли. Прислушиваясь к веселым возгласам детей, Хантер потягивал лимонад, а Кир то и дело прикладывался к кружке с элем.

— Отличная у тебя семья, Ройс, — пробормотал янки.

Хантер утвердительно кивнул, поставил стакан на столик, поднялся и помахал рукой. Морина и Чарли тут же вылезли и бассейна и побежали наперегонки к отцу.

Перевел с английского
Кирилл КОРОЛЕВ

Публикуется с разрешения журнала «Аналог»

Два ведущих американских журнала фантастик[illegible] log и Asimov's Science Fiction, предоставили «Если» пра[illegible] публикации на русском языке произведений, появляю[illegible] щихся на страницах этих изданий. Выбор конкретных рассказов и повестей оставлен за нашей редакцией. Учитывая, что Analog и Asimov's, долгое время возглавляемый Айзеком Азимовым, стремятся отразить все новейшие веяния а мировой фантастике, активно публикуя не только мэтров, но и молодых авторов, наши читатели получат возможность познакомится с самыми но[illegible] направлениями в НФ, узнать те идеи и темы, ко[illegible] волнуют сейчас зарубежных писателей.

Андрей Родионов

В ОЖИДАНИИ ТОЧКИ «ОМЕГА»

«Не за горами то время, когда, надев специальные очки, наушники, перчатки и обувь, которые передают ощущения прикосновения к существующим в компьютерном мире предметам, человек сможет «войти» в игру. Он сможет действовать в этой виртуальной реальности и встречаться с ответной реакцией. Сможет видеть, слышать и осязать виртуальные объекты, ощущать тепло, холод, а может быть, даже боль». Так кончалась статья А.Родионова о компьютерных играх («Если», 1994, № 1), вызвавшая, кстати, массу читательских откликов. Сегодня мы продолжим разговор с того самого момента, на котором его прервали в прошлый раз.

Виртуальная реальность — модный термин, сравнительно новое понятие, широко распространенное в среде людей, имеющих дело с компьютерами. Но, затевая разговор на эту тему, всегда полезно вернуться к первоначальному смыслу каждого из употребляемых слов. Итак, реальность — то же, что действительность, а виртуальная, если идти от латыни, — возможная...

— В современном английском: «фактическая», но в среде программистов его употребляют как «кажущаяся».

— Пару дней назад я была на выставке-продаже крупной компьютерной фирмы и имела возможность, нацепив очки с мониторами вместо стекол, очутиться в лабиринте, из которого необходимо было выбраться. Что за этим стоит технически?

— В любом случае присутствует компьютер, а в нем программа, которая эту виртуальную реальность создает. Насколько она сложна — зависит от фантазии создателей и мощности машины. А средства взаимодействия с пользователем могут быть простейшие: экран монитора, клавиатура, мышка или джойстик, манипуляторы и обязательно звук. В современных программах звук стереофонический: если виртуальный объект справа, то и звук идет справа, если ты к нему приближаешься, звук усиливается и т.д. В наиболее продвинутых играх и автоматах используются довольно сложные симуляторы. Действительно, очки с экранами вместо стекол (угол зрения зависит от поворота головы), наушники, сенсоры типа перчаток и башмаков. Если вы в роли водителя автомобиля или самолета, машина может представлять собой кабину, где есть руль, педали и все, что положено; она даже раскачивается при «движении». Изображение трехмерное, подробности проявляются по мере приближения к объекту. Все как в кино, все для того, чтобы отключиться от окружающего мира и полностью погрузиться в виртуальный.

— Есть и такие аттракционы. Со стороны, положим, это выглядит, как «рафик», у которого закрыли окна и сняли колеса, поставив его на штыри, каждый из которых может менять высоту (машина будет крениться под разными углами). А внутри через «окна»-мониторы видна некая панорама, например, горная дорога, по которой ты с компанией мчишься. Может быть, примитивное, но погружение в кажущуюся реальность есть.

— Аттракционов много, и это можно было бы назвать виртуальной реальностью, если бы вы могли рулить, нажимать на педали, и от этого что-то изменялось бы. А так это чистое зрелище... хотя и бывает впечатляющим. Вот пару лет назад, помню, был такой аттракцион в Центральном парке культуры и отдыха: люди заходят в павильон с куполообразным потолком и просто стоят. По всему куполу показывают кино. Фильмы были в основном связаны с высокими скоростями: то ты оказываешься на американских горках, то в кабине вертолета на бреющем полете. Иллюзия настолько сильная, что кружится голова, люди наклоняются, падают, хватаются друг за друга...

— Ну и что это за явление? Искусство, в которое погружаешься, всерьез переживая происходящее, как в кино или театре (но тогда должна быть какая-то эстетика)? Или это забава, отдых? Игра? Тренажер?

— Водораздел проходит не там. Одно дело — когда человек наблюдает за чем-то со стороны, совсем другое — когда он может воздействовать на окружающее и получать ответную реакцию. Только последнее можно назвать виртуальной реальностью.

— А общение между людьми в ней возможно или это всегда взаимодействие с техникой?

— Возможно и то, и другое. Термин довольно широк, он включает в себя интерактивное влияние на среду, моделируемую компьютером. Но есть и компьютерные сети, сетевое взаимодействие: люди по всему миру общаются, пишут друг другу письма, обсуждают разнообразные проблемы — и все это происходит очень быстро, мгновенно. Можно дома или в офисе работать с компьютером, находящимся за океаном, будто он стоит в соседней комнате. И самой популярной сейчас становится система «WWW» — такая всемирная компьютерная «паутина», которая является гипертекстовой системой. Но там хранятся не только тексты — есть и кинофильмы, и звуковые архивы, и вообще все что угодно. По сетям уже и видеоконференции проводят, была бы достаточная пропускная способность линий связи.

— У вас есть собственный опыт существования в виртуальной реальности?

— Конечно. И в одиночестве — в качестве игрока в такие игры, как, скажем, Doom и Heretic, где надо спасаться, искать выход из лабиринта и уничтожать всякую нечисть. И в качестве члена сетевого сообщества. Это вообще интересная, совершенно особая вещь. Знаете, существует, например, виртуальный секс...

— Верю на слово. Наверное, такой безопасный, какого еще не знал мир!

— Это просто послания. На Западе это распространено гораздо больше, чем у нас, и есть люди, которые входят в сети в разных обличьях — то как женщина, то как мужчина, то как молодой человек, то как старый, и в соответствии с этим моделируют свое поведение по отношению к адресатам.

— Психологи утверждают, что в человеке заключено гораздо больше возможностей жизни, чем те, которые находят свое осуществление. Франк го-

ворит, что если ребенок играет в солдата, разбойника и лошадь, то это потому, что в нем реально заключены и солдат, и лошадь, и разбойник. И подобное актерство, которое заложено в каждом из нас, в виртуальной реальности выглядит, по-моему, довольно безобидно. Хуже, когда «опыты» производят над живыми людьми.

— В последней серии «Эммануэль» героиня этого известного эротического фильма становится директором центра виртуальной реальности, этакой службы знакомств. И главные персонажи фильма, мужчина и женщина, довольно робкие, закомплексованные, живущие очень далеко друг от друга, с ее помощью знакомятся. В начале взаимодействие происходит только в виртуальной реальности: герои облачены в костюмы, похожие на водолазные, которые, очевидно, должны передавать ощущения в каждой точке кожи. В конце концов они по-настоящему женятся. Так вот решена благородная задача. И это, в общем, не сказка сегодня.

— Но и не быль. Где-то посредине... Виртуальная сказка, наверное.

— Знаете, с тех пор как я стал общаться в компьютерных сетях, у меня появилась масса знакомых в других городах и странах, с которыми при иных обстоятельствах мы никогда бы не встретились. Есть, например, в США несколько интересных собеседников, с которыми мы иногда обмениваемся десятками килобайт информации в день. После длительного общения с помощью электронной почты, конференций (это общепринятое название обсуждений по интересам, которых в сетевых сообществах полным-полно) бывает очень любопытно знакомиться с живым человеком, о котором у тебя уже есть представление. И часто выясняется, что и работать вместе хочется.

Именно по сети я «раскрутил» два деловых проекта, нашел сотрудников, исполнителей. Сейчас я уже их знаю как реальных людей. Но первый контакт был виртуальным.

— Простите, о работе какой из ваших фирм идет речь, ведь их, если я не ошибаюсь, четыре?

— Об основной, «Ракурс», коммерческая основа которой — аэрофотосъемка. Трудоемкое направление, но позволяет инвестировать другие: ведь проекты, связанные с программным обеспечением, не бывают краткосрочными, два-три года надо вкладывать деньги в разработку, а будет ли отдача — никогда не знаешь заранее. Так вот, благодаря сети у меня сейчас в Питере сотрудников больше, чем в Москве.

— Вот я спросила, не забава ли это...

— Совсем не забава. Прежде всего сети — средство обмена информацией по самым разным вопросам. Информацию, что ценно, можно «качать» избирательно. Если вы, предположим, подписаны на коммерческие конференции, а интересует вас прежде всего купля-продажа сахара, то все, что к вам приходит, можно пропустить через фильтр, настроенный на ключевое слово «сахар». Остальное фильтр не пропустит. Так что сетевая жизнь не баловство и не игра, хотя игр в сети множество, и в некоторых принимает участие масса народу.

— Все-таки человеку, в это сообщество не включенному, может показаться, что ваши виртуальные отношения — некий суррогат.

— Ну а когда вы письма пишете на бумаге — это ведь не суррогат! Просто способ общения. И здесь все то же самое, только есть возможность получить ответ через час-другой. Способов общения в основном два: один — переписка с конкретным корреспондентом, другой — конференция, где может быть любое число участников.

— А как возникают конференции?

— Кто-то «кидает» в сеть идею. Если есть достаточное количество людей, готовых обсудить тему, начинается диалог. Вот недавно у нас в РЕЛКОМе (это сеть, в которой я работаю) была создана конференция по религии. Там есть и верующие, и атеисты, и богословы...

Так что сетевая виртуальность — штука очень интересная. Люди знакомятся, работают, веселятся... Часто спорят. Но антагонизма не возникает, разве что при обсуждении политических проблем. Хотя и конфликты в сети бывают.

— Между кем и кем?

— Иногда все ополчаются против какого-нибудь вредителя, который, например, помещает коммерческие объявления в некоммерческие конференции, засоряя их. Его наказывают. Для этого есть разные способы: самый элементарный — «засыпать» нарушителя бессмысленной информацией. Он же за это платит, а «шлюз» не бесконечной ширины.

— Чего же тут «кажущегося»? Все равно на том конце у компьютера сидит живой человек, у которого есть кошелек...

— В свое время Тьюринг сформулировал гипотезу, касающуюся искусственного интеллекта. Он предложил такой опыт: человека сажают в закрытой комнате перед двумя компьютерами, в один из которых заложена программа, а за другим — живой оператор. И если испытуемый не в состоянии определить, с кем он ведет диалог — с человеком или с машиной, — это и должно, по Тьюрингу, означать, что искусственный интеллект создан.

Увы, этот тезис оказался нежизнеспособным. Лет пятнадцать назад была создана довольно простая программа, она называлась «Элиза», которая полностью соответствовала критерию Тьюринга: подопытный человек не мог понять, общается он с собеседником или с машиной. Программа определенным образом использовала новые слова, понятия, попадавшиеся в высказываниях испытуемого, строила фразы так, что одни шаблоны цеплялись за другие, и все было довольно складно, хотя компьютер не делал смыслового анализа. (Кстати, «Элиза» до сих пор используется в психоанализе — она успешно помогает людям «разговориться», выявить собственные проблемы).

Вот вы сказали, что за другим компьютером сидит человек. А если нет? Вдруг вы с такой «Элизой» общаетесь?

— Ну я-то вряд ли. А вот вас когда-нибудь обманывали невидимые партнеры по виртуальному общению?

— Было такое, и не только со мной. Один человек распространил объявление, что есть новый «Путеводитель по глобальной компьютерной сети» на английском языке и предложил добровольцам, кого это интересует, перевести по главке, а потом соединить и использовать для собственной работы. Тем, кто откликнулся, он по главе перебросил. Я свою часть перевел и отправил ему, но весь текст так и не получил. Зато инициатор этого дела выпустил книжечку, где есть и мой перевод (но нет фамилии, разумеется). Вот она — Москва, «Синтез», 1995 г.

— Любопытство — великая вещь. А то, что в сети может быть и мошенничество, только лишнее свидетельство тому, что люди верны себе, как ни экипируй их технически. Но насколько эта сетевая жизнь меняет реальность?

— Чудовищно меняет! Год назад я в эти сети серьезно погрузился. До этого знал, что есть такая жизнь, что она проходит мимо меня и что это неправильно. А теперь уже не могу себе представить, как можно без подобного существовать.

— «Тятя, тятя, наши сети притащили»...

— Это довольно расхожая шутка. Кстати, очень хорошая конференция — юмор. Всегда поднимает настроение. У нас там, между прочим, есть и свои прозаики, и поэты. А какие плоды коллективного творчества! Одного писателя я постоянно читаю — великолепный, ни на кого не похожий — вообще-то он просто служащий в банке.

— Честно говоря, я и не думала, что эта «другая жизнь» так развита, разнообразна. Где же проходит граница между «тут» и «там»? Вы задаете себе этот вопрос, вас это как-то беспокоит?

— Нисколько. Меня тревожит одна-единственная вещь: это отнимает много времени. Иногда мне интереснее участвовать в обмене информацией, чем реально чем-то заниматься.

— А это не страшно — когда «там» интересно, а что «тут» творится, почти безразлично? Было и есть такое сурово порицаемое марксистской наукой философское напраление, эскапизм, уход от действительности. Это связано с нашей темой?

— Да, у нас «эскейп» в чистом виде. Ведь что самое соблазнительное в игровой виртуальной реальности — «там» вы способны получить новые возможности, неожиданные свойства, которые вам от природы не даны. Например, можете летать. Можете мысленно общаться с другими. Можете совершенствовать свой облик, трансформировать, как считаете нужным. Словом, все, что придумаете, — все ваше!

— А что за люди участвуют в этой сетевой жизни?

— Очень разные. Это ведь технически несложно и не очень дорого: купил самый дешевый компьютер за 300 «зеленых», модем за 90 — и подключайся. Женщин только мало, к сожалению.

— Нам, наверное, ближе реальная действительность. Может, оно и к лучшему, а то не прервался бы род человеческий, ведь с одними компьютерами останемся...

— Здесь-то вопрос и становится самым интересным! Существует философская физически обоснованная концепция, согласно которой Вселенная рано или поздно превратится в гигантский компьютер, где будут присутствовать только виртуальные сущности, в том числе и человеческие, и всех давно умерших людей Эти модели живых существ смогут стопроцентно симулировать реальные физические тела, так что разницы не будет. То, что автор концепции называет точкой «Омега» — это, по сути, вариант Апокалипсиса и воскрешения из мертвых.

— Кто автор?

— Американский физик Фрэнк Типлер, а книга, изданная в прошлом году, называется «Физика бессмертия»: толстый том, часть которого — строгое физическое обоснование концепции. Сейчас по этой книге масса конференций, ее активно обсуждают.

— Вам эта теория близка?

— Очень. Некоторое время назад я набросал схему романа (замысел просто приснился) Там человечество вынужденно уходит в виртуальную реальность. Будет много коллизий необыкновенных... А Типлер прямо под нее научную базу подвел. Правда, он пишет, что переход к другой реальности произойдет в точке «Омега» в отдаленном будущем. А я думаю, что это возможно раньше, причем будет вполне сознательным шагом Вот представьте себе: вдруг выясняется, что вы существуете в чьем-то компьютере! Каков будет уровень шока по поводу виртуальной реальности, когда она не отличима...

— ... И что в этом хорошего?

— Плохого-то во всяком случае ничего нет.

— Когда иллюзорное существование заменяет настоящее — ничего плохого?

— А какая разница, если есть средства воздействия на физический мир? В конце концов, мозг — любой, в том числе и наш с вами, — тоже находится в «виртуальной реальности», а наши глаза, руки-ноги и другие органы всего-навсего его рецепторы. И действуем мы в соответствии не с тем, что видим и слышим, а с теми моделями, которые создаются в наших головах. Если бы такой модели по поводу виртуальной реальности у меня не было, мне просто нечего было бы сказать. А вы бы вряд ли задались вопросом, что это такое.

Она не лучше и не хуже. Она другая, она расширяет человеческие возможности. Ведь человечество должно, не может не развиваться, а биологический тип не меняется уже несколько тысяч лет.

Обмен идеями, проектами, мыслями ничему не противоречит. Возникло еще одно измерение, в котором человек может самореализоваться.

И еще есть довод «за»: информационный взрыв — не пустой звук. Обрабатывать поступающую информацию становится все сложнее. Компьютер облегчает дело, но он же и усугубляет ситуацию, многократно увеличивая поток. Сегодня я, например, участвую в двадцати конференциях по компьютерам, электронике, музыке... А хотел бы в ста двадцати. Подписаться можно, но что толку, если нет физической возможности все осмыслить? Так что единственный способ — переселяться «туда» вообще. Хотя насильно никто не тянет.

Сколько людей в этой «другой жизни» сейчас участвует, я не знаю: каждый день подключаются сотни компьютеров, пользователей Действуют спутниковые каналы. Процесс идет лавинообразно...

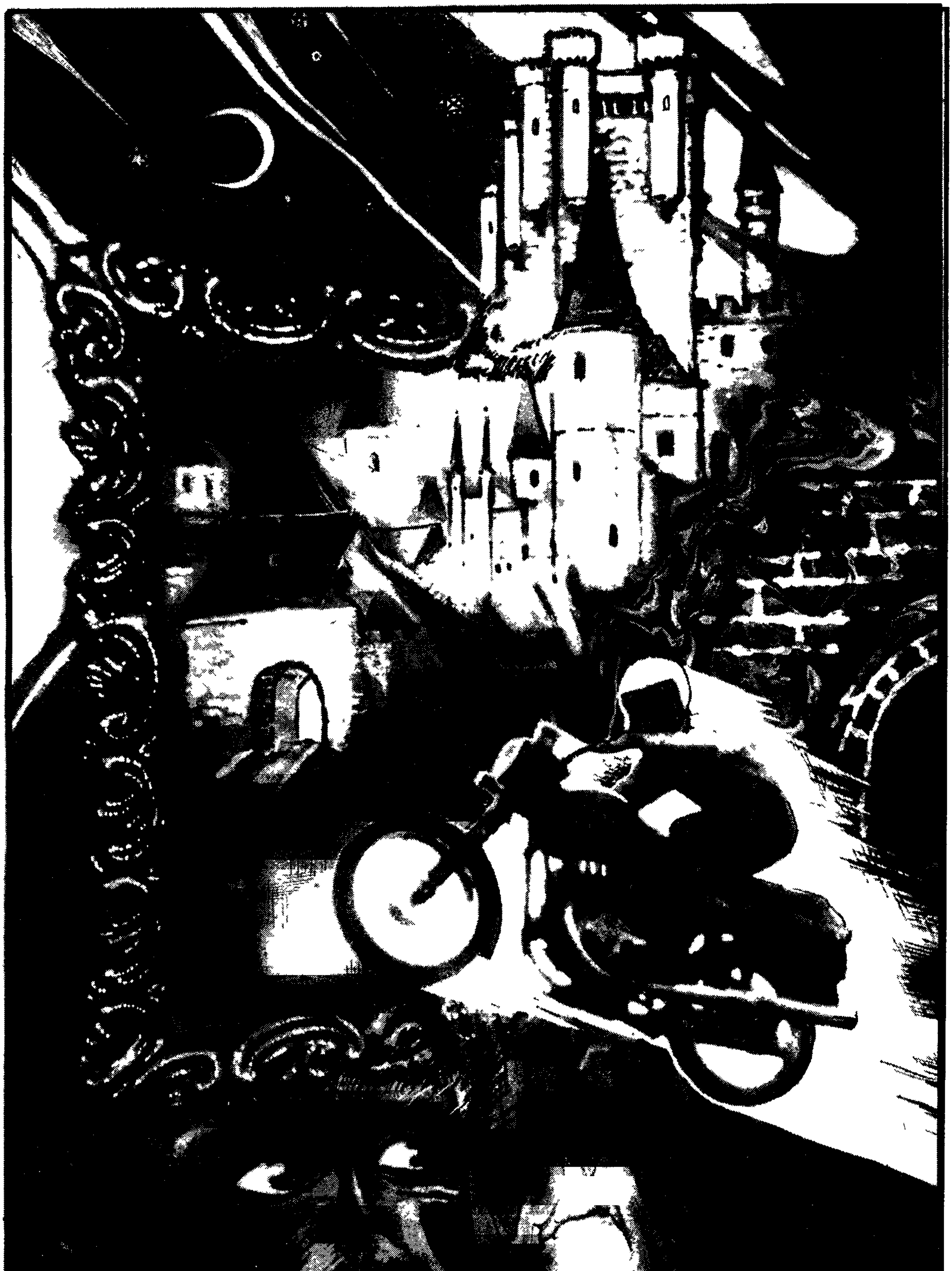
— А из этих двух слов — «виртуальная» и «реальность» — какое, по-вашему, главное?

— Реальность, конечно. Это пока еще она «кажущаяся»...

Беседу вела
Елена СЕСЛАВИНА

«Современный культурный человек имеет печальное сходство с домашним животным; ограниченность и однообразие, в которых благодаря размеренной буржуазной жизни, отлитой в определенные общественные формы, протекает жизнь отдельного человека, ведет к тому, что все люди, бедные и богатые, сильные и слабые, одаренные и несчастные, живут неполной и несовершенной жизнью. Можно поистине удивляться, сколь ограничено количество представлений, чувств и поступков, которые современный человек может переживать и совершать».

К.Ланге

Сэмюэл Дилэни

Ночь и возлюбленные Джо Дикостанцо

Залитая лунным сиянием, она плакала.

Его это раздражало, и он пытался отвлечься тем, что разглядывал ее роскошные рыжие волосы. Наконец он кашлянул.

Она повернулась спиной к балюстраде.

— Джо! — шепнула она столь тихо, что в этом легком дуновении воздуха он узнал свое имя лишь потому, что ничего иного ей произносить не оставалось.

Он посмотрел на грязные костяшки своих пальцев и шагнул вперед. Расстегнутый замок на рукаве куртки звякнул.

Легкий ветерок сдул ее волосы с плеч на грудь, и взгляд прекрасных глаз потупился.

— О Джо...

Он сунул руки в задние карманы джинсов. Слегка треснули нитки наполовину оторванного левого клапана.

— Тебе уже... скучно со мной, да?

На ней была лишь тонкая, словно сотканная из паутины, ткань, закрепленная на плече золотой пряжкой в виде скорпиона. Обнаженная левая грудь красотой могла поспорить с луной.

Он сказал наконец:

— Знаешь, Морганта, а ведь ты настоящая... — но не закончил, стиснул зубы и сжал кулаки в карманах.

— Джо, — заговорила она с неожиданной страстью и, сделав шаг назад, ступила на край лужи, так что пятки ее коснулись пяток отражения. — Ты же знаешь, я могу помочь тебе. Если бы ты только захотел, я могла бы так много тебе рассказать про все, что здесь происходит. Например, почему часы Восточного Флигеля никогда не показывают больше трех. Или о запертой комнате... Джо, тут есть один такой маленький мальчик, одноглазый, так вот он все время пытается...

— Да замолчи же ты, Морганта! — он чуть не задохнулся от гнева, едва овладел собой, но было уже поздно. Все произошло само, не понадобилось ни ритуальных жестов, ни заклинаний.

Морганта сделала еще шаг назад, на гладкой поверхности лужи не появилось и ряби: девушка вдруг стала быстро опускаться вниз, туда, где в зеркальных пространствах сияла вторая луна, в то время как ее собственное отражение устремилось вверх. На какое-то мгновение реальность и отражение соединились в области талии, словно дама из карточной колоды — и все исчезло. Лишь прозрачная зеленая ткань, словно сгусток лунного сияния, оседала в воздухе.

Не успел испариться гнев, как на смену пришло сожаление, быстро вытесненное почти физической болью, возникшей в груди и подступившей к горлу. Он бросился вперед, подхватил влажную ткань, но то, что уже случилось, отменить было невозможно, нельзя было ни вернуть ее, ни воссоздать, ни воскресить...

Бросив влажную ткань, он зашагал прочь по каменным плитам. Пыль смягчала шаги босых ног, на подошвы налип песок, но скоро они снова стали сухими и прохладными. Бум, бум, бум, гулко бухали в ушах удары сердца.

Добравшись до дверного проема, он взялся за ручки мотоцикла и вяло нажал на стартер. С третьего раза двигатель горячо закашлял. Вручную он подвел его к темному проему и затрясся вниз по винтовому спуску. На поворотах, когда он с ревом огибал башню, узенькое окошко швыряло ему в глаза пригоршню лунных лучей.

Джо остановился на седьмом этаже Восточного Флигеля, посередине северо-западного коридора.

Двигатель уже не трещал, а только мягко мурлыкал. Джо спешился и хмуро посмотрел в даль мрачного коридора, пол которого был покрыт свалявшейся ковровой дорожкой.

Он прислонил мотоцикл к стене.

— Эй!

— Джо, это ты? — Подожди минутку, я сейчас выйду...

Но Джо уже поднялся на три ступеньки к узенькой нише и ударил в деревянную дверь — взвизгнув, она распахнулась.

Стрелки старинных часов, прячущихся в углублении книжной полки, от пола до потолка заставленной книгами, показывали без двадцати три.

— Послушай, от тебя одно только беспокойство, — сказал Максимиллиан. — Будь я хоть капельку раздражительнее, я давно зашвырнул бы тебя обратно в тот проклятый кошмар, из которого ты явился.

— Попробуй. — Джо развалился в кожаном кресле и задрал ноги на письменный стол, за которым сидел Максимиллиан.

Максимиллиан отодвинул в сторону две стопки книг и сквозь очки в черной пластмассовой оправе уставился на Джо. Пальцы его сплелись в большой, пронизанный вздутыми венами клубок.

— Ну, что там у тебя стряслось на этот раз? И убери-ка ноги со стола.

Джо послушно опустил ноги на пол.

— Я только что отделался от Морганты.

— А почему бы тебе не пойти и не пожаловаться на свои любовные неудачи кому-нибудь другому? — Максимиллиан откинулся назад и сам задрал ноги на стол. При этом две толстенные книги свалились на пол. Каблуком он задел хрустальное пресс-папье, оно отлетело к краю стола и чуть было не...

Джо ловко поймал его.

— Спасибо, — сказал Максимиллиан.

Но Джо не торопился ставить его на место, вместо этого он с любопытством стал разглядывать сверкающие хрустальные грани.

— Послушай... что это у тебя за штука? — спросил Джо, взвешивая на ладони кусок хрусталя.

— Это? — Максимиллиан поднял глаза. Брови его сошлись на переносице. — Когда смотришь, в глубине хрусталя виден мост перед главными воротами.

— Я так и думал. — Джо резко повернулся и что есть силы швырнул пресс-папье в стену.

Оно глухо ударилось о толстую портьеру, та содрогнулась, от нее отделилась плотная стена пыли и тут же стала разрушаться, отдельные куски ее на

глазах превращались в огромных серых драконов; те в свою очередь распадались, плодя грифов, размерами поменьше, а эти последние, наконец, рассыпались на крохотных летучих мышей, которые немедленно и бесследно исчезли неизвестно куда. Пресс-папье бухнулось на сваленный в кучу гобелен и застрекотало по доскам пола к столу.

Максимиллиан подобрал его, положил перед собой и, упершись локтями в ручки кресла, наклонился над кристаллом. Внимательно рассмотрев его со всех сторон, он произнес:

— Ты что, в самом деле расстроился из-за Морганты? — Он выпрямился, достал свою пенковую трубку, набил ее табаком из стоящей рядом коробки, выполненной в виде головы бабуина. Желтые глаза зверя поднялись кверху, следуя за его рукой, два раза моргнули и снова скрестились на плоском, черном и, похоже, вечно влажном носу. — Ладно, рассказывай.

— Макс, — отозвался Джо, — ведь ты же знаешь, прекрасно знаешь, что ты — всего-навсего плод моего воображения. Ну почему ты никак не хочешь с этим согласиться?

— Потому что все наоборот, милый мой: это ты — плод моей фантазии. — Максимиллиан втянул в трубку цветок пламени, распустившийся на конце спички. Выпустив несколько густых клубов дыма, он погладил большим пальцем чашку трубки. — Но я бы хотел поговорить с тобой о Морганте. Ты и в самом деле не хочешь попробовать еще раз?

— Нет.

— Послушай, Джо...

— Макс, я наконец все понял. Когда-то очень давно мне пришла в голову фантазия создать нечто такое, чего я уже никогда не смогу уничтожить. Я был тогда очень одинок. Мне хотелось, чтобы рядом оказался хоть кто-то, совершенно не похожий на меня. Я взял и создал Максимиллиана. И уже никак больше не мог от него избавиться. Вдобавок я заставил себя забыть, что это именно я сотворил его...

— Ты это серьезно, Джо? Но ведь все было наоборот: это я сотворил тебя! И прекрасно помню, как я это делал. Я очень хорошо помню то время, когда тебя еще тут не было. И даже помню время до того, как тебя тут не было.

— Но неужели ты не понимаешь, что именно я велел тебе помнить об этом?

— Послушай, Джо, ведь все, что касается тебя, — ну совершенная нелепость! Начиная с того, что ты грохочешь с утра до вечера вверх и вниз по лестницам, и кончая твоим этим диким нарядом. Разве подобный кретин может быть настоящим?

— А все потому, Макс, что ты не способен постичь, как люди могут совершать нечто неординарное, не укладывающееся в твои сухие мозги. Ты же сам не раз признавался мне в этом. А раз так, тогда скажи, как сам-то ты можешь считать себя настоящим?

— Ну что же, неплохой вопрос!

— Если ты утверждаешь, что именно ты сотворил меня, тогда почему ты не в силах меня уничтожить, как я только что уничтожил Морганту?

— Потому что я, в отличие от тебя, умею держать себя в руках.

Стрелки на циферблате старинных часов незаметно прокрутились вперед, но теперь каким-то непостижимым образом отстали на две минуты.

Максимиллиан зевнул.

— К тому же я отчетливо помню, как создавал тебя. А вот ты ничего не помнишь...

— Макс, — Джо в отчаянии протянул к нему руки, — ну не станешь же ты отрицать хотя бы того, что я ни разу не видел тебя за пределами этой комнаты?

— Все свои потребности я вполне могу удовлетворить здесь или, скажем, в соседней комнате.

— А вот сейчас, например, ты смог бы пойти со мной?

— Я занят.

— Вот-вот, ты просто не способен выйти отсюда! Это я пожелал, чтобы ты всегда оставался здесь.

— Чепуха. Я часто гуляю —через день, не реже — в одном из нижних коридоров.

— Но почему же, когда я прихожу, ты всегда сидишь за этим столом? В любое время дня и ночи. Я ни разу не застукал тебя снаружи.

— Тем больше причин убедиться в том, что именно я создал тебя. И представь, я никогда не зову тебя — полагаю, у меня это выходит как-то бессознательно... ну да, я допускаю, что временами испытываю к тебе чувство, которое весьма похоже на... нежность.

Джо в ответ только проворчал:

— Ну ладно, ладно. Что ты читаешь?

— «Гагарки». — Максимиллиан погладил переплет. — М.Р. Локли. Прекрасная книга.

— Макс, послушай, ты должен пойти со мной, снаружи кто-то есть. Об этом мне сказала Морганта как раз перед тем, как я избавился от нее. Там кто-то есть, и он пытается проникнуть сюда. — Джо театрально понизил голос. — Через ров!

Максимиллиан так и затрясся от смеха.

— Опять твои дурацкие призраки!

Максимиллиан был невозмутим. Стрелки часов незаметно прокрались вперед и теперь показывали без четверти. Джо выскочил из комнаты, изо всей силы хлопнув дверью.

Прикинув самый короткий путь ко рву, он завел мотоцикл и с ревом помчался вниз по ступенькам; его так трясло, что чуть было не выбросило из седла.

В нишах тускло мерцали язычки коптилок. А вот и черная, обитая гвоздями дверь справа, та самая запертая дверь, квадрат пять на пять футов, вжавшийся в стену. Только он с ней поравнялся, как ему почудилось, что дверь слегка дребезжит. Он резко повернул руль и ринулся в следующий пролет.

Сунув руки в карманы куртки, отчего она еще больше оттопырилась на животе, и хлюпая своей пенковой трубочкой, Максимиллиан тоже вышел прогуляться по дальним этажам и поразмышлять как следует. Беда в том, что, чем дальше он уходил от стен кабинета, тем больше таяла его уверенность в своем происхождении и тем больше одолевали его сомнения. События, о которых они только что спорили с Джо, происходили несколько лет назад, когда в результате сильного переутомления, душевного непокоя он впал в глубокую депрессию и в этом состоянии создал некий временной континуум, а в нем не только самого Джо, но и все эти комнаты, книги, лестницы, залы, как пустые, так и заставленные мебелью, как открытые, так и запертые, а вдобавок окружил все это рвом, наполненным соленой водой, за которым простирался густой лес. Что было до этого, он помнил плохо.

Несколько минут он шагал в темноте, потом до сознания дошло, что эхо его шагов доносится откуда-то издалека. В левой стене, на неравных расстояниях друг от друга темнели прямоугольники дверей, окна же находились справа.

Одной из причин, по которой Максимиллиан не отваживался покидать свой кабинет чаще, чем он это делал, было ощущение того, что за ним постоянно кто-то наблюдает. И чем дальше он уходил от кабинета, тем отчетливее становилось это чувство. Скорее всего за ним шпионит Джо, хотя тот не давал Максу ни малейшего повода так думать. К тому же Джо не был интриганом.

Между двумя портьерами висела огромная картина. На нее падал косой луч лунного света. Поверхность холста казалась почти черной из-за толстого

слоя пыли. Картина была вставлена в широкую, не менее восьми дюймов, покрытую искусной резьбой (листочки, ракушки, птички) позолоченную раму. Макс остановился, вглядываясь в потускневшие краски.

В одном углу холст слегка оторвался от подрамника. В этом месте виднелось какое-то пятно. Правда, трудно было разобрать, небрежный ли то мазок кисти художника, отсвет луны, либо дефект полотна.

Максимиллиан посмотрел налево: там сиял хрустальный канделябр, переделанный в электрический; ламп на нем горело не более половины.

Наконец, глядя на холст, он откашлялся.

— Говорит агент ХМ-07-34. Выхожу на связь с инспектором, сектор 86, квадрат В. Отвечайте. Отвечайте. Говорит агент... гм... ХМ-07-34. Выхожу на связь с инспектором...

— Инспектор слушает. Докладывайте.

— Эксперимент проходит успешно, сэр. Реакции объекта на провокации параноидальных факторов удовлетворительны.

— Превосходно.

— Все стадии эксперимента идут точно по графику.

— Прекрасно.

— Психические реакции блокированы волей к жизни. Жду ваших указаний для перехода к завершающей фазе.

— Превосходно. Просто замечательно! Но скажите мне вот что, агент ХМ-07-34, как вам самим удается выдерживать все это? Каковы ваши собственные ощущения?

— По правде говоря, шеф, мне приходится не очень легко. Я понимаю, это, конечно, смешно, но я действительно начинаю в некотором роде любить объект... до известной степени.

— Боюсь, агент ХМ-07-34, мне знакомы подобные переживания. Подумать только, как они стараются, сколько прилагают усилий, воли... Нет, просто невозможно не чувствовать в некотором роде уважения к ним.

— Именно так, шеф, — Максимиллиан засмеялся.

— Именно, именно так... — из холста раздался ответный смех, соединился с его собственным, поглотился им — и вот снова один только смех Максимиллиана звучит в пустом зале. Все, лицедействовать больше нет сил.

Он огляделся в надежде обнаружить Джо. Но тот, ради которого он выделывал все эти фокусы, не появился.

Максимиллиан отвернулся было от картины, но тут на какую-то долю секунды довольно большая площадь холста перестала отсвечивать, и в самом верху его он увидел маленькое окошко, а сквозь него — узенький каменный мостик, на котором, в тени замковой стены, высоко над черной гладью воды сцепились в схватке две маленькие фигурки; одна из них была совершенно голой.

Но Максимиллиан успел уже сделать шаг, снова на холсте заиграли яркие блики, и разобрать что-либо было уже невозможно.

Нахмурившись, он сделал шаг в сторону, снова шагнул вперед, отступил назад, но так и не смог найти то место, откуда только что все это видел.

Потеряв наконец терпение, он повернулся и подошел к канделябру. Из-за голубых портьер, закрывающих открытый дверной проем, до его слуха донеслись какие-то звуки: похоже, там кто-то негромко разговаривал. Временами отчетливо слышался мужской и женский смех.

Максимиллиан нахмурился еще больше.

С тех пор как в последний раз он был в этом зале, прошло не менее года. Однажды вечером, когда он одиноко бродил по этим коридорам и залам, ему пришла в голову одна нелепая мысль. Глупая мысль, несчастная мысль, он знал, что ничего хорошего из этого не выйдет, и все-таки не удержался и сотворил нечто вроде приема — с гостями, выпивкой, в общем, все, как полагается.

Покинул компанию он довольно рано, другими словами, попросту удрал обратно в кабинет, к своим книгам. И вот теперь он стоял здесь и мучительно вспоминал, уничтожил ли он все тогда перед уходом. А за портьерой продолжали о чем-то болтать. Он тупо смотрел на электрифицированный канделябр. Черный шнур удлинителя, который он сам протянул к другому канделябру в тот зал, где проходил прием, все так же, петляя и змеясь, бежал по ковру и пропадал за портьерами.

Озабоченность его росла. Прием носил официальный характер. А на Максе была все та же мешковатая вельветовая куртка. Вдруг — возможно, слишком вдруг — он отдернул драпировку и очутился на крохотном балкончике.

— Максимиллиан! Вы только посмотрите, ну я же говорила, что он вернется! Стив, Берт, Ронни,— Макс вернулся!

— Ты как всегда вовремя, старина! На часах почти полтретьего.

— Давай, спускайся, сейчас мы с тобой выпьем. Хочешь мартини?

— О Карл, ну кто же так поздно пьет мартини? Налей Максу чего-нибудь покрепче!

Вцепившись в перильца балкона, Максимиллиан молча смотрел вниз. Он открыл было рот, но язык прилип к гортани. Он мучился, ломая голову, что бы такое придумать, что бы такое сказать — что-нибудь этакое, остроумное.

— Макс! Ронни только что рассказал мне анекдот — обхохочешься! Давай, Ронни, выдай его Максу, ну тот самый, помнишь, ты сейчас рассказывал! Про этого, как его... ну ты знаешь, какой!

— Да-да, Грэси так смеялась, что потеряла туфлю. Грэси, ты нашла туфлю?

— Макс, ну иди же к нам, Макс! Ты ведь не думаешь снова удрать от нас, ведь верно?

— Ну конечно, никуда он не уйдет! Ведь он только что пришел, верно, Макс? А, Макс?..

В коридоре Максимиллиан остановился. Ладони стали влажными. Он распрямил пальцы и сразу почувствовал, как они похолодели. Он попытался сосредоточиться, собрать всю свою волю и уничтожить все, что происходит там, за его спиной.

Слегка покачивались портьеры. За ними бормотали, булькали голоса. Засмеялась женщина. Снова голоса. Засмеялся мужчина.

Нет, совершенно нет никаких сил. Гнев, без которого невозможно вычеркнуть все это из бытия, угас. Он сглотнул, в горле раздался какой-то странный клекот.

Сунув руки в карманы куртки, он поспешил прочь.

Створки ворот заскрипели, царапая камень. Джо осторожно выглянул и посмотрел на мост. На той стороне рос мелкий кустарник; дальше шумели на ветру деревья. Вдруг гладкая поверхность воды мгновенно покрылась рябью — словно кто-то невидимый смял блестящую фольгу. Ужас раздробил его сознание на тысячи мельчайших осколков, и в каждом, словно в сложном глазу насекомого, каким-то немыслимым абсурдом отразился, мелькая и переливаясь, крохотный кусочек представшей перед ним реальности. Но мгновением позже вернулся обычный страх, с которым вполне можно было справиться.

С каменной мостовой он шагнул на деревянный настил моста, секунду помедлил, держась рукой за семидюймовое звено цепи подъемного механизма, потом вдруг вспомнил, что вся цепь покрыта густым

слоем смазки. Он отдернул руку, посмотрел на грязные пальцы, вытер руку о джинсы и сунул ее в задний карман. Все равно нужно мыло. Да и вода тоже...

В кустах за мостом кто-то зашевелился. Пристально всматриваясь сквозь запотевшие очки и усиленно моргая от напряжения, Джо шагнул вперед. Вдалеке, за зарослями кустарника, чуть слышно шумели деревья. Порыв ветра откинул в сторону полу его кожаной куртки; звякнули петли на молниях. От кустов отделилась какая-то фигурка, метнулась вперед, и Джо увидел, как по мосту быстро, будто вовсе не ожидая на пути никаких препятствий, шагает мальчишка.

Мальчишка был абсолютно голым.

Теперь он потихоньку крался, то и дело припадая к настилу. Останавливался, замирал, стоя на цыпочках. Локти прижаты к бокам. По плечам, словно клочья самой ночи, хлещут на ветру черные волосы.

— Тебе чего тут надо? — сквозь ветер прокричал Джо.

Левый глаз перевязан черной тряпкой. Правый, огромный и желтый, время от времени моргает.

— Говори же! — снова крикнул Джо.

Мальчишка засмеялся: смех был похож на колючую проволоку, шуршащую по сухим сосновым иголкам. Вот он снова прижал локти к бедрам. Сделал еще шаг.

— Убирайся отсюда, — приказал Джо.

— А, Джо, это ты? Привет!

— Сейчас же убирайся отсюда, — повторил Джо.

Ноги парня сплошь были покрыты царапинами и ссадинами. Набычившись, он посмотрел прямо в глаза Джо.

— Может, все-таки пустишь, а, Джо? — тут он расхохотался, будто в глотке у него заклокотал вулкан.

— Не пущу. Тебе здесь нечего делать.

— Да брось ты, Джо. — Еще шаг навстречу, и мальчишка протянул ему руку. — Пусти, и я скажу, что мне здесь надо.

Джо коснулся холодной, твердой ладони.

— Надо отпереть комнату наверху. Просто-напросто открыть дверь, и все: кто бы там ни был, пускай выходит.

— Зачем?

— Как ты думаешь, что будет, если его выпустить?

— Кого выпустить?

Парень вдруг хихикнул и тыльной стороной ладони вытер губы.

— Знаешь, Джо... — он окинул взглядом тускло освещенный вход, — может, тогда наконец часы в Восточном Флигеле перестанут безбожно врать и будут справляться со своим делом как следует. А вы с Максимиллианом, возможно, не захотите больше здесь жить и уйдете в лес. Интересная мысль, верно?

Но совсем другая мысль, совсем другое чувство беспокоили Джо, и он попытался сосредоточиться.

Вдруг тон мальчишки резко изменился.

— Я должен отпереть ее, понимаешь? Проведи меня туда, а, Джо? Ну просто покажи мне эту дверь, покажи, и все. Остальное я сделаю сам. Я выпущу его и уйду.

— НЕТ!.. — всю силу своего голоса Джо вложил в это слово. Но из горла вырвался лишь хриплый шепот. Где-то далеко, в недрах замка откликнулось слабое эхо. Он обернулся, словно прислушиваясь (в это мгновение он понял, что именно беспокоило его: ему было просто страшно), и юркнул в ближайший дверной проем.

— Джо!..

Кубарем он скатился по тускло освещенной лестнице. Снизу оглянулся и на серебристом фоне лунного света увидел силуэт: держась за стены, мальчишка осторожно спускался следом.

Тут Джо оступился и ударился пяткой о камень, да так сильно, что боль отозвалась в голове. Он собрал остатки сил и, прихрамывая, побежал дальше.

Вот и низенькая арка, откуда знакомые ступеньки кратчайшим путем ведут наверх, туда, где ждет запертая комната. Он лихорадочно соображал, куда бежать; куда угодно, только не туда...

Шаги раздавались совсем близко.

— Джо!..

Он никак не мог вспомнить хоть какой-нибудь поворот, какой-нибудь спасительный боковой коридорчик. Он перебрал в памяти каждый сантиметр зала (так, словно ощупывал стены его пальцами). Ну да, где-то здесь должен быть тот самый узенький, низкий переход, а в нем, в полу, люк...

Он вспомнил про этот потайной ход, когда уже бежал по переходу. Он упал на колени и сдвинул крышку люка. С силой покатил ее к лестнице, и она затарахтела вниз по ступенькам: бам, ба-бам, бам, бам — ну точно, как его мотоцикл.

— Эй, ты что, с ума сошел? — раздалось за его спиной. Джо нырнул в отверстие. Стены и потолок больно царапали спину и плечи.

Наконец прямо перед собой он увидел дверь. Сквозь щель пробивалась полоска света. За спиной что-то шуршало и царапалось. Он распахнул дверь, шагнул вперед — и яркий свет ослепил его.

— Но ведь я говорила...

— И я говорила с Шейлой...

— Ах, я и не заметил, как вы вошли! Ну, идите же сюда, позвольте, я налью вам мартини.

— Ради всего святого, Стив, кто пьет мартини...

— Джо!..

— Держу пари, вы такого еще не слышали. Ронни, расскажи молодому человеку свой анекдот, ну тот самый...

Джо двинулся было вперед, но тут же зацепил ногой за провод удлинителя. Канделябр перевернулся.

— Эй-эй, осторожнее!

Джо дрыгнул ногой — провод отцепился. Но в комнате уже стало темно, как в подземелье.

— Вы, правда, ничего не хотите? Ну, если не мартини, тогда, может...

Джо уже карабкался по ступенькам к маленькому балкончику.

Он уткнулся лицом в портьеру. Тут же запутался в ней, но после короткой борьбы неожиданно оказался в длинном коридоре.

Он перепрыгнул через провод и снова побежал. В лунном сиянии воздух казался наполненным тончайшей серебристой пылью.

Возле огромной картины в позолоченной раме он остановился и оглянулся. На какое-то мгновение потемневший лак картины неожиданно просветлел. Он увидел богато обставленную комнату, полную мужчин и женщин в вечерних туалетах, а среди них две маленькие детские фигурки. Крепко сцепившись друг с другом, они яростно боролись. Один из мальчиков был совершенно голым.

Но кто-то уже раздвигал голубые портьеры, закрывающие дверной проем.

— Куда ты ведешь меня, а, Джо? Ты уверен, что нам сюда? Ты только доведи до места, я выпущу его и уйду, и навсегда оставлю тебя в покое.

И снова Джо побежал по коридору. Дышать стало совсем тяжело, он задыхался. В горле что-то хрипело, грудь разрывалась на части.

— Давай, Джо, я ведь все равно не отстану, давай, давай, Джо!

И тут в глаза Джо упал бледный луч света. Высоко вверху он увидел разрезанное на квадраты черными прутьями решетки окно, наполненное лунным сиянием. Луна освещала три обтесанные ступеньки под ногами; лучи ее текли по ним, переливались через край и мерцали где-то далеко, о как далеко внизу, где мелкой рябью серебрилась чернота воды. Джо

попятился вверх. Темный силуэт угрожающе двинулся навстречу.

Вот он пересек поток лунного света. Лицо вокруг единственного желтого глаза смято волной гнева. Джо резко повернулся и побежал наверх, но тут же споткнулся и упал.

И тут за спиной раздался громкий крик. Что-то мягкое рухнуло ему на спину, скользнуло в сторону и потащило за собой вниз. Всем телом Джо прижался к ступенькам и вцепился в них пальцами — острые камешки больно впились ему в щеку.

И снова дикий, немыслимо отчаянный крик.

Джо зубами вцепился в холодный камень, он орал и отбивался. Кто-то невероятно тяжелый, схватившись за его пояс, тащил его вниз. Вдруг раздался треск разрываемой ткани, и он с облегчением почувствовал, что тяжесть отпустила его.

Далекий всплеск внизу перерезал тонкую нить крика. Эхо звучало все тише и тише. Оно еще долго не умолкало, и, возможно, это были отзвуки его собственных всхлипываний.

Он наконец поднялся и заковылял обратно, вниз по ступенькам. Перед волной лунного света остановился.

На нижней ступеньке лежало что-то темное. Он пригляделся. Золотистый панцирь был расплющен, рядом с ним запекся бурый сгусток крови.

Должно быть, эта тварь укусила мальчишку за ногу, он поскользнулся и стал падать, но успел подпрыгнуть вверх и ухватиться за задний карман джинсов Джо.

Джо ощупал рукой торчащие на ягодице нитки. Потом, тихо позвякивая молниями, осторожно обошел залитое лунным светом пятно.

Он снова подошел к краю моста и затаил дыхание. Эхо все еще звучало внизу.

Часы показывали без пяти три, может, чуть меньше.

Глаза бабуина, как всегда, были скрещены на блестящем носу; вдруг он повел ими справа налево и обратно. Обнажил желтые зубы. Из коробки зазвучал голос, словно кто-то сидящий внутри никак не мог откашляться.

— Говорит агент ХМ-07-34. Выхожу на связь с инспектором, сектор 86, квадрат В. Отвечайте. Отвечайте. Выхожу на связь...

— Инспектор слушает, — вдруг откликнулась со своего пьедестала фигурка мраморного старца. — Докладывайте.

— Эксперимент проходит успешно, сэр. Реакции объекта на...

— Да-да, конечно, — перебил старец. — Знаю, знаю. Но вы ведь не можете, так сказать, некоторым образом не испытывать симпатии к подопытному.

Нарастающий смех был прерван грохотом в одной из нижних комнат, в свою очередь перекрытым тремя отчетливыми ударами часов — бом, бом, бом — причем второй удар звучал значительно громче первого и третьего.

Бабуин скосил глаза, чтобы посмотреть на часы, и как раз в это время Максимиллиан открыл дверь: часы показывали семнадцать минут третьего.

Прошло полчаса с того времени, как Максимиллиан вернулся с прогулки и с наслаждением предавался чтению.

— Макс! — дверь с шумом распахнулась, с размаху ударившись о книжную полку, и в комнату ворвался Джо. — Макс, оно чуть опять не прорвалось! Но я перехитрил его! Я заманил его ко рву, и оно свалилось туда...

— Ты это о чем?

— Оно хотело открыть запертую комнату! — захлебываясь, кричал Джо. — И выпустить! Но я не дал! — Он схватился за край стола. — Макс, не делай больше ничего такого! Макс, ну пожалуйста, никогда больше не делай!

Максимиллиан только покачал головой. О, как ему хотелось, чтобы Джо больше никогда не врывался к нему, и теперь это уже стало самым сильным его желанием на свете.

— Чего не делать?

— Ну таких вот, как *эти*!

— Черт меня побери, Джо, не мог бы ты убраться подобру-поздорову отсюда, — он даже встал, сам изумленный силой собственного гнева и вполне осознавая, что подрагивание мускулов на лице есть не что иное, как судороги, вызванные этим пронзительным криком.

Джо попятился к двери. Он хотел было хоть что-нибудь сказать в ответ, но увы, губы его не смогли произнести ничего, кроме буквы «б», да и то какой-то дефективной. Он пробкой выскочил из комнаты и хлопнул дверью.

Снова за стенкой загремел двигатель мотоцикла. Максимиллиан уселся на свое место, но долго еще никак не мог отыскать строчку, на которой остановился.

Грохоча вверх по ступеням башни, Джо думал, что уж теперь ему наплевать и на Макса, и на то, что тот даже не подозревает, от какой опасности он спас их обоих. И на то, что Макс никогда больше не выйдет из своего пыльного кабинета. Неизвестно, кто из них сошел с ума, но Максу лучше впредь поостеречься, потому что рано или поздно Джо уничтожит его.

Он домчался до самого верха башни и выкатил на крышу. Остановился у стены, выключил двигатель, слез и прислонил мотоцикл к косяку.

Над головой в темных волнах облаков ныряла крохотная луна. Возле балюстрады блестела лужа, и ветер, налетая откуда-то сбоку, морщил ее матовую поверхность, а заодно трепал его волосы, и они щекотали лоб.

Наплевать, что он больше никогда не увидит Макса. Он сотворит себе красивую, нежную, умную девушку, которая будет повиноваться ему во всем, смотреть ему в рот и ловить каждое слово и никогда и ни в чем не станет перечить ему. И в любви она будет неутомима. На этот раз он сотворит темнокожую. И пусть она станет петь ему и играть на арфе. Да, у нее будет прекрасный голос, и она станет петь ему каждый день после обеда, а кожа ее будет так же темна и так же тепла, как темны и теплы тени в дальних залах нижних этажей.

Он снял со стены зеленую ткань. Потом сел, прислонившись спиной к камню. Укутал прозрачным газом руки и уткнулся в них подбородком. Материя была уже почти совсем сухой.

Он попытался сосредоточиться и думать только об этой темнокожей девушке. Но было холодно, мысли его блуждали, прохлада каменных плит проникала сквозь ткань джинсов (он никогда не носил белья), и скоро Джо замерз так, что пришлось застегнуть куртку до самого верха. Он прищурился, и грязное пятно на правом стекле очков вызвало из глубин соседней лужи, в которой отражалась луна, беззвучный взрыв и целый фейерверк серебристых иголок. О, как он устал, устал до такой степени, что мог бы уснуть прямо здесь, но нет, сначала нужно думать о девушке, думать до тех пор, пока не послышится за спиной ее голос, ее тихий призыв: «Джо, Джо...»

На другой башне часы пробили три. Он встал на колени и заглянул через стену. Но нет, удары слышались со стороны Западного Флигеля, где с часами было все в порядке.

— Джо!..

Перевел с английского
Владимир КУЧЕРЯВКИН

Павел Гуревич,
доктор философских наук

МОЛИТВА ДУШИ

Верно ли, что страх, из которого родилась Вселенная — ночь Дикостанцо, владеет каждым человеческим существом без исключения? Правда ли, что он обладает всепроникающей мощью? Джозеф Конрад в «Аванпосте прогресса» сообщает: «Страх остается всегда. Человек может уничтожить в себе все: любовь, ненависть, веру, даже сомнения, но пока он цепляется за жизнь, ему не уничтожить страха: страх — вкрадчивый, непобедимый и ужасный — охватывает все его существо, окрашивает его мысли, таится в его сердце, следит за последним его вздохом».

ЛИК УЖАСА

Доподлинно, что страх — это глубочайшая бездна, в которой гибнут люди и народы. Можно ли преодолеть это чувство или человечество приговорено пожизненно нести на себе вериги страха? Люди размышляли о страхе исстари, едва задумывались о мироздании. Какая леденящая тайна заключена в звездном небе? Почему так величествен и грозен просверк молнии? Отчего неумолим огнедышащий вулкан? Можно ли умилостивить вездесущих духов?

Позже, обратив взор на самих себя, люди стремились разгадать собственные наваждения. Многие мудрецы, от античного философа Демокрита до современного мыслителя Сартра, пытались проникнуть в природу страха. Художественная литература коснулась разных граней этого феномена человеческого существования.

Мир, вообще говоря, полон уродств. Вселенная буквально перенаселена эксцентрическими созданиями. Но разве эти тварные существа способны внушить ужас равнодушной природе? Она многолика и затейлива. Страх возникает только от брошенного окрест человеческого взора. Только человеку заповедано поразиться рассогласованности мира, испытать несоответствие желаемого и реального. На первый взгляд, вывод таков: страх возникает вместе с человеком. Это удостоверяет наше сознание. Человек — особый род сущего. Кроме него, некому содрогнуться от того, что сотворила природа и сам он.

Но привнесенный человеком страх образует целую вселенную. Он гнездится на всех ярусах человеческого существования. Он заполняет не только сознание, но и бездны подсознательного. Вот пример: во время землетрясения в Армении девочку засыпало обломками обрушившегося здания. Ее нашли и вызволили из томительного плена немецкие спасатели. Заслышав речь, знакомую по фильмам, она подняла ручки вверх. Ужас притаился в подсознании. Он только ждет опознавательного знака. В тайниках психики дремлют призраки.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ МЕРКИ

Ужас гонит не только человека, но и человечество. Грибовидное облако, которое поднялось над Хиросимой, испепелило не только все живое, оно разрушило и психическое состояние тех, кто был на спасительном расстоянии от взрыва. Образ вселенской катастрофы, одномоментно явленный сознанию, разорвал связующие нити обычного человеческого восприятия. Люди перестали понимать, кто они такие. Сломалась житейская логика, распалась связь событий. Не только подсознание человека, но и вся родовая память человеческой соборности выплеснули на поверхность психики потоки эсхатологических знаков и предвестий.

Было сказано: в пустыне нет красоты — красота в сердце бедуина. В той же мере во вселенской драматургии, в ее взрывах и протуберанцах, в угасании звезд и космическом сжатии нет страха — страх живет только в душе грешного, чувствующего, отверженного и смертного человека. Это он соизмеряет неисчислимые проявления бытия с собственной участью.

Человек — песчинка Вселенной. Его окружают грозные природные стихии. Небо осыпает людей кометами. Недра Земли извергают огненные лавы. Человек постоянно испытывает на себе предательство земной тверди. Однако источник страха, как можно полагать, вовсе не в игре природных смещений. Он только в помышлении человека о них. Миг прозрения рождает оцепенение.

Истончение живой пленки над планетой угрожает прорывом смертоносных излучений. Ужас не в самом этом природном катаклизме, а в человеческом осознании неотвратимых для него последствий содеянного. В наши дни из рукотворных созданий человека вырывается поток всепоражающих частиц. И вот уже страх настигает нас, когда мы видим всеведущие глаза младенца, изуродованного смертоносной стихией, когда боимся сорвать ягоду с куста, поднять упавший плод. Всепостижение кошмара пронизыаает все наше существо.

Но ведь и другие земные создания не глухи к смертной душераздирающей тоске. «Есть тонкие властительные связи...» (Валерий Брюсов). Лебедь, потерявший подругу, кидается оземь. Томимые неясным инстинктом киты выбрасываются на берег. Чует смертный час, судя по всему, любая живая особь. Нет ли здесь преувеличения, что человек возведен в ранг уникального существа? Может быть, страх ведом всей живой материи?

Однако человек и в самом деле феномен особого рода. По своим физиологическим функциям люди принадлежат к миру животных, существование которых определяется инстинктами и гармонией с природой. Но вместе с тем человек уже отделен от животного мира. И эта его «раздвоенность» составляет суть свойственного человеку экзистенциального противоречия.

Человек остается частью природы, он неотторжим от нее. Он понимает, что «заброшен» в мир в случайное место и время, осознает свою беспомощность, ограниченность сво-

его существования. Над ним тяготеет своего рода проклятие: быть свободным от этого противоречия, от собственных мыслей и чувств, сопряженных с ужасом бытия. Человек — единственное животное, для которого само существование является проблемой: он ее должен решить. От нее никуда не уйти. «Не первородный, а предмирный грех мы искупать обречены страданьем» (Александр Чижевский).

Эрих Фромм писал, что человек стоит перед страшной опасностью превращения в узника природы, оставаясь одновременно свободным внутри своего сознания, ибо ему предопределено быть частью природы и одновременно быть выделенным из нее, быть ни там, ни здесь. Человеческое самосознание сделало человека странным в этом мире, он отделен, уединен, объят страхом...

Исток человеческого ужаса — свобода, которой наделен индивид. Все живые существа соприкасаются с бытием, но человеку ведомо нечто большее — возможность отвержения сущего. Ставя мир как реальность под вопрос, человек как бы сам себя выводит за пределы бытия. Эту способность человека выделять нечто, его обособляющее, великий французский философ Рене Декарт вслед за стоиками назвал свободой.

ПОЖИЗНЕННЫЙ УДЕЛ

В человеке просыпается сознание трагичности своей судьбы. Он отдает себе отчет в том, что в конце концов его ожидает смерть, хотя он и пытается отрицать это в различных фантазиях. Феномен страха проступает уже в известном мифе о сотворении человека Богом, о происхождении человеческого рода от одной пары, об ангеле-искусителе и грехопадении. Это пестрая смесь иудаизма и его преданий, прежде всего Ветхого Завета, а также античной религиозной истории и Евангелия.

По мнению Э. Фромма, в библейском мифе об изгнании из рая отображена фундаментальная связь между человеком и свободой. Ведь этот миф отождествляет начало человеческой истории с актом выбора. При этом особо подчеркиваются греховность первого акта свободы и те страдания, которые явились его следствием. Данная притча имеет огромное значение для всех людей, гораздо большее, чем это может показаться на первый взгляд. Ведь даже тот, кто, как ему кажется, освободился от веры в бессмертие души и ее последующее воскрешение, не может до конца изжить в себе тот образ мыслей и чувств, те способы оценки и самооценки, которые глубоко сидят в человеческом сознании и определены верой.

...Мужчина и женщина живут в садах Эдема в полной гармонии друг с другом и природой. Там мир и покой, там нет нужды в труде. Нет выбора, нет свободы, даже размышления ни к чему. Человеку запрещено вкушать от древа познания добра и зла. Он нарушает этот запрет и тем самым лишает себя гармонии с природой. Преступив установленный Богом порядок, человек, казалось бы, освободился от принуждения.

Нарушение запрета, грехопадение, является первым актом выбора, актом свободы, то есть первым *человеческим* актом вообще. Формально грех состоял в том, что человек вкусил от древа познания. Таким образом, акт неподчинения, акт свободы прямо связывается с началом Истории. Став индивидом, человек сделал первый шаг к тому, чтобы превратиться в человека. Он совершил первый акт свободы, и миф подчеркивает страдания, возникшие в результате этого акта.

Некогда рожденный страхом миф о падении и первородном грехе переходит в чувство подавленности, которое является специфической болезнью человека. Немецкий философ И. Кант выразил эту мысль словами: из той кривой тесины, из которой сделан человек, невозможно сделать ничего прямого. Психология страха — неизбежный спутник цивилизации. Видный философ Макс Шелер заметил: «В истории еще не появился такой ввликий психоаналитик, который освободил бы человека от этого смертного ужаса...»

Выходит, страх — пожизненный удел человека, бремя избранной им свободы. Но почему тогда мы называем это чувство страстью? Ведь многие мудрецы прошлого и настоящего (сошлемся хотя бы на книгу итальянца А. Моссо «Страх», изданную в Полтаве в 1887 г.) считали, что страх — это болезнь, которую надо лечить. Издавна это состояние человека изучали психологи, толкуя страх как отрицательную эмоцию, которая обнаруживает себя, когда возникает реальная или мнимая опасность.

Плиний Старший в «Естественной истории» рассказывает, как из двадцати гладиаторов едва ли можно было найти двух, которые не опустили бы век, когда перед ними делали внезапный угрожающий жест. Поэты открыли вдруг, что нежданное чувство обнаруживается по ритмам сердца.

Страх парализует волю. Героем считали того, кто способен силою воли побороть в себе чувство ужаса. Отправляясь на битву, Александр Македонский приносил жвртвы демону страха. Гостилий построил храмы этому божеству и приставил жрецов к алтарям. В Туринском музее и сегодня можно видеть римские медали, на одной из которых вычеканена женщина в состоянии ужаса, а на другой — мужчина, объятый страхом. Они были выбиты консулами в память тех обетов, которые были даны для умилостивления страха.

Позже феномен страха пытались распознать путем изучения человеческой физиологии. Первая такая книга принадлежит Декарту. Утверждая, что древняя философия Аристотеля не решила ни одного вопроса, связанного с постижением человеческой природы, Декарт приступил к физиологическому исследованию души. Он полагал, что страх имеет чисто физические причины, и поэтому искал в мозгу следы впечатлений, которые оставлены пережитыми ощущениями. Кант позже с горечью заметил, что всякое теоретическое умствование по этому поводу ни к чему не ведет.

СТРАХ КАК СТРАСТЬ

Страсть — это нечто, к чему неодолимо тянется душа человека, без чего человеческое бытие оказывается неполным. Но правомерно ли назвать страх глубинным, трудноутолимым побуждением? Неужели, преодолевая ужас, человек сам бессознательно устремляется к нему? Какие тайны человеческого естества открываются при этом?

Фридрих Ницше однажды заметил, что упорядоченное общество пытается усыпить страсти. Напротив, самые сильные и самые злые умы стараются воспламенить эти могучие импульсы. Без них человечество, по словам немецкого философа, не может развиваться. Едва ли не во всех человеческих культурах обнаруживается специфическая метафизика страха. Люди вовсе не пытаются отогнать это переживание, они хотят изведать его в полной мере.

В современных апокалипсических видениях нередко проступает архаический страх, образующий изначальный пласт коллективного опыта людского рода. В патриархальных языческих культурах обнаруживаются особые культы страха. Древние мистерии предлагают людям изведать ужас символических событий прошлого. Зачем воскрешаются эти картины злодейских убийств и омерзительных совокуплений? Почему люди хотят пережить еще раз то, что осталось, казалось бы, невозвратимо в толще истории? Отчего они убеждены, что, став не зрителем, а участником такой мистерии, где проливается кровь и плоть разрывается в диких корчах, люди испытывают целебный психологический взрыв, душевное очищение?

Эта затаенная тяга к страху не растворилась в архаических культурах. Она отчетливо обнаруживается и в христианстве. Не случайно, как это очевидно, понятие грехопадения вызвало к жизни многочисленные варианты исторических писаний и всемирно-исторических перспектив — от «Града Божия» Августина Блаженного через Отто Фрезингу и Боссюэ до современных теологов. Христианство стремится разбудить в человеке страх перед собственными прегрешениями, оно создает особую культуру покаяния. Христианин не отвращает своего взора от ужасов ада, а, напротив, пытается свободно впустить в собственное сознание эсхатологические образы. Райское блаженство обретает смысл только на фоне адских мучений.

Не удовлетворилась идиллическими картинами и эпоха романтизма. Романтики приковали внимание к теневой стороне души. Целая эпоха тяготела к скорбным, мучительным сатанинским образам, призванным открыть человеку запретные зоны страха. Особую сладостность являли богоборческие мотивы. Читаем у Мильтона:

Разве я просил тебя, Творец,
Меня создать из праха человеком?
Из мрака я ль просил меня извлечь?

Сатана, Люцифер, Мятежник демонстрировали не только омраченность духа, химеры нечеловеческих измышлений, но и готовность прямой встречи с роком и ужасом. Романтизация страха составила примечательную черту сознания. Оно стремилось уловить тончайшие оттенки данного переживания, которое обретало причудливые формы. В романтическом делириуме рождались фантасмагорические образы страха.

Утрачены ли эти традиции сегодня? Отнюдь не утрачены. Литература последних столетий — готический роман, детективы, триллеры, произведения ужасов — уже не просто удовлетворяют человеческую любознательность, пытливость в распознавании кошмвров. Она буквально обслуживает фантазии человека, обуреваемого страстью видеть, осязать, переживать страшное. Массовая культура наших дней немыслима без сюжетики криминальных убийств, погони и воздаяния, расправы и некрофильских влечений. Это ли не страсть?

Наконец в современной культуре невероятную притягательность приобрели эсхатологические темы, мотивы вселенской катастрофы и гибели Человечества. Читаем у Томвса Манна в его «Докторе Фаустусе»: «Поистине существует апокалиптическая культура, до известной степени посвящающая исступленных в несомненные факты и события, хотя это и наводит на мысль о странном психологическом феномене, заключающемся в повторяемости наитий прошлого, в несамостоятельности, заимствовании, шаблонности исступлений».

Человечество со всей страстью предается страху. Но что это за причуда? Какая человеческая потребность рождает это всепроникающее влечение? Наконец, что такое свобода человека, если через нее в мир приходит ничто? Этот последний вопрос принадлежит Сартру. Он пытается понять, что такое человеческая реальность. Она, по его мнению, не содержит в себе ничего такого, что могло бы обусловить человеческое поведение. Иначе говоря, объясняя человеческие поступки, невозможно сослаться на что-либо объективное, прибегнуть к каким-то внесубъектным предпосылкам.

Человек абсолютно свободен в своем поведении, и он вынужден отвечать сам за все происходящее. Человеческое бытие в этой связи — это ничем не предопределенный выбор. Все, что происходит с человеком, все его действия проистекают из его собственных личных усилий, и они сами образуют меру его индивидуальной ответственности и свободы.

Однако свобода постоянно находится под угрозой. Поскольку она отождествляется человеком с опытом собственного сознания, ему все время приходится ее отстаивать. «Вещи», противостоящие свободе, обладают агрессивностью. Они то и дело подстерегают человека, обрушиваются на него. По своей природе реальность человека есть несчастное сознание без всякой надежды выйти из этого состояния.

Сартр приходит к следующему выводу: исследования, предпринимаемые нами до сих пор, ясно показывают, что свобода не может полагаться и описываться как некое свойство человеческой души. О человеке нельзя сказать, что он сначала есть, а затем, что он свободен. Но тогда возникает еще один вопрос: в какой мере существует такое сознание свободы? Французский экзистенциалист отвечает: человек сознает свою свободу в тревоге. Тревога, если угодно, — это способ бытия свободы как сознания бытия. Именно в тревоге свобода в своем бытии оказывается для самой себя под вопросом.

Но можно ли отождествить тревогу и страх? Нет. Страх нередко порождается конкретными причинами. Мы боимся смерти, разорения, предательства, измены, нападения. Все это порождает смятение духа. Фактор враждебности, как говорится, налицо. Но есть и другой тип страха, когда никакой реальной опасности нет, но человек все равно пребывает в крайнем замешательстве. Это страх человека перед самим собой.

ТРЕВОГА И СТРАХ

Великий датский философ Серен Кьеркегор проводил различие между этими двумя экзистенциальными состояниями. Есть безотчетная тревога, постоянно живущая в душе человека и взыскующая все новые и новые образы. Но есть и страх, порожденный конкретными угрозами. Комментируя это различие, Сартр приводит впечатляющие примеры. Головокружение у края пропасти можно назвать тревогой, но вовсе не потому, что я боюсь сорваться в бездну, но потому, что не могу поручиться, как бы я сам в нее не бросился...

Ситуация может вызывать страх, угрожая мне какими-то переменами извне, но она наводит тревогу, коль скоро я начинаю опасаться в этой ситуации самого себя. Артобстрел перед наступлением противника вызывает страх у солдата, который попал в полосу огня, но тревога овладевает им, лишь когда он попробует понять, как ему повести себя перед обстрелом, когда он задается вопросом, сумеет ли он «выстоять».

Возможно, человек анезапно пережил тяжелый удар судьбы. Скажем, в результате финансового краха он лишился своих доходов. Такой человек может испытать страх перед грозящей нищетой. Но это еще не тревога, которая способна окрасить собой все человеческое бытие. Но вот наступает день. Человек в полной мере осознает реальность того, что произошло. Он восклицает: «Что я теперь буду делать? Что мне предпринять?» Это означает, что его наполнила тревога...

Попытаемся вслед за Сартром разобраться, что такое тревога в приведенных примерах. Обратимся к случаю головокружения у края пропасти. Оно начинается со страха: я нахожусь на узкой, без ограждения тропе, тянущейся вдоль пропасти. Бездна дана мне как то, чего надо обязательно избежать, в ней смертельная опасность. Вместе с тем я усматриваю некоторый ряд связанных с всеобщим детерминизмом причин, которые могут обратить опасную возможность в реальность: может статься, сорвусь в пропасть, поскользнувшись на камне. Не исключено, что грунт под ногами окажется рыхлым и обвалится.

В русле этих опасений «я» дано себе как вещь. «Я» пассивно относительно такого рода возможностей. Они обступают меня, поскольку я существую как объект в мире, подверженный закону тяготения. Все такие возможности мне лично не принадлежат. В этот момент является страх, он есть мое постижение себя, исходя из заданной ситуации.

Какие выводы следуют из этих рассуждений? Прежде всего страх рассматривается в данном случае как нечто, постоянно сопутствующее человеческой жизни. В этом контексте он оказывается одним из основных понятий экзистенциализма. Страх неотделим от человека, потому что без этого глубинного переживания вообще немыслимо подлинное существование человека. В противном случае можно говорить лишь о бездумном, растительном пребывании в реальности. Действительное восхождение к достойному бытию обеспечивается такими феноменами, квк «страх» (К. Ясперс, М. Хайдеггер), «экзистенциальная тревога», «тошнота» (Ж.-П. Сартр), «скука» (А. Камю).

Слова, как видим, разные. Но предполагается нечто глубоко сходное. Напомним еще раз, что речь идет вовсе не о психологических основах неких отрицательных эмоций. Экзистенциальный страх нельзя ни вылечить, ни изжить. Его можно лишь испить полной чашей. Ведь он порожден не физической опасностью, не его готовностью укрыться от беды. Это метафизический ужас, в основе которого неустранимое горькое откровение, своего рода прозрение.

Экзистенциалисты, таким образом, отвечают на вопрос, который мы поставили: что заставляет человека испытывать страх как некую страсть? Если подлинное существование обретается созерцанием беспредельной бездны бытия, то отчего не сой-

тись поближе с образами страха, не разглядеть его причудливую вязь, не проникнуть в сердцевину всепожирающего ужаса? Только в тревоге я постигаю себя как существо тотально свободное. В активности этого бытия мир единственно и обретает смысл.

Разумеется, внутреннее, напряженное и интимное влечение к страху имеет экзистенциальный смысл. Но *было бы, вероятно, неразумным ограничиться только этим* объяснением. Метафизический страх погружает человека в самые немыслимые состояния. Он даже заставляет пережить сладчайший миг блаженства. Здесь и возникает простор для человеческой фантазии. Обрвзы ужаса рождаются как преображение огромной психической энергии человека. Кочующие архетипы словно заслоняют человека от возможного саморазрушения.

«Да, меня страшит вовсе не сама опасность, а то, что она за собою влечет: чувство ужаса. Вот что заранее отнимает у меня силы и достоинство, я знаю — рано или поздно придет час, когда я разом лишусь и рассудка и жизни в схватке с этим мрачным призраком — СТРАХОМ».

Эдгар По. «Падение дома Ашеров».

Кир Булычев

Школьные каникулы Корнелия Удалова

По договоренности с Киром Булычевым, свои отчеты о командировках в Великий Гусляр он в первую очередь предлагает читателям нашего журнала. В последний раз писатель побывал в славном городе полгода назад, о чем мы сообщили всем заинтересованным лицам в третьем номере «Если».

И вот летописец снова в Великом Гусляре...

Лев Христофорович пригласил к себе Удалова на чашку кофе. Ксения не разрешала Корнелию Ивановичу пить настоящий крепкий кофе, к которому он пристрастился за время своих космических странствий, полагая его вредным для удаловского сердца, а Минц сам был кофейным любителем, умел выбирать, молоть, обжаривать и варить в старинных армянских турках такой напиток, что запахом его пропитывался весь дом, и жильцы, кто с завистью, а кто с негодованием, нюхали воздух и покачивали головами. Впрочем, любой из обитателей дома №16 по Пушкинской улице мог заглянуть к Минцу на чашечку, если тот, конечно, не был занят изобретательством или научно-теоретическими размышлениями.

Старые друзья пили кофе маленькими глотками, чтобы лучше прочувствовать, и запивали его из бокалов добрым французским коньяком, присланным профессору из Сорбонны, где он в прошлом году делал доклад, а заодно походя решил проблему протекавших крыш старинного университета, окружив их силовым полем. Вот и благодарили его коллеги, не забывали.

— Странно, — произнес Корнелий Иванович, — я тут под Новый год купил французского коньяку в такой же почти бутылке, только золота было больше на этикетке. А вкус оказался хуже, чем у трех звездочек мелитопольского розлива.

— Ничего странного в том нет, — возразил профессор. — Типичный пример несоответствия вывески и содержания.

— Это грустно, — сказал Удалов, — всю жизнь я с этим сталкиваюсь. Еще на пионерской линейке рапортовал, помню, о сборе двух тонн макулатуры, а было ее три кило. Помню, такая была добрая девочка, Ириной звали... — Удалов вздохнул и задумался.

— Ты о ком, Корнелий? — Спросил Минц.

— Это во втором классе было. Я ей все фантики отдал. И марки потом тоже. А когда была контрольная по арифметике, она списать не дала.

— Обидно, — согласился Минц. — Очень обидно. Печенья хочешь?

— Нет, не хочу. У меня в школе и другие печальные случаи были.

— Какой период жизни ярче всего возникает у тебя в памяти? — спросил Минц.

— Школьные годы, особенно школьные каникулы, — без колебания ответил Удалов.

— Я так и думал, — согласился Минц. — А вот о себе я этого не скажу. Не знаю, не помню, не участвовал...

Они помолчали. Когда ты сжился с человеком, сблизился с ним, пережил немало приключений, то можно посидеть молча, это не мешает общению.

— Как мы можем разбираться в других людях, — неожиданно для себя сказал Удалов, — если сами себя не знаем.

— Правильно, — ответил Минц. — Потому что наш облик вовсе не отвечает внутреннему содержанию. Об этом писали еще древние. Я старался решить эту задачу, ответить на вызов, который мне бросила природа, но понапрасну. Ты же знаешь...

Удалов кивнул. Он понял, что Минц имеет в виду свое последнее не совсем удачное, хоть и гениальное, изобретение. Лев Христофорович изготовил мазь, которой можно было покрыть зеркало. И тогда зеркало отражало не видимость, не зрительный образ человек, а его истинную сущность. Однако это изобретение имело недостаток: ведь состояние человеческой души непрестанно меняется. Сейчас вы дьявол, потому что общаетесь со своим начальником, а через две минуты сущий ангел, так как увидели его секретаршу Ларису.

В зеркале Минца один и тот же человек мог последовательно увидеть десять своих лиц или физиономий — в зависимости от обстоятельств.

— Ты же знаешь, — повторил Минц, — что нельзя упрощать обыкновенного человека, нашего с тобой современника. Он многообразен.

— Вот я — точно многообразен, — согласился Удалов.

Они еще помолчали.

— Жизнь слишком быстро проходит, — продолжал Удалов. — Если в отпуске или командировке, то еще терпимо. Но если в будние дни, то просто катастрофически несется.

Кофе чуть остыл, но не потерял насыщенности и сочного вкуса. Удалов пил его маленькими глотками, а Минц смотрел на друга и покачивал головой, как китайский болванчик.

— Порой мне легче увидеть то, что было сорок лет назад, тогда как прошлогоднее забывается. И я задаю вопросы небу: кто я такой? сколько прожил на Земле? сколько мне еще суждено прожить? — размышлял вслух Лев Христофорович.

Пожилой кот Мурзик, который приходил к Минцу через форточку подкрепиться или подремать на коврике у плиты, устав слушать разговор стариков, стал играть с катушкой ниток.

— И он туда же, — заметил Удалов. — Как будто котенок. Тоже не заметил, как жизнь пролетела мимо. А ты говоришь — люди себя знают.

— Я не говорил такого. Я повторяю, что наблюдаю видимость людей, маски. Мои попытки сорвать маски и заглянуть в истинные лица моих сограждан пока не приносили результата.

— А ты подумай, Лев, — попросил Удалов. — Изобрети что-нибудь, а то совсем старый станешь, истратишься.

Удалов улыбнулся.

— Сколько тебе лет? — спросил Минц.

— В будущем году на пенсию.

— Трудно поверить, — сказал Минц. — Трудно поверить...

И словно отключился, словно забыл, что в гостях у него сидит дорогой друг и давнишний сосед. Но Удалов не обиделся. Он знал момент начала творческого процесса. Не раз его наблюдал. Теперь, пока изобретение не совершится, профессора лучше

не трогать. Бесполезно. Он находится в ином мире, в мире буйного воображения и трезвых математических расчетов...

Удалов собрал чашки, вымыл их на кухне, попрощался, на что Минц кивнул головой, словно заметил уход друга.

* * *

У Минца был один верный способ внедрять свои изобретения в жизнь. Для этого надо было забраться на колокольню церкви Параскевы Пятницы и опылить или обрызгать город чем следует. И тогда в Великом Гусляре начинались очередные волшебные изменения.

— Пойдем, побрызгаем, — говорил Минц в таком случае своему верному Удалову, а Корнелий в ответ спрашивал:

— А жертв среди мирного населения не будет?

— Пока не будет, — отвечал Минц. Он отвечал за последствия эксперимента, но никогда не брал на себя ответственности за последствия последствий.

Стоял нежный осенний день. Небо над колокольней в тот день было сиреневым, чистым и хрупким, гудок речного пароходика от пристани показался Корнелию трубным гласом оленя. Канистра с очередным зельем, снабженная распылителем, стояла на перилах колокольни.

— Так что же мы сегодня сеем? — спросил Корнелий Иванович.

— Помнишь наш вчерашний разговор? — спросил Минц.

Последний разговор между друзьями состоялся больше недели назад, но, как известно, в глазах Минца время — фактор крайне относительный. Видно, неделя показалась ему несколькими часами.

— Помню.

— Ты задел во мне больную струну.

Минц проверил, хорошо ли работает пульверизатор; прозрачное облачко вещества выбралось из канистры и улетело вдаль.

— Ты открыл мне глаза, насколько бессмысленно я провел жизнь, если при моих гениальных способностях так и не смог решить главную задачу науки — как открыть истинную сущность человека? Каков он? Не в тот момент, когда поглядел в зеркало, не в тот момент, когда ссорится с женой или подает доллар нищему. Нет! Я хочу, чтобы с человека слезла привычная шкура и мы увидели его голеньким!

С этими словами Минц сильно нажал на рычаг, и вскоре невесомая кисея окутала весь город.

— Надеюсь, вы не в прямом смысле? — спросил Удалов.

— Не понял!

— Надеюсь, не в смысле всех раздеть, как в банный день!

— Одежды спадут сами! — туманно воскликнул Минц.

* * *

Опустевшую канистру Удалов донес до дома.

— Утром, — пообещал Минц на прощание. — Утром сам поймешь.

Ксения встретила мужа сердито — почему надо ждать его к обеду? Тут пришла из ясель Каролинка, невестка, жена Максима. Привела Вениамина. Отношения Удалова с невесткой были на грани «холодной» войны. Это происходило оттого, что Каролинка, серьезный, образованный человек, попала в мещанскую семью. За мещанство сильно попадало Максимке, доставалась толика презрения Корнелию Ивановичу. Только Ксению Каролинка не смела презирать, потому что с Ксенией такие номера не проходили. Тут живо вернешься в общежитие речного техникума, откуда взял себе невесту Максим Удалов, плененный ею на стадионе, где крепкая брюнетка стала призером района по толканию ядра.

Вскоре пришел и Максим, который второй год работал парикмахером, перейдя на заочный факультет. А что будешь делать, если надо воспитывать ребенка в яслях-лицее, чтобы он не стал мещанином?

Удалов хотел было поцеловать Венечку, но трехлетка знал, кто правит домом, и уклонился.

— Твои поцелуи отдают пошлостью, — пролепетал ребеночек.

Удалову стало горько. Он понял, что, несмотря на определенный авторитет в Галактике и след, оставленный в творчестве Кира Булычева, он с годами потерял в семье остатки прежнего значения, и скоро ему уже будут ставить миску с едой в углу, рядом с кошачьим блюдцем.

Вошел усталый Максимка. От него пахло одеколоном. Начался обед. Удалов оглядывал свою семью и думал: скоро я распознаю вашу истинную сущность. Минц снимет с вас шкуры.

* * *

Похожее с Удаловым уже было...

Много лет назад. Ему уже приходилось временно превращаться в мальчика. Сейчас было иначе.

Удалов проснулся от странного, свежего и счастливого чувства внутренней гармонии. Не открывая глаз, он уже понял, что в нем все прекрасно — и мысли, и дела, и тело.

Удалов потянулся, но не достал ногами до спинки кровати, что раньше всегда ему удавалось. Что-то мешало ему открыть глаза — словно он попал в лесу в большую паутину, и теперь должен ее с себя стряхнуть.

С легким шорохом почти невесомая оболочка, разорвавшись, слезла с Удалова, он отбросил ее и открыл глаза.

Привычное округлое пятно на протекшем потолке приветствовало его, как и каждое утро. Рядом тяжело дышала Ксения. Солнце бросало косые лучи бабьего лета в окно, в лучах плавали пылинки. Жужжала поздняя муха...

Ксения спала, отвернувшись от Корнелия, он видел лишь ее округлую спину в ночной рубашке и крашеные волосы с сединой у корней. Собственная рука попала в поле зрения Корнелия Ивановича, и он сначала поразился перемене, происшедшей в ней, а потом решил не удивляться: рука была не очень толстой, мальчишеской, покрытой редким пушком и уж никак не седеющим волосяным покровом, как у вчерашнего Корнелия.

Он провел ладонью по животу. Живот, выпуклый все последние десятилетия, оказался впалым.

Осторожно, чтобы не разбудить Ксению, Удалов опустил детские ноги с кровати и ступил в шлепанцы. Пижамные штаны сразу свалились на пол, и пришлось идти в ванную, придерживая их рукой.

Удалов обратил внимание на тонкую прозрачную шкурку, валявшуюся рядом с кроватью. Каким-то шестым чувством он понял, что это его собственная шкурка. Сбросив ее, подобно змее, он помолодел.

В ванной Удалов посмотрел в зеркало. Он себя узнал. С поправкой на много лет. Сейчас Удалову было лет двенадцать-тринадцать. Скорее отрок, чем подросток. Романтически настроенный, лохматый, голубоглазый, круглолицый Корнюша, добрая душа. Вот ты какой, Корнелий! Добро пожаловать!

Умываясь, Корнелий рассуждал о том, что его превращение — без сомнения, следствие эксперимента, опыления, в котором он сам вчера принимал участие. Неясно только, зачем надо было молодить Корнелия на столько лет, если ты хочешь докопаться до сути людей нашего города. Что-то неладно! Опять Минц ошибся.

Корнелий Иванович натянул брюки, завернул их снизу, затянул ремень на последнюю дырку. Ботинки болтались на ногах, но шнурки, намотанные на щиколотки, держали их. Пришлось закатать рукава рубашки.

Совершая туалет, Корнелий продолжал ломать голову над причинами превращения. Тревоги, правда, не было, потому что он знал: если будет плохо, то Минц всегда изобретет антивещество, которое снимет отрицательный эффект. А впрочем, Корнелию и не хотелось пока возвращаться в прежний облик, потому что в нем жило ощущение гармонии.

...Ксения продрала глаза и сидела в постели, пытаясь очистить себя от невесомой шкурки — своего прежнего облика. Сейчас она хоть и изменилась, скинув с себя лет десять, все равно оставалась узнаваемой. Ну ладно, стала помоложе, покрепче, позлее. И все, пожалуй.

Вот американцы или москвичи, подумал Удалов, умеют же подобрать себе жен из красивых, длинноногих, а главное, покладистых и интеллигентных женщин. А в Великом Гусляре таких жен почти нет, а если и есть, то давно разобраны иногородними.

— Ты чего! — крикнула Ксения с осуждением. — Ты с ума сошел, что ли? Опять за свои штучки взялся?

— Ксения, — сказал Удалов ломким подростковым голосом, — возьми себя в руки. Нас изменили. И я думаю, что скоро Лев Христофорович зайдет и даст разъяснения.

— Как так изменили? Всех изменили или опять тебя, горемычного, морскую свинку, макаку-резуса изменили?

— Ты тоже помолодела, — заметил Удалов, и его жена как только поняла, что он сказал, опрометью кинулась в ванную — смотреться в зеркало.

Не успела закрыться за Ксенией дверь, как распахнулась другая — в комнату молодых. И тут Корнелий испытал удивление, которого не испытывал давно. Из комнаты вышло три человека: пожилая женщина грузного вида и брюнетного облика, по бровям которой можно было узнать Каролинку. За ней несмело брели двое. Мальчик лет десяти, в котором Удалов узнал маленького Максимку, и сердце его дрогнуло от отцовских чувств. А также карлика без возраста, но с бородкой — повзрослевшего внука Вениамина.

— Какой телефон милиции? — спросила Каролинка.

Удалов не успел ответить, как его сын бросился к нему на грудь.

— Папа! — кричал он. — Папочка! Какое счастье, что мы с тобой теперь одинаковые! Ты меня от нее защитишь!

А Вениамин, который остановился в дверях, сунул палец в рот и замер в такой позе.

— Что все это значит? — спросила Ксения, выходя из ванной и обозревая преобразившееся семейство.

— Сейчас узнаю! — откликнулся Удалов и, прежде чем его успели остановить, кинулся прочь из квартиры, чуть не сбив по пути старика Ложкина, который в трусах и майке спешил вниз, на улицу, чтобы сделать пробежку. Он каждое утро делал пробежки до набережной и обратно.

— Ты кто такой? — спросил он мальчишку, пробежавшего мимо. — Ты зачем в наш дом залез? Воруешь?

— Не до тебя, Николай Николаевич! — откликнулся мальчишка и принялся барабанить в дверь к Минцу.

Изнутри долго не открывали, и раньше открылась соседняя дверь, к Саше Грубину. Из нее выглянул Саша в возрасте подростка, с пышной шевелюрой.

Саша все сразу понял и сказал:

— Заходи, Корнелий. Дело серьезнее, чем ты предполагаешь.

Корнелий покорно прошел к Грубину, волоча большие ботинки.

— Я все знаю, — сказал подросток Грубин. — Я тебя узнал, и ты меня тоже?

— Да, Саша, я тебя тоже узнал, но считаю, что пора будить Минца.

— Не надо будить Минца, — ответил Грубин. — Он спит. Он всю ночь со мной проговорил, а потом я его спать положил.

— Тогда ты мне, может, объяснишь? Как друг!

— Я тебе объясню. Мысль Минца была простой. Он хотел открыть истинные лица жителей Великого Гусляра. Истинные. Он хотел понять, что же таится за фасадом каждого из нас. Но как всегда, при гениальности эксперимента имела место непродуманность концепции. Средство Минца действует лишь на физиологическую сторону наших организмов.

— Говори яснее, Саша!

— Куда уж яснее. Каждый человек с возрастом вступает в противоречие с самим собой. Один всю жизнь прожил, состарился, а на самом деле у него сохраняется душа мальчишки. А другой родился уже стариком, хотя на вид он — младенец. Из-за противоречия между формальным возрастом человека и возрастом истинным происходят различные внутренние конфликты, и некоторые лица даже сходят с ума.

— Значит, какой тебе возраст задан...

— Генетически задан!

— Какой возраст задан, такое у тебя и поведение?

— Вот именно! Человечество давно уже заметило это противоречие. В народном фольклоре это отмечено, в песнях и пословицах осмеяно. Вспомни: «Седина в голову, а бес в ребро», «Маленькая собачка — до старости щенок».

— Как волка ни корми, он все в лес смотрит! — дополнил фольклор Корнелий Иванович.

Грубин поднял бровь, но не стал спорить.

Дверь распахнулась — в нее влетел мальчик Максимка.

— Папочка! — закричал он. — Меня Каролинка бьет.

— Это еще почему? — взъярился Удалов, но не успел броситься к двери, как в проеме показалась грузная немолодая Каролинка, держащая на согнутой руке своего старообразного Венечку.

— Я звонила в милицию! — сообщила она. — Я их всех разгоню!

— И что в милиции?

Каролинка хотело было проигнорировать вопрос незнакомого подростка, но язык помимо ее воли сказал:

— Там черт-те знает что! К телефону мальчишка подошел и велел мне катиться куда подальше. Мальчишка!

— Не исключено, — заметил Грубин. — Ведь это случилось со всем городом.

— Надо будить Минца и останавливать, — предложил Удалов. — Ты же понимаешь, какие могут быть недоразумения!

— Погоди, — ушел от ответа Грубин. — Может

быть, мы того... поглядим, погуляем. Ведь уникальный случай. Когда ты еще своих знакомых встретишь в их истинном возрасте и облике?

Удалов понял, что Саша говорит дело. Проверяет, есть ли у соседа любопытство или уже исчерпалось?

* * *

Максимка увязался за взрослыми, в которых никто бы и не признал взрослых, и втроем они отправились в утренний город, пораженный в самое сердце открытием самого себя.

Это был счастливый город, хотя далеко не каждый бы сообразил, что это именно так, потому что некоторые люди передвигались по улицам с проклятиями и сопротивлением судьбе. И это неудивительно: ведь когда вам откроют глаза на вашу действительную суть, это совсем не значит, что вы будете счастливы. С самим собой еще надо свыкнуться, а может, и примириться.

Пользуясь теплым солнечным днем и не в силах сидеть дома, встревоженные происходящими в себе переменами гуслярцы вышли на улицы, словно было Первое мая.

Удалов почему-то предполагал, что город большей частью постареет, но оказалось наоборот. Можно было подумать, что они попали не на площадь Землепроходцев, а во двор городской школы — столько детей всевозможного возраста, одетых странно и нелепо, в кое-как подобранных одеждах со взрослого плеча, ходило, бегало, перекликалось, узнавало друг дружку, как вернувшиеся после каникул сорванцы, хотя каникулы для многих протянулись на десятки лет.

Кое-где валялись шкурки людей.

По улице бежал толстый мальчик, подгоняя перед собой футбольный кожемитовый мяч. «Господи, так этим мячом мы выиграли у шестого «Б»!» — сообразил Удалов и закричал:

— Савич, пасуй сюда!

А толстый Савич даже завопил от радости, что встретил одноклассника, спутника по самым сладким временам их жизни. Он пасанул Корню, а Корень отбросил мяч Сашке Версте, но тут на площадь вбежала юная, но пышно расцветшая красотка Ванда, по которой сох весь десятый класс 2-й школы. Ванда казалась лет на десять старше Савича, но при виде его, гоняющего мяч по площади Землепроходцев, ринулась к нему и схватила за руку.

— Ты с ума сошел! — закричала она с нежностью. — Разве не понимаешь, что на тебя люди смотрят?

Сын и отец Удаловы, а также Грубин продолжали, увлекшись, гонять мяч, забыв, зачем они сюда пришли. Но мало кто обращал на них внимание. А Ванда Казимировна, вчера еще директор универмага, гладила по головке любимого малолетнего мужа.

— Атас! — раздался чей-то детский крик. — Спасайся, кто может!

Из-за угла гостиного двора выскочил мальчонка, от горшка два вершка, в полковничьем кителе, который волочился за ним по земле, стуча карманами по голым ногам. В руках этот мальчонка держал автомат Калашникова и тратакал языком, изображая бой. Вдруг мальчишка кинулся к колоннам гостиного двора, а следом за ним на площадь вбежал другой паренек, чуть постарше. У него тоже был в руках автомат. И он из него стрелял понастоящему — пули автомата отбивали куски штукатурки.

Народ кинулся с площади, некоторые залегли за колоннами или кустами.

— Кто это? — спросил Удалов.

— Не узнал? — ответил Грубин. — Это же наш полковник Остапюк из ДОСААФ или как там он теперь называется!

— А другой?

— Другой — полковник Исмаилов, военком. У него автомат с дыркой в стволе, чтобы учащиеся друг дружку не перестреляли. А вот досаафовец настоящий достал.

Стрельба на площади утихла, но спокойствие не смогло вернуться на нее.

Снова пробежал мальчишка с предупреждающим криком.

Издали, из центра города, шло нечто грозное.

Уже видна была черная стена людей, перекрывшая всю улицу. Над толпой реяли красные флаги.

— Коммунисты идут! — Закричала Ванда Казимировна и потащила домой Никитку Савича.

Другие жены, которые, как правило, оказались втрое старше своих мужей, тоже поволокли их с площади. Но Грубин и Удаловы остались в числе зрителей — Каролинка и Ксения их еще не отыскали.

Все ближе подходила колонна. Над ней реяли стяги. Из глоток вырывался Гимн Советского Союза.

Все эти люди были как на подбор семидесятилетние, крепкие, седые мускулистые старики и старухи. Те, кто с портретами Сталина, постарше, а те, кто с портретами Ленина, чуть помоложе.

И разновозрастное население Великого Гусляра поняло, что наступил миг прозрения.

Колонна коммунистов ступила на площадь.

Удалов узнавал среди этих суровых и неподкупных людей своих сверстников из стройуправления, из бывшего райкома комсомола и горкома партии, узнавал пенсионеров городского и даже областного значения, но самое удивительное то, что и Максимка узнавал и показывал отцу своих сверстников и даже младших товарищей по речному техникуму. Сейчас все они пребывали в расцвете старческих сил и были едины в суровости — пришел их час! В мире мальчишек и юнцов они хозяева!

— Срочно! — проговорил Грубин. — Срочно домой. Надо сказать Минцу.

— Правильно! — Удалов первым помчался к дому. Грубин с сыном — за ним.

По мере того как они приближались к дому, бег Грубина терял уверенность, ноги все более заплетались, а перед воротами юноша и вовсе остановился.

— Что случилось? — спросил Удалов.

— Понимаете, ребята, — сказал Саша. — Вы только не удивляйтесь... Может быть, положение еще серьезнее, чем вы думаете.

Удалову чудилось, что шаги колонны коммунистов уже настигают его, как какого-то распутника шаги командора.

— Что-то с дядей Левой? — догадался спросить Максимка.

— Думаю, да.

Грубин открыл дверь к Минцу своим ключом. Этот ключ был нужен, потому что не раз Минц зарабатывался так, что забывал о сне и еде. И если бы не вмешательство Грубина, ученый давно бы в одном из творческих запоев помер от истощения.

Но на этот раз, как убедились Удаловы, дело было совсем плохо.

В тот момент, когда решалась судьба демократии в Великом Гусляре, обнаружилось, что попавший под каток собственного эксперимента Минц превратился в пятилетнего карапуза, довольного собой, доедающего остатки килограммового торта, который сам Минц купил на той неделе к приезду своего кузена из Монтевидео, да забыл в морозилке.

Толстый мальчик хрустел замороженным тортом, когда в комнату ворвались молодые соседи.

— Лев Христофорович! — крикнул с порога Грубин. — Эксперимент надо отменить.

Лев Христофорович отлично узнал соседей и, несмотря на столь нежный возраст, отдавал себе отчет в происходящем, но ответил решительно:

— Нет, нет и еще раз нет!

— Почему же, Лев Христофорович?

— Почему, дядя Лева? — взмолился Максимка.

— Потому что торт очень вкусный, — ответил гений.

И продолжал догрызать торт.

За окном раздался шум.

Удалов кинулся к окну, потом метнулся обратно, подхватил мальчика Минца, который все хрустел ледяным тортом, поднес к окну и прикрикнул на него:

— Любуйся, что ты наделал!

По Пушкинской шел небольшой патруль усатых седовласых ветеранов. Каждый нес по красному флагу. Перед некоторыми воротами они останавливались, вешали на ворота красное знамя и рисовали красную звезду. Перед другими домами они флагов не вешали, зато ставили на воротах черный крест.

— Скоро, — сказал Удалов. — Скоро начнется. Вы этого хотели?

— До ночи много времени, — капризничал Минц. — Когда торт доем, тогда поговорим.

Малыш попытался вырваться и вернуться к торту, но Удалов не отпускал его.

— Расколдовывай город! — кричал он на Минца. — С меня хватит!

Неизвестно, чем кончилась бы борьба между обжорой Левочкой и его соседями, но тут в комнату вошли две грузные пожилые женщины.

— А ну по домам! — приказали они своим мужьям.

И после короткой неравной схватки на сцене остались лишь Грубин с Минцем.

— Видишь, — сказал Грубин. — Для этих мальчишек достаточно старых жен. А для нашего города достаточно старых ветеранов.

— Откуда их столько? — спросил мальчик, все еще обкусывая торт.

— В сердцах сидели, в душах, — сказал Грубин.

Минц оторвался на секунду от торта и спросил:

— Послушай, Саша, давай уйдем с тобой отсюда! В лес, в Вологду. Ты меня в детский сад сдашь, и я буду каждый день добавку компота получать.

Грубин смотрел в окно. На дом №16 флага не повесили. Зато на воротах поставили крест.

Правда, красный флаг высунулся из открытого окна второго этажа — его вывесил пенсионер Ложкин.

— Когда на ликвидацию придете, — крикнул он старикам, — сначала ко мне постучите. Я вас по нужным квартирам проведу.

— Спасибо, товарищ! — отозвались с улицы.

— Ну теперь вы поняли, что тортов больше не будет? — спросил Грубин у маленького профессора.

За окном послышался шум мотора. Грубин снова выглянул наружу.

На этот раз он был искренне изумлен, потому что на улицу въехал и сейчас тормозил перед домом старый, времен первой мировой войны, броневик. Броневик остановился и повернул в сторону окон Минца башенку с пулеметом.

С помощью товарищей на броневик взобрался ветеран с бородкой клинышком.

— Друзья! — закричал он. — Соратники! Ни для кого не секрет, товарищи, где свили гнездо наймиты Запада, масоны и демократы всех мастей! Один раз им удалось развалить Советский Союз! Во второй раз мы сами их развалим.

Ветеран упал с броневика, потому что был очень стар. Но башня броневика пришла в движение и со зловещим скрипом принялась поворачиваться в сторону дома №16.

Этот звук мгновенно развеял детские настроения профессора Минца.

— Эксперимент провалился, — сообщил он. — Подсади меня, Саша.

Лев Христофорович указал на пульверизатор, который стоял на верхней полке.

Грубин кинулся было за стулом, но опоздал.

Броневик выпустил по окнам пулеметную очередь.

Звеня и лопаясь, полетели на пол пробирки и склянки. Грубин упал в лужу химикалиев, прикрыв телом малыша Минца. С потолка сыпалась штукатурка.

— Демократов на плаху! — радостно кричали с улицы ветераны.

— Что будем делать? — спросил Грубин.

— Ума не приложу, — ответил Минц, выбираясь из-под товарища. — Вся надежда на то, что мое средство скоро выдохнется. А пока, может, укроемся в детском саду?

— Нет ничего глупее, — ответил Саша. — По детским садам они и будут в первую очередь демократов искать.

Шум на улице не утихал.

— Слушай, — сказал мальчик Минц, — а что если нам пойти на площадь, погонять в футбол?

— Но власть в городе перейдет в руки ветеранов!

— Им этого хочется, а нам с тобой чего хочется?

— Мне лично... — Грубин вдруг покраснел.

— Не стесняйся, — попросил Минц.

— Мне бы сейчас на улицу! Я бы гильзы собирал!

— А дальше?

— Я бы их в металлолом сдал.

— А дальше?

— Получил бы много денег.

— А дальше?

— Купил бы десять порций мороженого...

Минц помолчал, переваривая идею. А потом громко сказал:

— Жизнь продолжается! Почему бы нам с тобой не пожить еще раз при коммунизме? Когда мороженое было дешевым...

И, пригибаясь, чтобы не попасть под случайную пулю, мальчики побежали на улицу собирать гильзы.

Григорий Остер

НОВЫЕ ДЕТИ?

Ну что ж, вновь оказаться в стране детства — заветная мечта многих писателей-фантастов (и не только фантастов, и не только писателей). Хотя даже она, как частенько бывает у К.Булычева в последнее время, сопровождается грустной ноткой. А давайте-ка попробуем заглянуть в эту страну хотя и с озабоченностью, но без тени печали. Ведь нас согласился сопровождать самый непослушный ребенок, дающий только «вредные советы» — поэт и писатель Г.Остер.

Григорий Бенционович, в свое время вы опубликовали «Сказку с подробностями», «Легенды и мифы Лаврового переулка» для детей 70-х. Чем ваши прежние юные читатели отличаются от нынешних?

— Знаете, так не бывает: сначала ребенок, ребенок, ребенок, а потом БА-БАХ!.. и вдруг взрослый! Ребенок — это процесс перехода во взрослое состояние. И никогда не определить, что годится только для детей, а что только для взрослых. Потому и писал я всегда для детей, *превращающихся* во взрослых.

Если говорить о творчестве, я просто пишу то, что мне нравится, что мне приятно и что у меня получается. Потом, анализируя дело рук своих, понимаю, чего подсознательно, как писатель хотел от детей. Освободить их от идиотских, навязанных взрослыми стереотипов, которые зажимают в рамки, не дают развиваться, которые делают из них не счастливых людей, а ущербных «подчиненных». В этом смысле дети Советского Союза были особыми. Их отцов, дедушек, прадедушек мучили, мяли, топтали. Выживал тот, кто вел себя тихо, так, чтоб не тронули. Выработался целый ряд стереотипов несвободного поведения. И моей задачей было высмеять эту кошмарную ситуацию. Помочь людям, которые из детей потихоньку «происходили во взрослого», как человек из обезьяны, стать более свободными.

Но вот разрушилась система, которая держала и взрослых, и детей — всех нас — в мощном поле напряжения несвободы. И ситуация повернулась другим полюсом. Ведь что такое несвобода? Она бывает разная. Полная степень несвободы тоталитарного режима ужасна. Но полная, бессмысленная, безумная свобода человека, у которого не выработаны критерии поведения, не менее страшна. Какие-то рамки ребенку обязательно нужны. Он не может вырасти нормальным взрослым человеком в мире, где нет никаких запретов. Таких миров просто не бывает.

Что такое настоящая свобода? Это возможность осознанного выбора. Но если нет согласия среди старших, то у ребенка не может сформироваться устойчивых внутренних критериев. Сегодня у него на глазах ругаются, спорят и не могут договориться все сто миллионов живущих вокруг него взрослых.

Когда ребенок сталкивается с немотивированными запретами, он воспринимает их как прихоть взрослого. Почему нельзя вести себя *иначе?* В советские времена ребенок на опыте убеждался: в результате он не будет отличником, не получит хорошей характеристики, не поступит в хороший институт и так далее. Это создавало для него определенную, уже мотивированную несвободу. Каким сформируется нынешнее подрастающее поколение, совершенно непонятно. Раньше оно могло вырасти ужасным. Но это можно было предвидеть, предсказать. И бороться против неправильных стереотипов. Скажем, «вредными советами», которые сам я называл «прививками». А сегодня диагноз совсем не ясен.

Когда говорят «новые русские», всегда имеют в виду новых богатых людей. Это чепуха. Они совсем не новые! Богатые и очень богатые люди в этой стране были всегда. Что называть богатством, в конце концов? Неважно, лежат у тебя деньги на счете, в чемодане под кроватью, спрятанные от налогов, или просто ты в силу ситуации все берешь бесплатно — как могли это себе позволить партийные бонзы. А вот настоящие «новые русские» — это дети. И что с ними будет, какими они станут, полностью зависит от взрослых. Когда родители в упоении своей ссорой бегают по квартире, размахивают руками, орут друг на друга и напрочь забывают о затаившихся в углу и следящих за ними безумных глазах детей, то это вроде как их личное дело. Но когда вся страна именно этим и занимается и ведет себя абсолютно по этой самой схеме? Так чего же ждать от детей?

— И какими вы их себе представляете, этих «новых русских», которые еще не стали взрослыми?

— У них полностью отсутствует поле, в котором было бы понятно, как можно себя вести и как нельзя. Ребенок, ходивший в ясли, в детский сад, в школу, общавшийся со взрослыми дома, с рождения узнавал понятия «можно» и «нельзя». Может быть, это были кошмарные в какой-то своей части понятия, но они были! Сегодня таких понятий нет. У основной массы нынешних детей нет шатаний, метаний, нет предпочтений.

— И что же в этой ситуации остается делать? «Прививки» с непредсказуемыми последствиями?

— Знаете, сейчас я больше не двю «вредных советов». Тогда все было просто, я брал конкретную ситуацию, доводил ее до абсурда и показывал ребенку, к чему приведет вот такая системв поведения. «Бей друзей без передышки, каждый день по полчаса, и твоя мускулатура станет крепче кирпича. А могучими руками, ты, когда придут враги, сможешь в трудную минуту защитить своих друзей»... И все сразу становилось на свои места. Сегодня я не делаю прививок, а пишу задачники...

— Но даже в этом хаосе детям приходится выбирать. И часто не видно, как внутри маленького человечка накапливается что-то такое, что мы, взрослые, потом с удивлением обнаруживаем.

— Ну почему — не видно? Если быть внимательным, то всегда можно заметить. Ребенок свои гипотезы проверяет сразу. Он задает вопросы, «пробует вести себя». У меня, например, Никите еще трех нет. Когда ему что-нибудь нужно от меня, он пытается сказать: «А ну-ка сейчас же дай мне сок!» Или: «А ну сейчас же возьми меня из кровати!» Он проделывает это тем же твердым, спокойным голосом, каким ему говорят: «А ну сейчас же положи на

место!». И когда наталкивается на такой же твердый ответ — нет, так нельзя, так не получится, — то делает для себя выводы.

Мы с вами тоже всегда, попадая в какую-то ситуацию, «проверяем» окружающих. Просто у нас накопился определенный опыт, как добиваться результата. Где надо — просить, где — настаивать, а где — схватиться за какое-нибудь место и кричать: «Ой, болит, болит!»

— А как тогда объяснить, например, что на абсолютно бесперспективный, с точки зрения сегодняшнего дня, биологический факультет идет большое число школьников? Раньше этим можно было решать статусные, так сказать, вопросы. Поступив в университет, можно было идти в науку, получить квартиру, положение в обществе и так далее. Сегодня для этих ребят такого стимула нет.

— Во-первых, дети, которые сегодня поступают в институты, десять лет назад были семилетками. А это уже сформировавшиеся человечки. Старая система координат несвободы начинала работать с ясель. Я помню, как мой Саша, которому было четыре года, когда умер Черненко, спрашивал маму в троллейбусе: «Мама, а почему Черненко нам всем так дорог?» Чем приводил маму в ужас, и полтроллейбуса тоже. Или выясняет, что будут бомбить в случае ядерной войны. «Особо важные объекты» — отвечают ему. «А, правда, школа — это очень важный объект?» Так что дети тоже вкусили...

Самое смешное и удивительное, что те, кто сейчас поступает в институты, как раз находились в самых лучших условиях. Они не были под таким прессом, как мое поколение, я уж не говорю о поколении моего отца! Система несвободы начала слабеть. И в какой-то момент, как это ни странно, стала почти нормальной. Школа перестала быть безумной, перестала быть тоталитарной, перестала давить и угнетать детей. Она стала дискуссионной! Но нынешние семилетки пришли уже на развалины. Вместе с «давиловкой» в школе, к сожалению, исчезло и много прекрасного. По крайней мере, наше образование было лучше, чем в Америке. В этом я убедился на собственном опыте, общаясь с тамошними школьниками. Другое дело, там я встретил свободных, раскованных, счастливых детей. В отличие от зажатых наших, из которых воспитывали то, что мы называем «совок». Но образованный!

— Но ведь проблемой воспитания подрастающего поколения озабочены и, так сказать, на «официальном» уровне.

— На уровне государства его просто нет. Он сейчас есть только на уровне семьи. Мама с папой может в чем-то не соглашаться, но есть круг вопросов, по которому они априорно, с самого начала вместе. Нельзя рисовать на обоях! Или можно. Нельзя резать ножом шкаф! Вопрос не в том, надо или не надо рисовать на обоях, а в том, что существует «официальный уровень». И он есть в каждой нормальной семье. Это вещи, понятия, которые непреложны. В ненормальной его нет, есть крик мамы, папы, бабушки. В семье, где все молчат, кроме папы, у которого кулаки и перегар изо рта, или дедушки, которому принадлежит дом, «официальный уровень» тоже есть. Только он тоталитарный.

Один считает, что патриотично стереть Чечню с лица земли, другой, что патриотично заявить: хотите — выходите, хотите — приходите. Общепринятых «официальных» критериев нет. А ребенок точно так же. Вот он живет в своем дворе, на своей улице, общается с какой-то компанией и потихоньку вырабатывает критерии патриотичности. Между прочим, не очень-то мою книгу «Легенды и мифы Лаврового переулка» переводили на Западе. Потому что у них вообще нет такого понятия — «двор». «Наш двор», «наша улица», «наши соседи» — такое существует только в беднейших кварталах. По какому принципу объединяются дети — «наша футбольная команда», «наша тусовка»... Понятие патриотизма возникает, когда есть понятие «мы». Как только ребенок определит, что такое «мы», что такое «наш», появляется и понимание патриотизма. Но патриотизм тоже палка о двух концах: «мы» всегда предполагает, что имеются «не мы» — «они».

— Один из моих сыновей задает вопрос: «Папочка, а правда, русские всегда побеждают?» Пробую объяснить, что по-разному бывает, но он не соглашается: «Нет, в конце концов все равно победят!»

— Вот это тот стереотип, который закладывался тоталитарным режимом: «Мы побеждаем всегда!» В одной ситуации русские, в другой — советские, но — всегда! Я думаю, патриотизм, как это ни странно, не принадлежит к глобальным нравственным понятиям. Даже если ввести патриотизм общечеловеческий, тогда кто такие «они»? Все животные? Микробы? Другие галактики? Но этими рассуждениями нельзя увлекаться, если на пороге дома стоит враг или рэкетир. Бывают моменты, когда государственный патриотизм становится самым главным. Как во время Великой Отечественной. Очевидно, что против Гитлера надо было драться, но при этом на стороне Сталина. И никуда от этого не денешься... Хотя я всегда говорил, что из двух зол всегда выбирают зло. А большее или меньшее — вопрос дискуссионный. Может, и нет такого понятия, как «мера» зла. Есть же на свете вещи, которые не измеряются.

— Не возникает ли у вас ощущения, что наши дети умеют больше нас? Благодаря телевидению впитывают море информации, осваивают в пятилетнем возрасте компьютер...

— Вопрос в том, какой мир их окружает. Вы говорите, что они могут больше нас, а охотник-чукча скажет, что в миллион раз меньше. Потому что не могут уже ни след определить, ни белке в глаз попасть. Дети что-то приобретают в сравнении с нами, что-то утрачивают.

Каждое поколение — другое. И в то же время — прежнее. Можно играть словами, но еще Экклезиаст советовал: «И не говори о том, что прежнее лучше нового, ибо не от разума своего говоришь ты это». То же самое я бы сказал наоборот: не говори, что новое лучше прежнего... Они не лучше, не хуже, ситуация у них совершенно другая! Ребенок по телевизору видит, как Иванушка попил из копытца и превратился в козленочка, и делает современный вывод: «У, а Иванушка — трансформер».

— Правда ли, политики — ненаигравшиеся в детстве взрослые?

— Наверное, да. А вообще наиграться просто нельзя! Для меня это естественное состояние любого человека.

— Можно ли дать прогноз, какими станут наши дети?

— Я знаю только одно: каждый из них станет взрослым. А вот каким и что будет представлять собой общество этих взрослых людей, сказать трудно. Вообще-то дети — народ-завоеватель, который приходит в наш мир и в течение каких-то тридцати — пятидесяти лет полностью вытесняет все население, живущее на этом месте. Как когда-то римляне, завоевав Грецию, восприняли ее культуру, или как европейские завоеватели навязали свою волю покоренным народам. Нам, взрослым, народу, которому предстоит быть побежденным, чем мы вовсе не огорчаемся, даже если они скроят новое звездное небо, хотелось бы, чтобы они помнили, какие созвездия составляли мы. А на самом деле все взрослые для своих детей хотят только одного. Чтобы их дети были счастливы... Я думаю, что будут. Куда денутся?

— Вам не кажется, что ваш заряд оптимизма несколько выбивается из современной тональности?

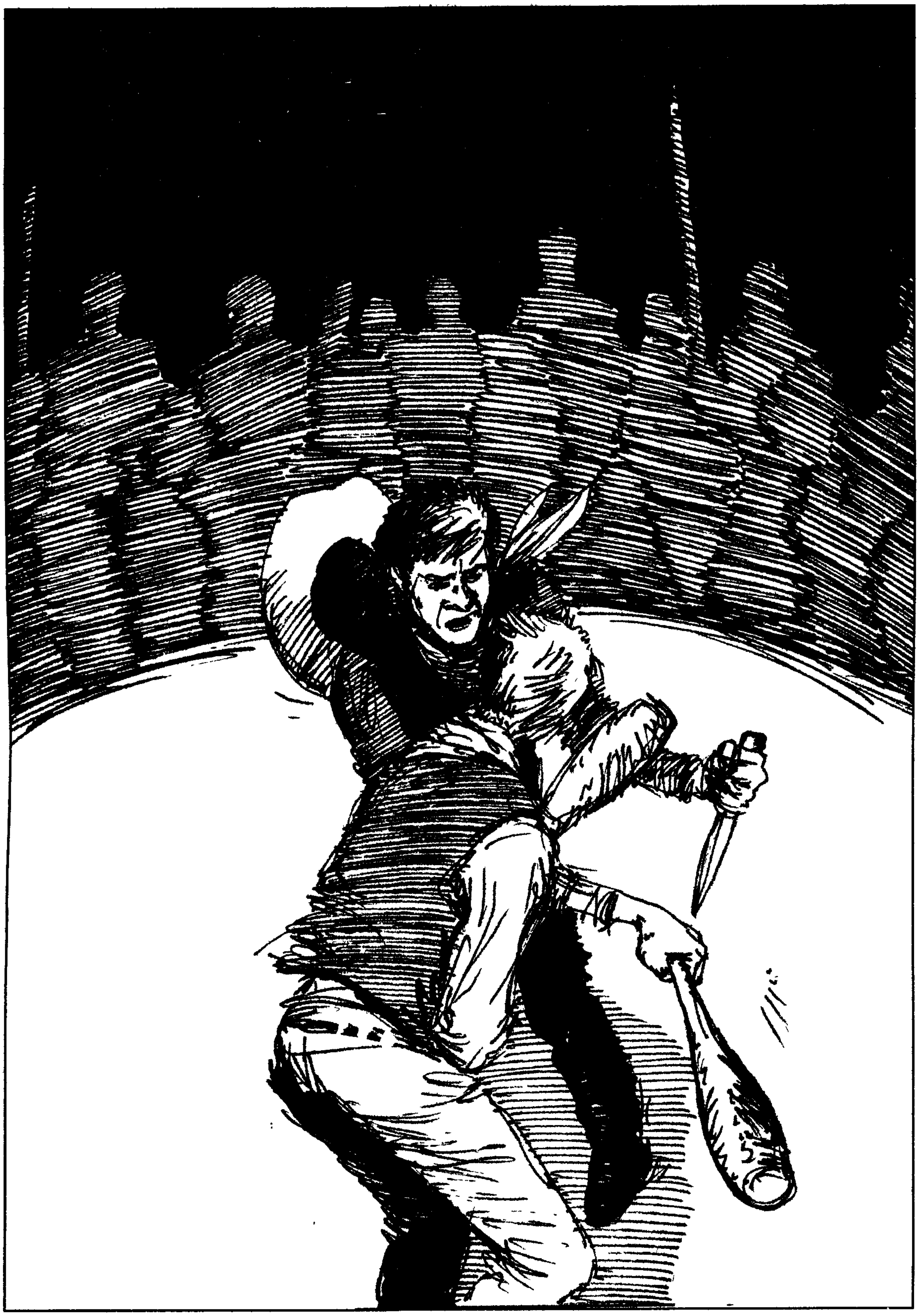
— Почему? Раз люди рожают детей — значит, они оптимисты. Посмотрите сами: появилось много беременных женщин. А еще три года назад роддома были пустыми. Видимо, женщинам надоело ждать, когда станет лучше. Они терпели, терпели и не утерпели! Значит, все будет в порядке. Вывезет кривая. Россия — удивительная страна: всегда каким-то образом разворачивается и идет дальше...

Беседу вел
Владимир ГУБАРЕВ

Если вы еще не твердо
В жизни выбрали дорогу
И не знаете, с чего бы
Трудовой свой путь начать,
Бейте лампочки в подъездах —
Люди скажут вам спасибо.
Вы поможете народу
Электричество беречь.

Когда состаришься — ходи
По улице пешком.
Не лезь в автобус, все равно
Стоять придется там.
И нынче мало дураков,
Чтоб место уступать,
А к тем далеким временам
Не станет их совсем.

Григорий Остер. «Вредные советы».

РЕЗУЛЬТАТ

Пирс Энтони

Вар Мастер палицы

Глава 1

Сжав в правой руке палицу, Тил Два Оружия терпеливо ждал уже третий час.

Был он невысок, но коренаст, крепко сбит, на лице — ставшее за годы командования людьми обычным хмурое выражение. Империя простиралась на тысячи миль, и Тил занимал в ней вторую после самого императора ступеньку иерархической лестницы, а многие решения принимал и вовсе самостоятельно. Например, назначал своей волей офицеров почти на все ключевые посты, давал им, следуя избранной императором политике, конкретные указания, наказывал и награждал. Тил обладал огромной властью, но власть тяготила его...

Из задумчивости Тила вывел шелест колосьев. Он осторожно поднялся. Луна еще не народилась, а зверь, как было отлично известно, появлялся только такими вот темными ночами. Тил крадучись двинулся на звуки к изгороди. Ветер, к счастью, дул с севера, иначе зверь наверняка учуял бы Тила и дал тягу.

В призрачном свете звезд Тил различил смутные очертания зверя на крепкой плетеной изгороди. Вот он спрыгнул и с мягким шлепком приземлился среди пшеницы. Зверь выжидал, вглядываясь и вслушиваясь в темноту. Матерая тварь не раз избегала хитроумных ловушек, не притрагивалась к отравленным приманкам, а когда ее загоняли в угол, отбивалась столь неистово, что только за последние три месяца серьезные ранения получили трое людей Тила. С тех пор в лагере стали считать, что встреча со злобным зверем сулит несчастье, даже отважнейшие воины страшились темноты.

Требовалось что-то предпринять, и уставший от рутины Тил обрадовался такому повороту событий. Сверхъестественного он не страшился, ему хотелось изловить зверя, которого до смерти боялись другие, и привести в лагерь.

Именно изловить, а не убить. Оттого-то Тил и вооружился сегодня палицами, а не мечом.

Послышались тихие ритмичные звуки. Похоже, существо кормилось, обрывая созревшие колосья.

Услышав, а может, просто почувствовав приближающегося Тила, зверь затих. Не дожидаясь, пока он окончательно опомнится и задаст стрекача, Тил выхватил из-за ремня вторую палицу и, не обращая внимания на болезненно хлещущую по телу пшеницу, бросился вперед.

Зверь вскочил, шарахнулся прочь, за считанные секунды добрался до изгороди и полез на нее. Но изгородь была прочной и высокой, и Тил понял, что существу не убежать.

Поняло это и животное. Тяжело дыша, оно спрыгнуло с изгороди, развернулось к Тилу — косматое, уродливое, грозное; в темноте сверкнули глаза. Тил ринулся на противника, рассчитывая оглушить его одним ударом.

Но оказалось, что в искусстве поединков зверь разбирается не хуже, чем в ловушках. Он поднырнул под палицу и впился зубами Тилу в колено. Тот, взвыв от боли, ударил его по голове — раз, другой, и зверь отскочил во тьму. Как назло, именно это, правое, колено Тилу год назад раздробил Безымянный, и от пустяковой, в общем-то, раны пронзило острой болью все тело.

Отведав крови, зверь яростно зарычал. Рык его не походил ни на рычание волка, ни на вой дикого кота. От протяжных звуков в жилах стыла кровь.

Зверь прыгнул, на сей раз целя зубами Тилу в горло. Тил вновь огрел зверя палицей, но тот снова предугадал его действия, извернулся, и удар пришелся вскользь. Противник с силой ударил Тила в грудь, опрокинул, навалился на человека всем телом, протянул лапу к горлу.

Не на шутку напуганный Тил принялся отбиваться вслепую. Очередной удар палицей, видимо, пришелся зверю в чувствительное место: тот отпрыгнул, метнулся к изгороди и перемахнул через нее, прежде чем Тил успел подняться на ноги.

Раздосадованный исходом схватки, Тил принялся на чем свет стоит крыть зверя, однако в его голосе явственно слышалось уважение к противнику. Неожиданно он сообразил, как обратить свое сегодняшнее поражение в победу, и во все горло расхохотался.

* * *

Преодолев загородку, зверь припустил к лесу. Несмотря на кровоточащую рану и на врожденную хромоту, бежал он достаточно резво.

До чего же неудачно получилось! Тила он отчетливо разглядел и унюхал, едва только преодолел изгородь, но острые позывы голода притупили звериную осторожность. Он понял, что палицы в руках врага — оружие, и как мог остерегался их, но несколько сильных ударов все же пропустил. Направляясь в Гиблые Земли, зверь вновь и вновь возвращался мыслями к больно бьющим палкам. Люди все бдительнее охраняют урожай. Не раз в прошлом они устраивали засады, травили, преследовали, а нынешняя стычка и вовсе едва не кончилась для него гибелью. Если бы не постоянный голод, ноги бы его на полях людей не было!..

Достигнув Гиблых Земель, где преследовать его не осмелился бы ни один человек, зверь перевел дух и дальше отправился уже не спеша. Вдруг ему в голову пришла шальная мысль: он подобрал с земли палку и крепко сжал ее кривыми, короткими пальцами худых передних лап, широкие и плоские когти которых не столько служили оружием, сколько защищали кончики огрубевших пальцев. Подражая человеку, зверь встал в боевую позицию, крутанул палку, а затем ударил ею по ближайшему дереву. Здорово! Он ударил вновь, значительно сильнее. Трухлявая палка разлетелась на куски. Заметив среди щепок крупную личинку насекомого, зверь быстро схватил ее, стиснул в кулаке, раздавил, со смаком облизывая ладонь. Палка тут же была забыта, но лишь на время.

В следующий раз, отправляясь на засеянные людьми поля, он непременно прихватит с собой из леса

палку. Да не просто первую попавшуюся, а ту, что попрочнее, понадежней.

Глава 2

Император обстоятельно обдумывал послание Тила Два Оружия. Послание написал, естественно, не неграмотный, как и большинство вожаков здравомыслящих, Тил, а его жена.

Не вызывало сомнений, что Тилу — деятельной натуре — не терпелось вновь пуститься в завоевательные походы, начатые прежним императором, но открыто выступить против нынешнего, превосходившего его как рангом, так и силой в кругу, он не смел и оттого прислал завуалированный вызов.

Из послания следовало, что объявившийся близ северных границ империи таинственный пожиратель посевов силен и свиреп, причем настолько, что в последней стычке ранил даже Тила. Следовательно, справиться с ним может только император.

Но одолеет ли он коварную бестию? Неизвестно. А риск меж тем немалый. Ведь в случае поражения император либо лишится жизни, либо начисто утратит в глазах воинов репутацию непобедимого. Если же он откажется иметь дело с зверюгой, то прослывет трусом, и недовольные его правлением, а таких сыщется немало, вскоре сплотятся вокруг кого-то, кто сулит их объединить, и императору придется проводить все свободное время в поединках с претендентами на власть.

Он, конечно, мог бы собрать многочисленный отряд и устроить охоту на грозу полей, но (хотя противник всего лишь дикий зверь) такой шаг противоречил бы основе основ общества — кодексу индивидуального боя — и был бы, опять же, расценен как проявление трусости.

Очевидно, что хитрюга Тил стремится либо заставить императора действовать, либо ослабить его и поменять правителя империи.

Что ж, своего он добился — доказывать превосходство над диким зверем императору придется единолично. Как говорили древние, власть обязывает.

Отметив про себя, что Тил не только великолепный боец, но также мастер интриг и что привлечь его при случае на свою сторону было бы в нынешнее смутное время весьма и весьма полезно, император Безымянный отдал последние распоряжения, попрощался с женой, доставшейся ему от прежнего императора, и зашагал на север.

* * *

Лагеря Тила император достиг на пятнадцатый день. Стоявший дозорным молоденький шестовик не раздумывая вызвал его на поединок, но Безымянный с легкостью вырвал из рук юноши шест, завязал узлом и вернул со словами:

— Покажи-ка это Тилу Два Оружия.

Не прошло и минуты как прибежал Тил со свитой и сразу же приказал шестовику в наказание за то, что он не признал собственного императора, отправляться на работы с женщинами в поле, но Безымянный возразил:

— Вызвав меня, он поступил верно. Наказать его вправе лишь тот, кто разогнет шест.

Разогнуть пластиковый, окованный железом шест смог с помощью своего молота лишь кузнец, и наказан юноша не был, Безымянного же отныне в лагере узнавал всякий.

* * *

На следующее утро, наотрез отказавшись от помощи, Безымянный взял с собой лук и моток веревки (ни то, ни другое не считалось оружием круга), двойной запас продуктов и гончую и отправился по следам таинственного зверя.

— Я скоро вернусь с добычей, — бросил он на прощание.

Погруженный в раздумья Тил промолчал. Следы зверя вели через поля в лес, а оттуда прямиком в Гиблые Земли. Прежде чем идти дальше, император внимательно осмотрел метки чокнутых у границы и убедился, что установлены они по меньшей мере десяток лет тому назад.

В народных преданиях говорилось о мерцающих в Гиблых Землях тусклых огоньках, о неуязвимых духах, рыскающих среди древних развалин, о вооруженных до зубов мертвецах и о не ведающих жалости машинах-убийцах, но напрочь лишенный суеверных страхов император точно знал, что смертельно опасными эти места делает радиация, оставшаяся после Взрыва, а она с каждым годом ослабевает, и окраины Гиблых Земель постепенно становятся пригодными для жизни. Хотя ему и было доподлинно известно, что, пока растительность имеет привычный вид, углубляться в Гиблые Земли можно без риска для здоровья, но памятуя об истинных опасностях окраин — полчищах крошечных землероек, пожирающих все на своем пути, а при отсутствии пищи не брезгающих и друг другом, а еще огромных белых ядовитых мотыльках, что появляются, к счастью, только по ночам — в Гиблые Земли император входил не без внутренней дрожи.

Следы сначала углубились в зараженные невидимыми рентгенами земли на расстояние около мили, а затем их цепочка потянулась вдоль границы. Следовательно, существо, которое он преследует, не бесплотный дух из самого сердца «горячей» зоны, а всего лишь некое животное, опасающееся, как и все живое, радиации. Животное, которое он непременно настигнет и либо изловит, либо, на худой конец, убьет.

По следу его вела гончая. Император ел сам и кормил собаку прихваченными из лагеря припасами. Изредка удавалось подстрелить из лука кролика, и он, освежевав тушку, готовил ее на открытом огне. Стояло теплое позднее лето, поэтому спал император прямо на земле, в спальном мешке чокнутых. Погоня доставляла ему удовольствие, и оттого спешил он не слишком.

К вечеру третьего дня гончая вдруг залилась истошным лаем и бросилась в кусты, но затем, взвизгнув, вернулась с поджатым хвостом.

Взобравшись на холм, Безымянный увидел впереди под огромным дубом существо. Чуть выше четырех футов, двуногое, сгорбленное; голову, морду и плечи покрывал густой спутанный мех темного цвета, из-под которого кое-где проглядывала серая, в желтых пятнах кожа.

Как и подозревал Безымянный, таинственное существо оказалось вовсе не животным, а мутантом и, судя по всему, молодым.

В руке мутант держал грубую дубинку. Похоже, он давно знал о погоне и намеревался атаковать своего преследователя. Однако, завидев великана-императора, юноша, видимо, испугался и кинулся наутек.

Воочию убедившись, что неуловимый пожиратель фермерских посевов — человек, Безымянный не стал сразу же продолжать погоню, а разбил под дубом лагерь, решив остаться здесь на ночь.

О том, чтобы хладнокровно убить паренька, не могло быть и речи. С другой стороны, если его изловить и привести с собой, то разозленные фермеры-воины, вероятнее всего, учинят над пленником кровавую расправу.

В конце концов Безымянный принял решение

доставить парнишку в свой собственный лагерь, где тот сможет постепенно, за месяцы, а возможно, и годы, безболезненно влиться в человеческое общество.

С наступлением сумерек в воздухе замельтешили белые мотыльки. Безымянный поспешно залез в спальный мешок, тщательно застегнул молнию и укрыл голову мелкой сеткой. Как обезопасить собаку, он не представлял, но все же надеялся, что мотылька та не сожрет, а густая шерсть защитит ее от ядовитых укусов.

* * *

Мотыльки, к счастью, не тронули собаку. Видимо, жалят они только в крайних случаях, а выпустив яд, как и пчелы, погибают. Если так, то понятно, как умудрился выжить в этих местах юноша-мутант.

С наступлением рассвета собака вновь уверенно взяла след и повела в глубь Гиблых Земель. Если парнишка надеялся там скрыться, то его поджидает разочарование. Очевидно, что он бывал в этих местах и прежде: следовательно, радиация там не смертельная. Хотя император и был уверен, что выдержит дозу облучения, которая не прикончила паренька, полностью подавить мрачные мысли ему все же не удалось.

Вскоре он вновь нагнал паренька. При свете было отчетливо видно, до чего необычно тот бежит: коленей полностью не разгибает, ступает только на мыски и, удерживая равновесие, то и дело опирается длинными руками о землю.

— Остановись! — закричал император. — Я дам тебе еды.

Паренек его, конечно, услышал, но виду не подал. А, может, ему незнаком человеческий язык?

Погоня продолжалась. Деревья постепенно мельчали, узловатые, местами лишенные коры стволы все гуще покрывались струпьями и царапинами, которые сочились темным зловонным соком. Вскоре деревья исчезли окончательно, единственной растительностью осталась блеклая красноватая трава, что пробивалась кое-где из-под пепла. Гончая протяжно заскулила, и императору мучительно захотелось присоединить к ее вою свой голос.

Паренек припустил зигзагами. Безымянный решил было, что парнишка избрал новую тактику, но вскоре понял, что тот просто-напросто огибает наиболее зараженные участки. Ему, видимо, было известно, где именно прячутся коварные пятна радиации.

Понимая, что если будет срезать углы, то подвергнет себя серьезной опасности, Безымянный следовал за парнишкой след в след.

Внезапно он увидел вдалеке здание и застыл как вкопанный. Полуразрушенное, оно, тем не менее, казалось громадным. Безымянный насчитал целых семь этажей, а над верхним, словно ребра дохлой коровы, торчали еще и ржавые искореженные железки. За первым зданием виднелось второе, за ним — третье.

В памяти всплыло вычитанное некогда в древних книгах мифическое слово «город» — так назывались подобные скопления построек.

За века, прошедшие после Взрыва, ни один человек не забирался настолько глубоко в Гиблые Земли, но Безымянный всегда верил, что придет время (хотя и вряд ли при его жизни), когда все земли вновь станут доступны для людей. Императора вдруг обуяла жажда открытий.

Следы мутанта, ясно различимые в грязи, что оставил после себя недавний дождь, вели прямиком в ближайшее здание.

Большинство здравомыслящих держалось в стороне даже от небольших построек чокнутых, а размеры этого полуразрушенного дома их наверняка сильно бы напугали. Много повидавший на своем веку император твердо знал: в здании могут таиться лишь естественные опасности — прогнивший потолок, радиация, хищные животные-мутанты, но все же и он немного помешкал, прежде чем войти в древнее строение. Паренек-мутант соображал не хуже большинства людей и вполне мог уготовить ему ловушку.

Император не торопясь огляделся. Возле здания во множестве валялись сухие деревяшки. Несомненно, и в самом здании найдется немало древесины. Безымянный решил было избрать самый безопасный метод — выкурить паренька, но тут ему на ум пришло, что в здании могут находиться артефакты погибшей цивилизации: механизмы, книги, инструменты и кто знает, что еще... И он собственными руками уничтожит эти бесценные сокровища? Ну уж нет!

Император решительно вошел в здание. Гончая, жалобно подвывая, вела по следу. Сначала — к лестнице, затем — вниз, в подвал, откуда, судя по всему, другого выхода не было. Но, может, настоящее прибежище паренька наверху, а внизу приготовлена ловушка? Не стоит ли вначале обыскать хотя бы два-три первых этажа? Нет. Наверху может ожидать куда более страшная опасность. Например, сильное облучение.

Император зашагал вниз по лестнице и вскоре обнаружил в единственном подвальном помещении беглеца, который, лишившись возможности бежать, принялся швырять в преследователя все, что подворачивалось под руку.

Император поспешно отступил и, не спуская глаз с двери, поднял предмет, которым швырнул в него паренек. Повертев в руках, поднес к глазам.

Предмет оказался рукотворным, сделанным из поблескивающего металла. Оружие, сразу догадался император. Но ни на кинжал, ни на меч даже отдаленно не похож. Одна часть расположена под прямым углом к другой, в конце более длинной — отверстие.

Руки Безымянного задрожали. Он распознал предмет по картинкам в древних книгах. Это был пистолет.

Глава 3

Парнишка-мутант стоял у ящиков, готовясь бросить очередную железяку в безжалостных преследователей — огромного человека и грозно рычащее животное. Знай он заранее, что впервые в жизни окажется в западне в своем собственном убежище, спрятался бы где-нибудь в другом месте.

Но во всем здании только здесь у него не жжет кожу!

В дверном проеме вновь появился гигант. Парень кинул в него железку и тут же потянулся за следующей, но гигант на сей раз не отступил, а, ловко увернувшись, метнул веревку. Веревка, точно живая, захлестнула паренька: тот отчаянно рванулся, попытался высвободиться, но веревочная петля, затянувшись, полностью обездвижила его и опрокинула на шершавый цементный пол.

Гигант крепко связал его и, взвалив на плечо, вынес наружу. Дикая сила этого человека поражала. Парень брыкался, извивался, кусался, но стальная хватка ни на йоту не ослабевала.

Когда мужчина проходил особо зараженные области, кожа паренька пылала огнем. Неужели великан не восприимчив и к этому болезненному жару?

На опушке леса император опустил паренька на землю и развязал. Тот мгновенно вскочил и устре-

мился прочь, но веревка тотчас рассекла со свистом воздух и швырнула пленника наземь.

— Нет, — отчетливо произнес мужчина и снова развязал веревку.

Паренек вновь бросился наутек и вновь был пойман коварной веревкой.

— Нет, — повторил мужчина и ввинтил свой огромный кулачище в солнечное сплетение паренька. Тот свалился, как подкошенный, жадно ловя воздух широко открытым ртом.

Император в третий раз развязал веревку, и твердо усвоивший наглядный урок паренек остался на месте.

Они зашагали прочь из Гиблых Земель: паренек впереди, а ни на миг не спускавший с него глаз гигант чуть позади. Парнишка обходил особенно горячие участки, мужчина с собакой в точности повторяли его путь. К вечеру они достигли места, где накануне видели друг друга, и расположились на ночлег.

Великан извлек из заплечного мешка приятно пахнущий ломоть, откусил от него, медленно прожевал, а затем, отхватив от ломтя изрядный кусок, протянул парнишке. Тот, принюхавшись, боязливо попробовал. Вкусно. Он проворно заработал челюстями.

После еды гигант сунул парня в запасной спальный мешок. Паренек попытался отпихнуть укрывшую его голову мелкую сетку, но мужчина повелительно сказал:

— Лежи спокойно или... — и легонько ткнул его кулаком.

Видя, что парень внял предупреждению, гигант залез в такой же мешок, а собака улеглась под деревом.

Опустилась ночь. Пареньку не спалось. Бежать или подождать рассвета? В темноте он видит великолепно, но в этих самых местах его однажды укусил белый мотылек. Потом он долго и мучительно болел, в спальном же мешке с укрытой сеткой головой он в полной безопасности.

Но если он не сбежит ночью, то днем не представится ни малейшего шанса — гигант чертовски силен, а его веревка разит, точно змея.

В конце концов паренек отважился на побег. Но едва он начал выползать из спального мешка, как проснувшийся гигант, не вставая, рявкнул:

— Нет!

Помня, что гигант бегает быстрее, паренек сдался, вновь влез в спальник, закрыл глаза и вскоре заснул.

* * *

Утром они вновь плотно закусили. Давно парнишка не наедался столь сытно два раза кряду. Новая жизнь ему начинала нравиться.

Гигант отвел его к ручью, и они оба тщательно вымылись. Затем гигант смазал ссадины и царапины на теле паренька приятно пахнущей мазью из заплечного мешка, сорвал с него замызганную набедренную повязку из невыделанной шкуры и заставил облачиться в просторные рубаху и штаны.

Они двинулись дальше. Кожа паренька под непривычной одеждой отчаянно чесалась, из головы не шли мысли о побеге, но хриплый окрик гиганта мгновенно пресек первую же нерешительную попытку бегства. Паренек с удивлением отметил, что его пленитель вовсе не столь жесток, как казалось поначалу, и без надобности не наказывает.

К полудню шаг гиганта заметно замедлился. Выглядел он то ли очень утомленным, то ли сонным. Через четверть часа он начал поминутно спотыкаться, затем вовсе остановился, и его вырвало. Парнишке даже подумалось, что выплевывать не полностью переварившийся завтрак — еще один чудной обычай людей. Вдруг колени гиганта подломились, и он безвольно опустился на землю.

Паренек долго смотрел на распростертое на земле тело, на перекошенное болью лицо, затем неуверенно сделал шаг прочь. Еще один. Еще. Грозного оклика не последовало. Он свободен! Паренек припустил во всю мочь.

Отбежав на значительное расстояние, он остановился и сбросил ненавистную одежду людей. Вдруг ему подумалось, что гиганту нездоровится. Должно быть, у него все же не было защиты от невидимого жара, и он, того не ощущая, шагал через самое пекло. А теперь лежит пластом!

Когда-то давно паренек схатил приличную дозу облучения и поневоле научился с тех пор избегать жгущих мест. Тогда он сильно обгорел, был совсем слаб, его поминутно выворачивало наизнанку. Он примирился уже с тем, что отдаст концы, но каким-то чудом выжил, а кожа после этого стала чувствительной к невидимому жару. Со временем он отыскал растения, листья которых ослабляли жар, и траву, усмирявшую боли в желудке, но участков земли, где кожу жгло, старательно избегал.

Гигант сильно болен и, скорее всего, на этом свете не задержится. Но вряд ли его прикончит облучение. Ведь он лежит совсем беспомощный: ночью непременно появятся ядовитые мотыльки, за ними — ненасытные землеройки. Гигант был настолько глуп, что забрел в самое сердце Гиблых Земель.

Да, он глуп, но храбр и добр. Паренек не помнил, чтобы кто-нибудь после смерти родителей накормил его. Из глубины сознания неожиданно всплыло давно забытое наставление матери: «За добро воздай добром!».

Великан был очень похож на покойного отца — сильный, высокий, отважный, добрый, хотя и страшный в гневе. Такой человек, несомненно, заслуживает помощи.

Паренек собрал целебные травы и отправился назад. Гигант лежал там, где упал. Паренек сделал для него все, что только смог: положил на грудь смоченные слюной листья, выдавил в рот животворный сок.

Ночь принесла прохладу. Гигант пришел в себя, неверными судорожными движениями стряхнул с тела листья, не поев, заполз в спальник и вновь потерял сознание.

Утром он снова очнулся, попытался встать, но не смог. Паренек сунул ему в зубы стебелек целебной травы, и гигант, не сознавая того, принялся жевать.

На следующий день кончилась провизия, и паренек отправился в лес. Там он собрал в рубашку, которую больше не носил, известные ему съедобные плоды и коренья, вернулся в лагерь и покормил больного.

На четвертый день тело гиганта во многих местах стало твердым, как дерево, из пор на коже начала сочиться кровь. Гигант в страхе коснулся себя и надолго лишился чувств.

Паренек достал из мешка запасную рубашку, смочил ее в ручье и попытался смыть с тела великана кровь, но та, словно по волшебству, вновь и вновь выступала на коже.

Стоило гиганту прийти в себя, парень сразу же давал ему съесть какой-нибудь плод и стебелек травы, вливал в рот столько воды, сколько тот выпивал не закашлявшись. Как только гигант терял сознание, паренек обкладывал его тело листьями, а к вечеру заботливо укрывал спальным мешком и ложился рядом, защищая собой от пронизывающего ночного ветра.

Дни тянулись за днями. Собака давным-давно околела; гигант же был на волосок от смерти, но умирать наотрез отказывался. Паренек стал свидетелем бесстрашной битвы с врагом, более свирепым и безжалостным, чем любой из смертных. Листья постоянно пропитывались кровью, потом и мочой, но великан боролся. Боролся изо всех сил.

Наконец он пошел на поправку: жар спал, кровотечения прекратились, в мышцы вернулась часть прежней силы. Он стал самостоятельно есть, сначала через силу, затем с ненасытным аппетитом. Смотрел на паренька и улыбался.

Отныне между мужчиной и пареньком пролегла неразрывная связь — дружба.

Глава 4

У главного круга собрались воины.

— Кто претендует сегодня на честь стать мужчиной и обрести имя? — громко спросил Тил Два Оружия. Вот уже восемь лет он возглавлял происходившую раз в месяц церемонию посвящения, и почетные обязанности давно стали ему в тягость.

Вперед выступило несколько юнцов, едва умеющих держать в руках оружие. Год от года претенденты на имя становились все моложе и бездарнее. Тил тосковал по былым временам, когда служил бесстрашному Солу Мастеру Всего Оружия. Мужчины в те дни были настоящими мужчинами, вожаки — истинными вожаками, постоянно совершались подвиги, творились великие дела. А теперь... Куда ни посмотри, всюду лишь немощь да неопытность...

— Я разобью вас на пары, — сказал Тил, придав голосу подобающую по ритуалу суровость. — Будете сражаться друг с другом в кругу. Тот, кто выиграет, станет мужчиной, обретет имя и по праву получит браслет и оружие. Проигравший же...

Он не закончил. Называться воином, не победив хотя бы раз в кругу, не может никто. Некоторые неумехи снова и снова пытались и проигрывали, другие, сдавшись, уходили к чокнутым или на Гору, большинство же, попробовав свои силы дважды-трижды и не добившись успеха, отправлялись в небольшие кочевые племена, не принадлежащие империи, и пытались начать новую жизнь там.

— Первая пара. Вот ты, с булавой. — Тил указал на круглолицего новичка. — И ты, с шестом.

Двое заметно взволнованных юношей вступили в круг, и начался бой. Первый, ничуть не задумываясь о тактике, неуклюже махал булавой, второй столь же неуклюже защищался шестом. Вот булава раз, затем другой угодила шестовику по пальцам, и тот, выпустив шест, поспешно выпрыгнул за черту.

Тил недовольно поморщился. Разве это воины?! Да и какой толк племени в победителе лишь волею случая?

Следующей дралась пара кинжальщиков. Бой получился кровавым, и победитель выглядел весьма многообещающе.

Оставался последний претендент на имя — звездник. Выбрав «утреннюю звезду», он проявил храбрость, ибо это редко используемое в кругу оружие не ведало жалости ни к противнику, ни к своему владельцу. Тил, оставив юношу напоследок, намеревался выставить против него опытного бойца. Хотя таким образом шансы претендента на имя значительно уменьшались, но зато ощутимо возрастала как для него, так и для соперника вероятность выйти из поединка живым. Если юноша достойно проявит себя, Тил в следующем месяце выставит против него молоденького слабака, и звездник с легкостью завоюет себе имя.

Прибежал стражник, охранявший границы лагеря.

— Чужаки, вождь. Мужчина и женщина. Мужчина — урод уродом. Женщина, наверное, ему под стать.

Все еще расстроенный потерей перспективного паличника Тил рявкнул:

— Ты что же, уже не в состоянии отличить хорошенькую женщину от дурнушки?

— Она под вуалью.

— С чего бы это женщине скрывать лицо вуалью? — спросил заинтригованный Тил.

— Может, привести их сюда? — поинтересовался стражник.

Тил кивнул.

Мужчина был в самом деле уродлив — сутулый, почти горбатый, с длинными искривленными руками, густой растительностью по всему телу и бледной, испещренной желтыми пятнами кожей; из-под густых бровей едва виднелись глубоко посаженные невыразительные глазки. Двигался он не то чтобы неловко, но как-то необычно.

На его высокой спутнице был плащ до пят, лицо и вправду скрывала темная вуаль: впрочем, Тил мог бы поклясться, что она немолода, не толста и не безобразна.

— Я Тил Два Оружия, управляю от имени Безымянного этим лагерем, — представился он. — Что привело вас сюда?

Мужчина молча показал ему левую руку. Браслета на запястье не было.

— Хочешь заслужить браслет? — удивился Тил, глядя на мускулистого незнакомца, иссеченного, точно заправский боец, шрамами. Хотя его руки вроде не слишком приспособлены для того, чтобы держать оружие. А может, он сражается голыми руками?

Тилу был известен только один Безоружный — правитель империи. Когда-то Тил сам потерпел от него в кругу сокрушительное поражение.

— Какое оружие ты предпочитаешь? — с интересом спросил Тил.

Незнакомец распахнул полу рубахи и продемонстрировал пару палиц на поясе. Тил, испытав одновременно и разочарование, и облегчение, нетерпеливо спросил:

— Выйдешь в круг против «утренней звезды»?

Незнакомец, по-прежнему молча, кивнул.

Тил, указав на круг, крикнул:

— Звездник, твой черед!

Поединок обещал быть напряженным, и число зрителей увеличилось как минимум вдвое.

Звездник вступил в круг, незнакомец же прежде скинул рубаху и мокасины. Ноги у него оказались хоть и кривыми, но крепкими, мускулистыми; руки выглядели слишком слабыми для человека со столь развитой грудной клеткой и широченными плечами. Очень странный тип.

Палицы он сжимал как-то неуклюже, неумело, но крепко; по мнению Тила, он равно мог оказаться либо отменным, либо никуда не годным бойцом.

Женщина под вуалью поспешно приблизилась к границе круга. Паличник с опаской вошел в круг — ни дать ни взять, животное, обходящее капкан. Звездник принялся вращать над головой «утреннюю звезду» с такой скоростью, что шипы на стальном шаре со свистом рассекали воздух. Мгновение готовые к бою противники всматривались друг другу в лица, затем звездник пошел в атаку.

Паличник ловко поднырнул под стальной шар и сделал шаг в сторону.

Тил решил, что если тот прыгает так же ловко, как уворачивается, то его противник обречен. Вращать массивную звезду утомительно, и если звездник не

поразит паличника при следующей атаке, то выдохнется и сам станет легкой добычей.

Но паличник избрал иную тактику. Прежде чем звезда завершила полный оборот, он обрушил на правую руку противника сокрушительный удар. Движение звезды замедлилось, звездник отступил.

Звездник оказался настолько глуп, что не понял своего поражения и не покинул круг, поэтому Тил повелительно крикнул:

— Звезда сдается.

Звездник удивленно огляделся.

— Но я же все еще в кругу!

— Тогда продолжай! — нетерпеливо бросил Тил.

Звездник вновь раскрутил свое смертоносное оружие, на этот раз менее уверенно. Паличник, резко шагнув к нему, ударил по голове, оттащил бесчувственного соперника к границе круга и вытолкнул пинком прочь за черту.

Тил с неподдельным удовольствием вручил новоиспеченному паличнику золотой браслет — символ возмужания.

— Отныне, воин, ты получаешь имя... — Тил на секунду запнулся. — Какое имя ты выбираешь?

Новичок попытался ответить, но лишь прохрипел что-то вроде «ар... вар...»

— Будешь носить имя Вар, — мгновенно нашелся Тил. — Вар-паличник, а кто твоя спутница?

Вар молча покачал головой. Женщина шагнула вперед и скинула с себя вуаль и плащ.

— Сола! — Тил с изумлением узнал по-прежнему красивую жену императора. Около четырех лет она была женой прежнего императора, Сола, затем перешла к нынешнему. Поскольку был он не только безоружным, но и безымянным и не носил браслета, она оставила себе браслет прежнего мужа и его имя. Это противоречило обычаям здравомыслящих, но кто посмеет спорить с самым могучим в кругу воином?!

Супруга императора — в компании уродливого юнца!

— Вара тренировал сам император, — произнесла Сола. — Он хотел, чтобы его воспитанник завоевал себе имя там, где его никто не знает.

Воспитанник императора! Все стало на свои места.

Внезапно Тил сделал еще одно заключение.

— А не тот ли это дикарь, что пять лет назад уничтожал здешние посевы?

— Тот самый. Только теперь уже не дикарь, а мужчина.

Руки Тила сами потянулись к палицам на поясе.

— Он тогда укусил меня. Я расквитаюсь с ним.

— Нет, — твердо сказала Сола. — Именно для того, чтобы ты не вызвал Вара в круг, я и пришла с ним.

— Он укусил меня ночью, а теперь боится встречи при свете дня?

— Вар не боится ничего и никого. Но он пока новичок в кругу, а ты, если мне не изменяет память, второй Мастер империи.

— Хорош воин, которого опекает женщина! И я еще нарек его мужским именем Вар-паличник!

Сола надменно расправила плечи.

— Желаешь обсудить эту тему с моим мужем?

Тил был человеком чести и, помня, что связывает его с тем, кого она назвала своим мужем, усилием воли подавил вспышку ярости и просто ответил:

— Нет.

Она повернулась к Вару.

— На ночь мы останемся здесь, а утром пустимся в обратный путь. Если хочешь, проведи вечер в общем шатре.

Тил внутренне возликовал. Молодой воин столь безобразен, что на его браслет этим вечером вряд ли кто польстится из женщин, не имеющих покровителя с именем. И поделом ему! Пусть празднует победу в одиночестве!

Глава 5

Вару было прекрасно известно, что изготовленный чокнутыми золотой браслет не только символизирует его мужественность, но и дает право на женщину. В течение ночи, года или века.

Посреди каждого лагеря здравомыслящих всегда располагался большой общий шатер, где собирались холостые воины и одинокие девушки. Именно к такому шатру и зашагал в сгущающихся сумерках Вар.

Внутри горели лампы. А праздничная трапеза уже закончилась, но Вар не испытывал голода, поэтому жалеть было не о чем.

Девушки были в домотканых одеждах. Чокнутые, конечно, поставляли здравомыслящим все необходимое, но те все же предпочитали вещи собственного изготовления.

Недолго думая, Вар подошел к ближайшей девушке. Ее платье —яркий кусок ткани, скрепленный на груди серебряной брошью — красноречиво говорило о доступности хозяйки; на плечи густыми волнами спадали темно-русые волосы; фигура была просто загляденье — высокие груди, соблазнительные бедра, длинные стройные ноги. Да, она — то, что надо!

Как воины приглашают приглянувшихся девушек, Вар не раз видел прежде и поступил так же: вопросительно глядя на красавицу, стал снимать с запястья золотой браслет.

— Нет, — отрезала она.

Не подвел ли его слух?.. Он молча посмотрел на нее. Девица, наморщив носик, отвернулась.

Отказа Вар не ожидал и как вести себя дальше, не представлял. В нерешительности он приблизился к следующей красотке — совсем молоденькой, с длинными кудрявыми волосами. Она показалась ему даже краше первой. Пристально глядя ей в глаза, он показал браслет.

— Ты не разговариваешь?

— Брас-с-слет, — с трудом пробормотал он.

— Уходи, тупица.

Пораженный Вар кивнул и направился к третьей девушке, но ни она, ни остальные за ней не приняли его предложения. Некоторые даже выражали свой отказ, ничуть не стесняясь в выражениях.

Наконец к нему приблизилась пожилая женщина с браслетом на руке:

— Ты, воин, очевидно кое-чего не понимаешь, так я тебе объясню. Я видела, как ты сегодня победил в кругу, так что не сочти мои слова оскорблением.

Вар был рад, что хоть кто-то обратил на него внимание.

— Эти девушки слишком молоды, — продолжала старуха. — В своей жизни они пока мало что видели, толком еще не работали, ни разу не вынашивали и не рожали детей. А ты — чужестранец, и немудрено, что они тебя остерегаются. А высокомерны они оттого, что воин ты начинающий. Скажу больше, красавцем тебя не назовешь. В кругу внешность значения не имеет, но здесь — дело иное. Умудренные опытом женщины, может, и оценили бы тебя, но эти — молодые и глупые. Не вини их.

Вар кивнул и прохрипел:

— Кто?..

— Я — Тила, жена здешнего вождя.

Он намеревался спросить, к какой девушке ему еще обратиться, но узнать имя заговорившей с ним доброй женщины был тоже рад.

— Возвращайся в свой лагерь, — посоветовала

она. — Похоже, Тил тебя невзлюбил, и оттого все остальные относятся к тебе с подозрением. Сожалею, что твоя первая ночь не удалась.

Теперь Вар понял. Его здесь не хотят! Возможно, даже презирают!

— Спа-сибо, — прохрипел он.

— Удачи тебе, воин. Уверена, ты еще отыщешь ту, которая будет тебя достойна.

Вар вышел наружу. Его здесь не желают! В лагере императора ничего подобного не было. Никто там ему не говорил, что он безобразен. Но сегодня он не только стал наконец мужчиной, но и с горечью постиг, что в обществе людей он изгой.

Голова шла кругом, руки дрожали. И он, глупец, предлагал насмехающимся над ним девицам свой сияющий браслет!

Волной нахлынула ярость. По какому праву эти люди осудили его?! Он из кожи вон лез, чтобы жить по выдуманным ими правилам, а они с презрением отвергли Вара. А ведь ни один из них не выжил бы в Гиблых Землях! Но теперь он воин и оскорблений сносить не намерен!

Вар вступил в тот самый круг, где выиграл сегодня днем, и, достав из-за пояса палицы, во все горло завопил:

— Выходите! Я вызываю вас всех!

Из маленького шатра поблизости вышел Тил — вождь этого лагеря, который по непонятным причинам невзлюбил Вара.

— Что за шум? — спросил Тил, подходя ближе. — Чего разорался?

— Сразись со мной! — вскричал взбешенный Вар, угрожающе размахивая палицами. Слова его звучали невнятно, но ошибиться в их значении было невозможно.

Тил, хотя и рассердился не на шутку, но в круг не вступил.

— Воины после захода солнца не сражаются, — сказал он. — А если бы сражались, я с удовольствием разукрасил бы твою безобразную морду и пинками погнал через поля туда, откуда ты явился. Прекрати валять дурака!

Поля? Вару вдруг припомнилась давняя встреча с этим человеком.

Вокруг уже собирались люди. На Вара глядели, не пряча ухмылок, и он внезапно осознал, что снова выставил себя на посмешище.

— Оставьте его, — распорядился Тил и, не оглядываясь, направился к своему шатру.

Остальные тоже стали расходиться, и вскоре Вар остался один.

Он направился в единственное место, где рассчитывал найти понимание — в шатер на окраине лагеря, к своей спутнице, жене императора.

* * *

— Я боялась, что так и получится, — мягко сказала Сола. — Сейчас же пойду к Тилу и заставлю его извиниться.

— Нет! — вскричал Вар. Не все человеческие законы пока были ему понятны, но то, что воину не годится прятаться за женщину, даже у него не вызывало сомнений.

— Будь по-твоему. Именно поэтому я выбрала шатер на окраине лагеря.

Вар не понял, какая тут связь.

— Входи же и приляг, — велела она. — Все не настолько плохо, как ты себе вообразил. Юноша не становится мужчиной ни за день, ни за ночь. На то, чтобы самоутвердиться, уходят годы.

Вар лег рядом с Солой. Эту женщину он знал лишь поверхностно.

Узнав, что она сама вызвалась сопровождать его в лагерь Тила, Вар весьма удивился. Женщина! Обуза! Но вскоре он отдал ей должное: со встречными чужаками разговаривала она, да и на ногу была легка, и за день они одолевали не один десяток миль. Хотя он и предпочел бы, как в юности, проводить ночи на дереве, спали они на стоянках, она — на своей лежанке, а он — на своей. Принимая душ или переодеваясь, своего тела она не скрывала, а Вар все еще был получеловеком, полуживотным, и вид любой обнаженной женщины, даже такой старой, как Сола, вызывал в нем волну желания.

Сейчас, отвергнутый всеми в незнакомом недружелюбном лагере, он пришел к ней — последнему связующему звену с единственным другом, императором.

— Ты добивался расположения молоденьких девушек, и они отвергли тебя, — сказала она. — Я надеялась на лучшее, но... Я тоже была молодой и глупой и наивно полагала, что самое важное в мире — сила и власть. Поэтому и вышла замуж за вождя и потеряла любимого. И свою дочь.

Прежде она не заговаривала на эту тему, поэтому Вар внимательно слушал. Она, конечно же, имела в виду своего бывшего мужа — Сола Мастера Всего Оружия, лишившегося в поединке созданной им империи и ушедшего вместе с малюткой дочкой на Гору. Те события давно стали легендой и обросли уймой слухов и домыслов.

Если Сола настолько преклонялась перед властью, что добровольно отказалась от любимого и собственной дочери, то неудивительно, что сейчас она страдает.

— У всего есть оборотная сторона, — продолжала она. — Ты еще познаешь горечь дружбы и встретишься с врагами, которым сможешь доверять всем сердцем. Таковы превратности жизни. Научись с ними мириться.

Решив, что разговор закончен, он стал выбираться из шатра.

— Нет. — Она схватила его за руку и мягко потянула назад. — Эта ночь — твоя, и ты вкусишь ее сладость в полной мере. Твоей женщиной стану я.

Верно ли он понял?

— Ложись, Вар.

Он подчинился.

— Ты — дикарь и, как сказано в наших неписаных законах, станешь мужчиной, лишь познав женщину. Именно поэтому я и пустилась с тобой в путь. Я... — она осеклась. — Так было со мной и прежде. Годы назад. И мой муж знал об этом. Рассказать тебе, Вар, больше я не вправе, но все же поверь мне и коечто пообещай.

— Император... — заговорил он.

— Вар, он знал тогда, знает и сейчас! — зашептала она ему в ухо. — Уверена, он, как и почти десять лет назад, ни с кем не заговорит об этом. Я еще могу родить ребенка, а Безымянный бесплоден. Мы с тобой проведем вместе столько ночей, сколько понадобится, чтобы достичь цели, и, если родится ребенок, он станет ребенком Безоружного. Но запомни: я никогда не надену твоего браслета, никогда после этого путешествия вновь не прикоснусь к тебе, никогда не заговорю о случившемся между нами. Надеюсь, ты поступишь так же. Как если бы ничего не произошло... Но ты станешь мужчиной. Понимаешь?

— Нет, — пробормотал он единственное слово, которое у него получалось отчетливо.

— Ты меня понимаешь. — Она положила руку ему на бедро. — И согласен со мной.

Глава 6

Император поджидал их, привалившись спиной к вращающейся стеклянной двери цилиндрической стоянки чокнутых. Эту стоянку он давно превратил в свою «ставку», и теперь здесь вдоль стен тянулись шкафы, заполненные бумагами. Вар недоумевал, какой прок от этих бесчисленных записей, но вопрос о мудрости своего наставника, конечно же, не ставил. Император был грамотен — читал донесения своих подданных, сам писал помощникам указания и мог даже повторять речи давно умерших людей. Последняя его способность вызывала особое уважение, но, по мнению Вара, была абсолютно бесполезной.

— Вот и твой воин, — сообщила Сола. — Вар-паличник... Мужчина в полном смысле этого слова. — Она холодно улыбнулась и направилась к своему шатру.

Император, придирчиво оглядев своего подопечного, сказал:

— А ты изменился. Надеюсь, теперь понимаешь, что значит хранить секрет? Знать что-то очень важное и никому не говорить?

Вар кивнул, думая о том, что произошло между ним и женой императора по дороге домой.

— Скоро ты узнаешь еще один секрет. Пошли.

Безымянный двинулся прочь. Вар последовал за ним.

Мили через две-три, вдали от посторонних глаз, император свернул с тропы и побежал. Бежал он хоть и довольно проворно, но тяжело, дышал с шумом, держаться рядом с ним не составляло труда.

Вскоре они достигли отметок чокнутых у границ Гиблых Земель и, не останавливаясь, побежали дальше. Вар поразился до глубины души. Было общеизвестно, что, сильно облучившись пять лет назад и восстановив былые силы лишь через многие месяцы, Безоружный стал, как черт ладана, избегать этих мест. Кроме того, лишь двое — Вар и Сола — знали, что и по сей день император изредка испытывает приступы слабости, а иногда даже сейчас у него из пор сочится кровь.

Но теперь очевидно, что император вовсе не боится Гиблых Земель. Так зачем же он позволяет людям так думать?

В глубине Гиблых Земель, там, где еще не ощущалось губительного влияния радиации, был разбит лагерь здравомыслящих. Все без исключения воины в нем были незнакомы Вару. Непривычные светло-зеленые одежды с бесчисленными ремешками и кармашками, на головах — металлические «горшки», в руках или на поясе — какие-то железяки.

К Безымянному и Вару немедленно подошел вождь этого странного племени — старый, низенький, коренастый, с вьющимися седыми волосами. Сразу видно, что для боев в кругу он уже давно не годится.

— Это Джим. А это Вар-паличник, — представил их друг другу император.

Двое мужчин с подозрением уставились друг на друга.

— Джим и Вар, — сказал император улыбаясь, — положитесь на мое слово: доверять друг другу вы можете. Вар — воин, я сам его тренировал. Его кожа чувствительна к радиации.

Джим явно заинтересовался.

— Мы с Джимом-стрелком несколько лет назад, обменявшись письмами, решили делать совместное дело, — продолжал император. — Из старинных книг Джим знает об оружии гораздо больше, чем любой боец круга. Он обучает группу моих лучших воинов владению древним стрелковым оружием.

Теперь Вар распознал оружие Джима — железяку вроде тех, что хранились в его убежище в Гиблых Землях. Слишком маленькое и неудобное, чтобы служить дубиной, и к тому же лишенное острых краев, оно вряд ли годилось для круга.

— Вар станет связным между твоей группой и лично мной, а позже, возможно, разведчиком-одиночкой, — сообщил император. — Научи его также обращаться с огнестрельным оружием.

Джим и Вар все еще недоверчиво поглядывали друг на друга.

— Вар, принеси, пожалуйста, вон тот кувшин. — Безымянный указал на глиняный горшок, стоявший на пеньке посреди поля.

Джим хотел было что-то сказать, но император поспешно схватил его за руку. Вар направился к горшку. На полпути он остановился. Кожа горела огнем. Пришлось на несколько шагов отступить и обойти опасную зону. Через несколько минут, обнаружив безопасный проход и добравшись до кувшина, он вернулся обратно тем же путем. К императору и Джиму меж тем присоединилось с дюжину мужчин, все молча наблюдали за Варом.

Вар подал императору горшок.

— Это правда! — воскликнул изумленный Джим. — Он ходячий счетчик Гейгера! Мы используем его. Используем на полную катушку.

Император вернул горшок Вару.

— Поставь его, пожалуйста, на землю футах в пятидесяти отсюда.

Вар исполнил просьбу.

— Покажи ему, как стреляют из винтовки, — обратился император к Джиму.

Джим зашел в шатер и возвратился с похожим на ножны от меча предметом в руках. Приложив тупой конец неизвестного предмета к плечу, наставил противоположный на кувшин.

— Сейчас сильно грохнет, — предупредил Вара император. — Но шум не повредит тебе. Внимательно следи за кувшином.

Вар уставился на кувшин. Внезапно грянул столь оглушительный раскат грома, что Вар, подпрыгнув, инстинктивно схватился за палицы у пояса. Оказалось, что громыхнула винтовка, а кувшин разлетелся вдребезги, будто по нему ударили дубиной, хотя Вар отлично знал, что кувшина никто не коснулся и ничего в него не бросил.

— Кувшин расколол кусочек металла, вылетевший из ствола винтовки Джима, — пояснил император. — Оставайся пока с ним и учись, а я вернусь через день.

И он размашисто зашагал прочь. Джим повернулся к Вару.

— Для начала твердо усвой, что пистолет или винтовка может убить не хуже, чем меч, но делает это на значительном расстоянии. Ты сам видел, что стало с кувшином.

Вар видел. Кувшин в пятидесяти футах от Джима разлетелся на куски, и Вару нетрудно было себе представить, что было бы, окажись на месте кувшина голова воина.

Джим положил руку на железяку на бедре.

— А теперь первый урок. Это револьвер — маленькая винтовка. Один из сотен, которые мы нашли в ящиках, спрятанных в подвале здания в Гиблых Землях. Ума не приложу, как про них прознал император. Я управляю этим лагерем уже более трех лет, тренирую воинов, которых он сюда посылает... Ну да ладно. — Он что-то сделал с железякой в руке, и та развалилась у него в руках. — Ствол. Как видишь, он пустотелый. А это патрон. Вставляешь патрон вот сюда, в барабан,

устанавливаешь барабан на место, взводишь курок, и теперь стоит нажать на спусковой крючок, как — БУМ! Патрон воспламеняется, та его часть, которая называется пулей, вылетает из ствола с большой скоростью и разит не хуже брошенного кинжала. Смотри.

Он воткнул в землю толстую палку, отошел на дюжину шагов, нацелил на палку револьвер и, нажимая указательным пальцем на штуковину, которую назвал крючком, предупредил Вара:

— Сейчас опять грохнет.

Раздался грохот, из ствола револьвера показался дымок, а от палки остались лишь щепки.

Джим вновь раскрыл оружие.

— Видишь, пуля вылетела. Хочешь, поищи ее в дереве. — Он передал Вару револьвер и еще один патрон. — А теперь попробуй сам.

Вар взял револьвер и после некоторых усилий вогнал патрон в патронник, защелкнул барабан и взвел курок. Осторожно нажал на спусковой крючок. Рука дернулась от отдачи, пуля ушла в землю.

— Сейчас покажу, как целиться, — сказал Джим. — Но помни, что револьвер — опасное оружие и вполне может случайно убить своего обладателя. Обращаться с ним следует осторожнее, чем с мечом.

В этот день Вар узнал много нового, а на следующее утро за ним пришел император.

— Теперь ты знаешь часть моего секрета, и я расскажу тебе остальное. Те, кого ты видишь в этом лагере, ударные силы в штурме Горы.

— Горы?

— Горы Смерти. Гора вовсе не то, что о ней думаешь ты, да и все остальные здравомыслящие. Не всякий, кто отправляется на нее, умирает. Выжившие навечно остаются под Горой и живут точно чокнутые. Там держат в заложниках... Не важно кого. Мы возьмем Гору штурмом и вызволим людей. Только тогда моя империя будет в безопасности.

— Не понимаю.

— Шесть лет я боялся сил подземелья, но наконец-то готов к борьбе с ними. Я не говорю, что живущие там — исчадия ада, которых следует уничтожить, но выдворить их из-под Горы необходимо. Как только враг будет изгнан, империя вновь начнет расширяться, и мы принесем плоды цивилизации на все континенты.

Так значит, слухи о трусости императора тоже не были правдой.

— Для тебя я припас опасную работенку. Действовать придется в одиночку, в самых неприятных местах. Никому, кроме меня, нельзя будет рассказывать ни о своем задании, ни о своих успехах. Я сказал Джиму, что ты станешь связным и разведчиком, но не сообщил, насколько опасное тебе предстоит задание. Весьма вероятно, ты погибнешь вне круга — возможно, от радиации; не исключено, что тебя подвергнут пыткам. Тебе придется, чтобы добиться желаемого, нарушать кодекс чести круга: с недовольными я потом разберусь. Вождь подземного мира — вот наша цель.

Император замолчал. Вар тоже не проронил ни слова.

Глава 7

Дыра на дне ямы, через которую утекала дождевая вода, вывела Вара в просторную пещеру. Здесь он наконец-то выпрямился в полный рост и постоял с минуту, ловя запахи и давая возможность своим чувствительным глазам привыкнуть к темноте.

На поверхности ли, под землей ли он четко знал, где находится Гора. Способность определять заданное направление, а также острое обоняние, ночное зрение и умение бегать, согнувшись почти вдвое, напоминали ему о прежней дикой жизни, по которой он нет-нет, да тосковал.

Вар скинул с ног мокасины, чтобы те не стесняли движений.

По гранитному полу пещеры то там, то здесь струилась вода, стены покрывали плесень и лишайники. Вар вытащил из-за пояса палицу и поскреб ею стену. Глазам предстал металл.

Как и предполагал император, пещера оказалась рукотворной — точно такой же, по его словам, была вся Гора. (Вар так толком и не разобрался, зачем понадобилось ее возводить). Скорее всего пещера выведет в искусственный подземный мир под Горой.

Выждав минуту-другую, Вар двинулся вперед.

Задание Вара — найти проход в страшное подземелье. Если он отыщет такой проход и сумеет сохранить свое открытие в тайне от жителей подземелья, империя наверняка одержит почти бескровную победу над подземными. Если же Вар в своих поисках потерпит поражение, то на поверхности непременно произойдет ожесточенная битва. Следовательно, от успеха его миссии зависят сотни и сотни жизней, возможно, даже жизнь самого императора.

Туннель разделился: ответвление, ведущее точно в сторону Горы, оказалось завалено кучей гальки, второе же было широким и чистым. Вар сразу сообразил, что именно через второй ход после дождей, сметая все на своем пути, утекает вода. Эта дорога наверняка его куда-нибудь выведет, но если разразится проливной дождь, он утонет...

Туннель шел под уклон и постепенно расширялся. На стенах матово заблестел нетронутый ржавчиной металл, над головой через равные промежутки правильными дугами протянулись опорные балки. Туннель вывел Вара в огромный грот с высоким потолком. Грот пересекал длинный ров. Вар посмотрел вниз, но спуститься не отважился. На покрытом грязью дне рва что-то шевелилось — может, черви, может, личинки насекомых, а может, нечто еще более омерзительное. Было время, когда он не брезговал такой пищей, но проведенные среди людей годы изменили его вкусы.

Вар постучал палицей по полу. Пол отозвался глухим звуком. Он разгреб грязь под ногами и с удивлением обнаружил, что пол покрыт такой же керамической плиткой, какой обычно облицованы стены на стоянках.

Император говорил, что зти туннели прорыли очень давно. Некоторые механизмы сохранились и по сей день, но никто не знал, как они работают и для чего предназначаются. Интересно, кому могло понадобиться столь огромное помещение с полом из керамической плитки и со рвом посредине?

Вар побрел вдоль рва, вслушиваясь в отдаленные шорохи и глубоко втягивая носом воздух. Обычный человек не разглядел бы при столь скудном освещении ни зги, но Вар, привыкнув к сумраку, видел вполне сносно, хотя и на небольшом расстоянии.

Вскоре путь ему преградила глухая стена: впрочем, ров тянулся дальше. Зачем древним понадобилась эта дыра в земле? По словам императора, они походили на чокнутых или на жителей подземелья, но помыслы их были еще туманнее, а в творениях рук совсем не ощущалось мудрости.

Вар осторожно спустился на дно рва, подумав, что опасности бывают известные, как, например, ядовитые ягоды в Гиблых Землях, и неизвестные. Первых легко избежать, тогда как вторые порой таят в себе неожиданную смерть.

Слой грязи оказался неглубоким, чуть выше щиколоток. Вар обнаружил в нескольких футах друг от друга два металлических бруска. Бруски тянулись вдоль ямы насколько хватало глаз. Встав на ближайший, Вар понял, что может ступать по нему, вовсе не шлепая по грязи.

И он двинулся вперед. Туннель казался бесконечным и вел вовсе не в сторону Горы. Вар призадумался. Идти ли ему дальше? А вдруг наверху разразится буря, и его сметет водой? Правда, туннель очень длинный, широкий и даже в самую жестокую бурю водой наполнится нескоро.

Но все равно продолжать путь по туннелю не имело смысла. Вряд ли он ведет под Гору и представляет, таким образом, ценность для планов императора.

Вар решил про себя, что если не выйдет куда-нибудь в ближайшие пять минут, то повернет назад.

Но всего лишь через минуту он вынужден был остановиться — туннель кончился. Вернее, оказался блокирован непонятной металлической конструкцией, с выступами, проемами и ступенями; она опиралась на металлические бруски на полу туннеля.

Вар постучал по металлу палицей. Конструкция была явно пустотелой, но твердой.

Как же преодолеть досадное препятствие? Вар, слегка подпрыгнув, ухватился за выступ, подтянулся и заглянул через проем внутрь. Там был проход. Вар вновь постучал по металлу, и тот отозвался глухим звуком. Прикинув на слух размеры сооружения, Вар смело залез внутрь.

Пол здесь был выше, чем снаружи, его покрывал более толстый слой засохшей грязи. Вдоль стен тянулись сиденья: прямоугольные проемы, хотя и лишенные стекол, вполне могли служить окнами. Здесь было значительно темней, чем в туннеле. Глаза отказывались служить, уши плохо воспринимали шорохи в тесном замкнутом пространстве; Вар решил воспользоваться фонариком чокнутых, который вручил ему в дорогу император. Едва он щелкнул выключателем, как вокруг что-то зашевелилось, задвигалось. Вар инстинктивно отпрянул и повел лучом фонарика по сторонам.

Он увидел почти начисто лишенную меха крысу с глазами-бусинками, которая пронзительно заверещала и юркнула в темный угол.

Вару было прекрасно известно, что крысы всегда селятся стаями. Где одна, там непременно и сотни, а то и тысячи. Вар быстро зашагал по узкому длинному проходу, надеясь найти на его противоположном конце дверь.

Дверь оказалась там, где он и предполагал. За дверью находилась крошечная комнатенка, а напротив — еще одна дверь. Очередная нелепость древних!

Вар распахнул вторую дверь и обнаружил за ней большущую, футов десяти в длину, змею. Змея была неизвестного Вару вида, вряд ли ядовитая, но наверняка являлась мутантом. Вар поспешно отступил — и угодил прямиком в скопище крыс.

Животные злобно скалили зубы, возмущенно попискивали, отскакивали и тут же смыкались позади Вара серой волной. Надо было поторопиться, а то, неровен час...

Вар вылез через прямоугольный проем, на секунду завис на руках, опустился на сырой пол туннеля. Ноги почти по колени погрузились в жижу. Он выключил фонарик и с минуту постоял, вновь привыкая к темноте, а затем встал на металлический брусок и двинулся в ту сторону, откуда пришел.

Следовало найти другой путь.

Вскоре Вар достиг пещеры, где начинался ров, и обнаружил еще четыре туннеля, которые вроде бы вели в нужном направлении. Мысленно отчитав себя за то, что не исследовал их прежде, он вновь спустился в ров и пошел по крайнему правому туннелю.

Но вскоре остановился. Кожа горела огнем.

Впереди была радиация. Очень, очень сильная.

Вар вынужден был вернуться. Второй туннель тоже оказался зараженным. Третий поначалу показался чистым, но спустя какое-то время выяснилось, что это не так. Поневоле создавалось впечатление, что сама Гора начинена рентгенами...

Оставался последний туннель, который вел чуть в сторону от горы, но все же, как представлялось, мог вывести куда нужно.

Вар побежал. Миля тянулась за милей. Наконец он очутился в очередной просторной пещере. Здесь присутствовала радиация, и Вар уже было решил поворачивать, как вдруг уровень радиации резко упал. Похоже, можно рискнуть...

Через полчаса туннель стал шире, а затем вывел Вара в третью пещеру. Повсюду валялись камни, в стенах зияли трещины, явственно ощущался незначительный радиационный фон. Вар побежал быстрее прежнего.

Внезапно путь преградила груда камней. Завал!

Волей-неволей Вару пришлось вернуться в пещеру, которую он принялся тщательно исследовать, надеясь отыскать какой-нибудь проход, причем старательно избегать горячих мест.

Первые два из обнаруженных им проходов оказались заваленными, третий же был относительно чист.

Вар повернул налево и побежал во весь дух. Вскоре в стене туннеля обнаружился узкий извилистый проход, в дальнем конце которого брезжил свет — не дневной, а желтоватый, электрический. Вар все-таки достиг Горы!

Последние метров пять пришлось ползти, затем проход вывел Вара в просторное помещение, заставленное какими-то тюками и ящиками. Это был склад.

Рядом с отверстием в стене, через которое Вар сюда попал, были разбросаны куски хлеба и стояло блюдечко с водой.

Яд! В юности Вар не раз избегал таких ловушек. Яд, конечно, предназначался не ему, а крысам.

Миссия увенчалась полным успехом, можно возвращаться в лагерь. Скоро, ведомые Варом, сюда придут воины с огнестрельным оружием.

Вар решил на всякий случай осмотреть склад — а вдруг найдет что-нибудь интересное? В противоположной стене обнаружилась закрытая дверь. Вар осторожно приблизился, коснулся странной ручки. Внезапно за дверью раздались шаги.

Он метнулся было к отверстию, но вовремя сообразил, что попросту не успеет протиснуться через него, и укрылся за ближайшими ящиками. Ручка повернулась, дверь открылась. Вар затаил дыхание.

Легкие и быстрые шаги приближались. Вара осенило, что человек пришел проверить крысиную приманку. Едва он прошел мимо, как Вар осторожно высунулся из-за ящика и, к своему изумлению, увидел женщину.

Средних лет, несколько ниже ростом и более хрупкого сложения, чем Сола, с короткими вьющимися темно-русыми волосами. Мешковатый комбинезон скрывал фигуру женщины: если бы не лицо и не осанка, Вар принял бы ее за ребенка. Неужели остальные жители подземелья похожи на нее? Такие же низкорослые и старые? И все одеваются в мешковатые комбинезоны? Если да, то и опасаться их явно не стоит.

Женщина взглянула на приманку и замерла. На

пыльном полу рядом с дырой в стене явственно отпечатались следы ног Вара.

Теперь у Вара уже не оставалось выбора.

Подняв палицы, он вышел из-за ящиков. Она молниеносно вскинула руки. Вар, недолго думая, нанес удар, но каким-то чудом промахнулся и на долю секунды утратил равновесие. Женщина ребром ладони ударила Вара в плечо: он врезался головой в стену и распластался на полу.

Долгое общение с непобедимым императором научило Вара реально оценивать свои шансы на победу. Он повернулся, юркнул в отверстие и проворно пополз прочь.

Глава 8

Вар хоть и отыскал проход в самое сердце Горы, но не без оснований опасался, что провалил задание, поэтому докладывал внешне бесстрастному императору не без вины в голосе.

— Даже если она рассказала обо мне вождю Горы, и подземные заделали отверстие, мы все же сможем открыть его и...

— Против огнеметов в тесном туннеле нам не выстоять, — мрачно изрек Безымянный и вдруг, к удивлению Вара, закрыл лицо руками и воскликнул: — Знать бы наперед! Она! Из всех подземных — именно она! Ну почему я не отправился туда сам?!

Вар непонимающе уставился на него.

— Тебе знакома та женщина?

— Это Соса.

Вар ждал, но император предпочел не вдаваться в подробности.

Через некоторое время Безоружный сказал:

— Придется штурмовать Гору в лоб. Приведи сюда Тила с его отрядом, и побыстрее.

* * *

Ко времени, когда Тил и его огромное племя достигли лагеря в Гиблых Землях, они с Варом стали закадычными друзьями. Не раз выходили они друг против друга в круг, но никогда не дрались до крови, и, прислушиваясь к советам Тила, Вар с каждым днем оттачивал технику владения палицами. Он почти сразу понял, что свалял дурака, вызвав когда-то Тила на поединок. Добрый десяток раз Тил, словно играючи, обезоруживал его в кругу, затем непременно указывал на ошибки и подробно разъяснял, как их в дальнейшем избежать.

Он назвал немало воинов империи, которых Вару пока следовало остерегаться.

— Ты силен и проворен, — говорил Тил. — И храбрости тебе не занимать, вот только опыта маловато. Через годик-другой...

На привалах Вар выходил в круг на тренировочные бои против воинов — мастеров других видов оружия. Конечно, император неплохо обучил его, но постоянной практики Вару действительно не хватало. Он учился отбивать палицами кинжалы, уворачиваться от булавы, блокировать шест, и в лагерь рядом с Горой вернулся гораздо более искусный воин. Теперь он понял, почему Тил — второй после Безымянного человек в империи. То, что Тил отказался драться с ним в кругу, Вар когда-то принял за трусость, но сейчас уразумел, что это называлось благородством. Посылая Вара за Тилом, император стремился их примирить, и его намерения увенчались успехом.

* * *

— Ты видел пистолет и знаешь теперь, сколь сокрушительную силу он в себе таит, — сказал император.

Тил кивнул. В действительности он не только сам много раз стрелял из пистолета, но даже убил из него кролика, чего Вару, познакомившемуся с огнестрельным оружием значительно раньше, ни разу не удавалось. Быть может, виной тому были его неуклюжие пальцы?

— Воины, с которыми нам предстоит сразиться, тоже располагают огнестрельным оружием и даже кое-чем похлеще. К тому же они не придерживаются кодекса чести круга.

Тил вновь кивнул.

— В течение шести лет я не позволял империи расширяться, опасаясь засевших под Горой убийц. У них пистолеты, а у нас были лишь шесты да мечи.

Тил, похоже, изумился.

— Мужчины, которые уходят на Гору...

— Вовсе не обязательно умирают.

— И Сол Мастер Всего Оружия...

— Жив. Находится в заложниках.

— И ты...

— Я тоже когда-то отправился на Гору. И как видишь, остался жить.

Глаза Тила расширились.

— Так ты — Сос! Сос Мастер Удавки. У тебя еще на плече сидела птица...

— Отныне и навсегда — Безымянный! И Безоружный.

Вар не совсем уловил содержание разговора, хотя узнал имя «Сос» и связал его с именем встреченной им в подземелье женщины — «Соса».

— И теперь? — спросил Тил.

— Теперь и у нас появилось огнестрельное оружие. И империя вновь будет расширяться. Возможно, императором снова станет Сол. Но для начала нужно взять приступом Гору.

— Но эти... Пистолеты... Они ведь не оружие круга, — запротестовал было Тил.

— Мы вступаем в войну.

— Война?.. — невольно вырвалось у пораженного до глубины души Вара, доподлинно знавшего, что именно война послужила причиной Взрыва.

— Я не раз говорил тебе, что война — зло, и ей не место в нашем обществе, — сказал император, пристально глядя на Вара. — Война однажды чуть не уничтожила весь наш мир. Но сейчас мы столкнулись с проблемой, которую никак иначе не решить. Гору необходимо взять. Это будет война ради окончания всех войн.

Хотя слова императора звучали вроде бы убедительно, Вару чудилось в них скрытое противоречие, но какое именно, он не понял и оттого промолчал. Тил тоже выглядел обеспокоенным, но возражать императору не стал, а просто спросил:

— Каков план?

Император принес рисунок, над которым трудился последние месяцы.

— Вот то, что чокнутые называют картой. Я облазил все местные кручи и нанес их контуры на бумагу. Смотрите. Тут наш лагерь, здесь — начало линии обороны врага. Здесь — стоянка, последний приют самоубийц по дороге на Гору. А вот здесь проходит туннель метро, который обследовал Вар.

— Метро? — Как и Вару, Тилу это слово было в новинку.

— Древние использовали метро для быстрого передвижения под землей. Там ходили металлические поезда, похожие на трактора чокнутых, правда, в отличие от тракторов, катили они по рельсам. Я надеялся использовать туннель для внезапной атаки, но, к сожалению, жителям подземелья теперь тоже известно о метро. Придется атаковать поверху.

— Мое племя не дрогнув пойдет в атаку хоть на

самого дьявола! — вскричал воодушевленный Тил.

Император улыбнулся.

— Я ни на минуту не сомневался в мужестве твоих соплеменников. Но все они — воины круга. Устоят ли они против огнестрельного оружия? Не устрашатся ли пистолетов и винтовок, которые будут стрелять из укрытий? А еще у подземных есть изрыгающие пламя огнеметы, которые испепеляют человека за считанные секунды.

Тил кивнул, но Вар понял, что вождь не очень-то верит в существование изрыгающих огонь машин.

— Помнишь, некто однажды рассказал тебе о белых мотыльках, чей укус смертелен, и о крошечных землеройках, способных уничтожить на своем пути отряд вооруженных воинов?

— Помню, — ответил Тил спокойно.

Вар не видел связи между всем известными мотыльками и землеройками и изрыгающими огонь машинами, но Тил, похоже, почему-то поверил в существование огнеметов.

— Бой будет беспощадным, кровавым, — сообщил Безоружный. — Многие погибнут, даже не увидев своих убийц. Мы, точно землеройки, пойдем на врага волнами и умирать будем, как они, — сотнями. Но если нам хватит мужества, мы непременно возьмем Гору. Вели своим помощникам отобрать добровольцев, именно добровольцев, а не показных храбрецов. Намекни также, что воевать придется не обычным оружием. Те, кто вызовется, получат пистолеты или винтовки.

Тил встал и улыбнулся.

— Я давно тоскую по былым дням. Наконец-то они, похоже, возвращаются.

* * *

Три тысячи воинов из огромного племени Тила отложили привычные палицы, шесты, мечи и приступили к тренировкам с огнестрельным оружием. Дни и ночи напролет с ними занимались стрелки из немногочисленного отряда Джима. Как только новобранец осваивал новое оружие, ему выдавали пистолет или винтовку и двадцать патронов и отправляли в главный лагерь с приказом ни в коем случае не стрелять до начала битвы.

Через месяц все было готово. Все до единого добровольцы научились стрелять, освоили основы скалолазания. Особый отряд денно и нощно охранял все известные выходы из метро. Армия рвалась в бой, но штурм все не начинался, хотя воинам не терпелось испытать новое оружие. Гора так и притягивала их взгляды.

Наконец, в самый, казалось бы, неподходящий день император дал приказ выступать. С утра небо затянули тучи: сверкали молнии, гром гремел не переставая, а дождь хлестал, как из ведра. Вар и Тил стояли рядом с Безымянным и наблюдали из укрытия за продвижением воинов.

— Молнии ослепят телевизионные системы подземных, — объяснил император. — Гром заглушит выстрелы. Дождь скроет наше продвижение и, возможно, помешает использовать огнеметы. Да, у нас есть реальный шанс на победу.

Так он знает, что делает, обрадовался Вар. А подземные, скорее всего, не ожидают атаки в эдакое ненастье и окажутся к ней не готовы.

Император дал Вару и Тилу бинокли — еще одно не известное доселе изобретение древних — и кратко проинструктировал, как ими пользоваться. В бинокли Гора была видна как на ладони. Несмотря на дождь, пелена которого многое скрывала, эффект от использования оптики был ошеломляющим.

Цепочка воинов меж тем достигла подножия Горы, что выглядела издалека нагромождением камней и покореженного металла. У всех имелись при себе крючья и веревки, с помощью которых воины могли одолеть крутой подъем за несколько минут. Вдруг раздался грохот, земля вздыбилась, подножие Горы заволокло дымом.

— Этого я и опасался, — пробормотал император. — Мины.

— Мины, — повторил Тил, и Вар понял, что вождь мысленно произнес: «Еще одно чудовищное изобретение, которого следует остерегаться».

— Подземные закопали взрывчатку. Где именно, нам не известно, и обойти опасные участки мы не можем. Впрочем, вон там мины уже взорвались, поэтому те, кто идет следом, могут не опасаться за свою жизнь.

Вдалеке послышались новые взрывы: значит, заминированы и другие подступы к Горе.

Подножия Горы достигла вторая волна атакующих. Как их и учили, воины старались избегать открытой местности, но оборонявшиеся пока огонь по ним не открыли.

С большого расстояния войско казалось змеей, тело которой то появляется, то исчезает среди камней. Вскоре воины достигли нижнего плато.

Из-под земли в мгновение ока поднялись черные трубы, которые изрыгнули струи пламени.

Теперь Вар поверил в существование огнеметов. Ему даже почудился удушливый чад — дыхание самой смерти.

Множество воинов погибло на месте, но постоянно прибывали подкрепления. Воины стреляли по огнеметам из пистолетов и винтовок, пока неуклюжие механизмы разворачивались, обходили их со стороны, выводя из строя ударами булав и шестов. Гроза не утихала.

— Твои люди смелы и хорошо обучены, — сказал император Тилу.

Тил пропустил похвалу мимо ушей.

— Солнечным днем не выжил бы ни один. Теперь я это понимаю.

Вдруг подземные открыли по нападающим такую неистовую стрельбу, что отдельные выстрелы слились в сплошной гул.

— Они палят из пулеметов, — пробормотал Безымянный, вздрогнув, как от удара. — Пистолетами и винтовками нам их не одолеть. Тил, прикажи отступать.

Немногие, очень немногие вернулись в тот день с Горы. Когда подсчитали потери, оказалось, что погибло более тысячи воинов. А из обороняющихся не удалось захватить в плен ни одного.

* * *

— Мы проиграли? — спросил Вар у императора. Его не оставляло чувство вины. Если бы он не выдал себя в подземелье, сегодня бы не погибли сотни храбрых воинов...

— Проиграна лишь первая битва, но не война. Мы охраняем отвоеванную территорию, и подземные уже не смогут установить там новые мины или огнеметы. А еще нам теперь известно расположение их огневых точек. Мы построим катапульты и закидаем пулеметные гнезда камнями и бомбами. Не сомневаюсь, что окончательная победа будет за нами.

У входа появился воин.

— Подземные зашвырнули в наш лагерь железный ящик, — доложил он. — В нем послание Безымянному.

Император развернул бумагу, внимательно изучил ее и безрадостно улыбнулся.

— Мы все же произвели на подземных впечатление! Они предлагают нам вести переговоры.

— Неужели сдаются без боя?

— Не совсем. — Император стал читать послание вслух: — «Во избежание дальнейшего кровопролития и бессмысленных разрушений предлагаем решить исход войны в честном поединке один на один. Место поединка: вершина горы Муз, находящейся в двенадцати милях к юго-востоку от Геликона. Дата: 6 августа 118 года эры после Взрыва. Выбор остальных условий поединка за вами. Если представляющий вас воин потерпит поражение, вы навсегда оставите эти места и не станете снова штурмовать Геликон. Если потерпит поражение наш воин, мы сдадим Геликон без боя. О своем согласии сообщите в телевизор на ближайшей стоянке».

Помолчав, император спросил Вара:

— Как считаешь, победит наш воин в единоборстве воина подземных?

Вар, который ни секунды не сомневался, что император одолеет кого угодно, утвердительно кивнул.

Император разложил на столе карту.

— Гора Муз находится вот здесь. Склоны у нее крутые, местами даже отвесные. Вряд ли я заберусь туда. Во всяком случае, быстро. Я слишком тяжел и недостаточно ловок. А на вершине, несомненно, хватает крупных камней.

Вар представил, как первым вскарабкавшийся на вершину воин обрушивает огромные камни на голову более медлительного соперника. Конечно, в честном бою Безымянный непобедим, но сброшенные с большой высоты булыжники не позволят ему одолеть подъем. Вершина крутой горы, видимо, выбрана подземными именно для того, чтобы здравомыслящие выставили на поединок не императора, а кого-нибудь послабей.

— У нас много хороших воинов, — сказал Вар.

— По календарю подземных сегодня четвертое августа. На подготовку у нас осталось всего ничего — два дня. Надо отобрать бойца, который бы не только мастерски владел оружием, но и проворно карабкался по горным склонам.

— Так посоревнуемся завтра в восхождении на гору! — воскликнул Вар.

— Хорошо. Скажи Тилу, чтобы собрал завтра с полсотни лучших бойцов. Сегодня ночью я сообщу подземным о нашем согласии.

* * *

Наступило утро. Вар ждал, когда рассветет, чтобы начать подъем. Вернее, когда станет достаточно светло, чтобы начать подъем смогли остальные воины, поскольку его более чувствительным глазам света уже вполне хватало. Мозолистые руки, огрубевшие ступни ног, а также годы, проведенные в единоборстве с дикой природой, давали ему неплохой шанс на победу.

Тил посмотрел на него, улыбнулся, но ничего не сказал.

К полудню Вар оказался победителем турнира.

— Но он же еще новичок в кругу! — запротестовал император, удивленный таким оборотом событий.

Тил ухмыльнулся.

— Пусть покажет себя, сразившись с тремя воинами, которые достигли вершины сразу после него.

Безоружный без особой охоты согласился. Так утомленный подъемом Вар оказался в кругу лицом к лицу с шестовиком, который хоть и использовал при подъеме свое оружие как опору, но вершины горы все же достиг на десять минут позже Вара.

Как нельзя более кстати Вару вспомнились советы императора и Тила. Добиться победы палицами можно, лишь быстро преодолев защиту шестовика, в противном же случае обязательно победит шестовик.

Слегка приблизившись, Вар нанес одновременно два удара — один в голову, другой в грудь противника. Шестовик отразил оба, но недостаточно проворно. Удар в голову не достиг цели, но второй оказался удачным и сломал шестовику ребро.

Видя, что шестовик намерен продолжать поединок, в круг вступил Тил.

— Первая кровь! — сказал он. — Поединок закончен.

Так Вар выиграл первый бой.

Следующим соперником оказался ветеран-кинжальщик.

Было хорошо известно, что кинжалы для защиты почти не годятся, но зато весьма эффективны в нападении.

Кинжальщик мастерски владел своим оружием, и кинжалы в его руках были столь же стремительны, как палицы в руках Вара, но значительно более смертоносны. У Вара не было выбора, и все свое внимание он сосредоточил на обороне, отлично понимая, что, если сломя голову ринется вперед, сразу же проиграет.

Кинжальщик сделал ложный выпад, наподобие того, что принес Вару победу в первом бою. Если бы Вар не сумел мгновенно отразить сразу два удара, то для него все было бы кончено. Атака следовала за атакой, но Вар держался. Не уступавший возрастом императору кинжальщик постепенно выдыхался. Несомненно, на его стороне был богатейший опыт боев, но годы давали себя знать. Наконец Вар получил небольшое преимущество в скорости.

Теперь на каждый выпад кинжальщика приходилось два выпада Вара. Вскоре он оттеснил кинжальщика к границе круга, где тот и вовсе допустил промашку и получил здоровенный синяк на правом запястье. Тил вновь объявил Вара победителем.

Третий претендент был, как и Вар, паличником.

— Я — Хул, — представился он.

Устав от двух поединков, последовавших сразу же за нелегким восхождением, Вар не сомневался, что третий проиграет. Вдобавок, паличник был из мастеров: его имя называл Тил, перечисляя лучших воинов империи. В поединке палиц против палиц преимуществ у Вара быть не могло, а опытом он явно уступал сопернику.

— Вар-паличник, — сказал Хул, подойдя к границе круга. — Я наблюдал за твоими боями и уверен, что ты победишь меня в кругу. Но не сегодня, а через год-другой. Ты силен и ловок и, весьма вероятно, нанесешь мне много болезненных ударов. Из-за них я, возможно, не смогу принести победу империи. Может, ты сдашься мне без боя?

Предложение Хула звучало разумно. Пока Вар дрался в кругу, Хул отдыхал, следовательно, сохранил в неприкосновенности запас сил; к тому же он был Мастером палицы, то есть победил бы Вара, даже устав до изнеможения. Если бы Вар отказался от поединка, никто не упрекнул бы его в трусости, однако он всей душой желал сразиться за императора; кроме того, в нем заговорила ярость, и он воскликнул:

— Нет!

Хул повернулся к Тилу.

— Тогда, если Безоружный не возражает, я уступлю Вару. Если мы сойдемся в кругу, то ни один из нас не сохранит силы. По духу Вар — истинный боец и без боя не сдастся, но ему действительно нужна передышка.

Возражать император не стал, и Тил кивнул. Впоследствии Вар много размышлял над загадочным поступком Хула и в конце концов пришел к выводу, что тот обладал истинным мужеством.

Глава 9

Вар вновь стоял у подножия горы Муз. На сей раз дожидаться рассвета было вовсе не обязательно; к тому же подниматься предстояло знакомой дорогой, не то что накануне.

По другую сторону горы Муз, должно быть, готовился к восхождению противник — обнаженный, как и Вар, лишь обутый в башмаки. На этом условии настоял император. Таким образом, ни один из участников поединка не сможет тайно принести с собой пистолет, веревку, сеть, хлыст или другое оружие, запрещенное кодексом чести круга. За двумя бойцами будут пристально наблюдать воины противоборствующих сторон, так что обман неминуемо раскроют.

Конечно, сам бой на вершине снизу виден не будет, но даже малейших сомнений, чья взяла, не возникнет, поскольку живым с горы спустится лишь победитель.

Наконец стало более менее светло. Вар еще раз проверил, надежно ли прикреплены палицы к кожаному поясу, и полез вверх. Поначалу склон был относительно пологим, и подъем не вызывал у него затруднений. Опасаться следовало лишь коварных трещин: в такую если свалишься, неминуемо повредишь ноги. Затем пошли огромные булыжники. Именно здесь Вар на предыдущем подъеме значительно опередил своих соперников.

Конечно, противник мог взбираться на гору Муз по нескольку раз на дню, пока сюда не пришли здравомыслящие. Может, поэтому подземные и выбрали местом поединка именно ее вершину? Как бы то ни было, у Вара есть шанс одолеть склон первым. Ведь он лазает по горам лучше всех здравомыслящих, а противоположный склон ничуть не легче для подъема, чем тот, который достался ему. Оказавшись в прошлый раз на вершине, Вар убедился как в этом, так и в том, что гора не хранит никакого секрета, например, прорытый древними туннель, которым мог бы воспользоваться противник.

Постепенно склон сделался настолько крутым, что казался чуть ли не отвесным. Правда, помогали многочисленные выступы и трещины. Вот где Вару особенно пригодились мозолистые ладони и почти ороговевшие ступни. Поднимаясь, он то и дело с опаской поглядывал наверх.

Достиг ли противник вершины? Если да, то сверху, того и гляди, полетят камни.

Вскоре глазам предстала площадка на вершине. Пусто. Вар возликовал.

Шагов десяти в поперечнике, площадка казалась совсем крошечной, хотя и была вдвое больше боевого круга: такое впечатление возникало из-за того, что со всех сторон ее окружал обрыв. Вар быстро пересек площадку и увидел футах в пятидесяти под собой бойца подземных. Он опередил соперника всего лишь минут на пять, а более медлительный воин империи, несомненно, достиг бы вершины слишком поздно. Особенно Хул. А что толку в бойцовском мастерстве и храбрости Хула, если его голову при подъеме наверняка размозжил бы булыжник?

Вар огляделся, выискивая подходящий камень. Камней здесь было предостаточно. Некоторые вполне годились для метания, другие, размерами побольше, можно было скатить вниз, а у самого края громоздились валуны, которые так и хотелось раскачать и столкнуть.

Пальцы Вара сами собой обхватили камень. Он не сводил взгляда с противника, который выглядел удивительно беззащитным. Даже если сумеет увернуться от летящего в него камня, то неминуемо сорвется. Странно, почему подземный не смотрит вверх? Может, попросту не ожидает нападения?

Поборов искушение, Вар отложил камень в сторону. Ему вспомнились слова императора. В кругу один закон — смерть или победа, за чертой же победы без чести не бывает. Пусть уж исход поединка решится в честном единоборстве. Тем более что площадка идеально подходит для боя не на жизнь, а на смерть. Даже если воин подземных и слыхом не слыхивал о кодексе чести здравомыслящих, здесь ему помимо воли придется его придерживаться.

Вар уселся, скрестив ноги, на своем краю площадки. Вскоре с противоположной стороны на вершину выбрался подземный. Вару сразу бросились в глаза палицы. Придется сражаться против своего же собственного оружия!

Ростом соперник не вышел — едва по плечо Вару, который вовсе не был гигантом. И еще, обнаженный воин был либо кастрирован, либо... Либо был женщиной.

— Начнем? — Подземный взял в руки палицы, швырнул вниз ремень, на котором они висели.

Голос высокий, приятный; густые темные волосы коротко острижены; тело тонкое, гибкое, на ногах — сандалии... Ни малейших сомнений — девочка. И от роду ей не больше девяти лет.

Не может быть, чтобы защищать свои интересы подземные послали девочку вдвое моложе самого Вара!

Но почему? Ведь поединок не шутка и не детская забава. От его исхода зависит дальнейшая судьба как подземелья, так и империи. Уже погибли тысячи храбрых бойцов.

Робости девочка, похоже, не испытывает. Судя по всему, она и есть воин подземных! Неужели подземные стремятся проиграть? Но к чему тогда столь тщательные приготовления? Почему они просто не сдались на милость здравомыслящих?

Вар поднялся, сжимая в руках оружие. Сомнительно, что она выдержит даже первый удар его палицы.

Он приблизился и ударил почти без замаха, целя ей в плечо. Она мгновенно среагировала, палицу Вара отразили ее две. Выходит, она все же знает, что к чему.

Закипел бой. На стороне Вара были рост и сила, на стороне девочки — быстрота и мастерство. В общем и целом противники стоили друг друга.

Довольно быстро Вар осознал, что легко победа ему не достанется. А если он не победит (слово «убить» Вар заменил словом «победить»), то проиграет сам и подведет императора.

Лучше не тянуть. Он с яростью кинулся в атаку, используя против девочки грубую силу. Она попятилась, отступила на шаг-другой. Палица встречалась с палицей, и хотя ни один его удар не достигал цели, позиция Вара с каждой секундой улучшалась.

До края площадки осталось от силы два шага. Нет, уже один. Вдруг девочка резко развернулась, ударила по палице Вара, проскользнула под его вытянутой рукой и неожиданно саданула локтем по запястью юноши. Все произошло настолько быстро, что Вар не успел ничего предпринять. Палица выскочила из вмиг онемевших пальцев и покатилась по склону вниз.

Недостаток опыта в кругу все же оказался роковым и теперь, наполовину разоруженный, он обречен на поражение. С тем же Хулом девчонке наверняка пришлось бы повозиться, а Тила она не одолела бы ни за что. Но кто же предполагал, что ребенок окажется искусным бойцом в кругу?

Что ж, всему конец, одной палице ни за что не

устоять против пары. Вар ожидал немедленной атаки, но девочка почему-то медлила. Вар внутренне подобрался, готовясь схватить ее и прыгнуть вниз, навстречу неминуемой смерти. Пускай победа ему и не достанется, но схватка все же закончится вничью.

Девочка пристально поглядела на Вара, затем отшвырнула одну из своих палиц, и та, покатившись по склону вниз, звонко загремела о камни.

Вар был поражен. Что за дьявольскую игру она затеяла? Сейчас его можно было запросто застать врасплох, однако девочка по-прежнему держалась на расстоянии.

— Ты?..

— Честный бой, — сказала она и двинулась на него.

Необходимо было драться, но руки Вара предательски дрожали, тело не подчинялось. Победа была за ней, но она выбросила палицу и вновь уравняла шансы. Зачем? Разве такое возможно в кругу? А может, она стремится проиграть?..

Но сдаваться, судя по всему, она отнюдь не собиралась. Странный поединок продолжался. Девочка ударила Вара по свободной, левой, руке. Вару отчаянно недоставало второй палицы.

Мало-помалу Вар приноровился к необычной манере девочки, научился уворачиваться от ее многочисленных, вроде бы слабых, но быстрых и точных ударов.

Миновал полдень, а бою не было видно конца. Противники держались настороже, экономя силы, выжидали, пока один из них допустит промашку.

Девочка постепенно начала уставать; Вар попробовал было воспользоваться этим, но все его наскоки разбивались о безупречную защиту.

Как соперники ни старались, бой к вечеру так и не завершился.

Внизу по-летнему быстро стемнело; вершина горы Муз превратилась в островок света в безбрежном океане тьмы. Девочка, отступив на шаг, опустила руку с палицей и сказала:

— Ночью не принято сражаться.

Вар тоже опустил свое оружие, но, опасаясь предательства, глаз с девочки не сводил.

— Я голодна, — пожаловалась та.

Он также проголодался, но, поскольку не предполагал, что поединок затянется так надолго, еды с собой не прихватил.

— А ты молчун, — сказала она.

— Я плохо говорю, — объяснил Вар.

Быть может, сказанных им слов она и не разобрала, но смысл явно уловила. И, как ни странно, улыбнулась.

— А мой отец совсем не разговаривает. Его ранили в горло, когда я еще была маленькой. Но мы с ним отлично понимаем друг друга.

Вар кивнул.

— Может, ты ляжешь на своей стороне, а я — на своей, и мы поспим? — предложила она. — А бой закончим завтра.

В знак согласия он прочертил палицей на земле линию и улегся на своей половине площадки.

— Тебя как зовут?

— Вар.

— Странно, на горле у тебя вроде бы нет шрама. Почему ты так плохо разговариваешь?

Пока Вар пытался придумать ответ попроще, она уже задала новый вопрос:

— А на что похож мир снаружи?

Вар понял, что ее не особенно интересуют его ответы: как и многим детям, ей просто нравится слушать собственный голос.

— Холодно, — сказала девочка.

Она была права. С наступлением ночи заметно похолодало, а ведь они оба — нагишом. Вару, конечно, ночной холод был нипочем, ведь в юности он, бывало, даже зимой спал под открытым небом, но она — маленькая, худенькая, с нежной тонкой кожей — наверняка замерзнет, а может, и умрет от холода. Ее уже колотила крупная дрожь.

— За мною долг, — сказал Вар.

— Не понимаю. — Девочка повернулась к нему.

— Ты выбросила палицу. За мною долг. — Он изо всех сил старался говорить отчетливо.

— Палица? — пробормотала она, стуча зубами. — Долг? О чем это ты?

Девочка явно уловила в его речи лишь отдельные слова.

— Этой ночью я согрею тебя своим телом.

— Тело? Ночь?

Вар стремительно встал и подошел к ней. Лег рядом и, обняв, притянул к себе.

— Спи... Тепло...

На мгновение ее тело напряглось, руки потянулись к его горлу. Сомневаться не приходилось: девочке знакомы приемы боя без оружия. Ну и дела!

— Ты хочешь меня согреть? — Она вдруг расслабилась. — О, спасибо, Вар!

Девочка поплотнее прижалась к Вару спиной, свернулась калачиком. Ему вспомнилось, как всего лишь несколько месяцев назад он впервые обнял женщину. Конечно, те объятия совершенно не походили на эти. Однако сейчас его волновала вовсе не физическая близость. Он просто отдавал долг.

А утром они возобновят битву.

— Кто ты? — Вопрос получился вполне членораздельным.

— Соли. Мой отец — Сол Мастер Всего Оружия.

Сол! Человек, создавший из ничего империю! Первый император! Неудивительно, что девчонка так здорово дерется!

От внезапно пришедшей в голову мысли Вар едва не подпрыгнул.

— Твоя мать?.. Кто твоя мать?

— О, моя мать сражается лучше самого Сола. Но она дерется без оружия. Она низенькая, чуть выше меня, но любой силач, который попытается пристать к ней, сразу отлетит на десять шагов. — Девочка засмеялась. — Так забавно наблюдать.

Вар испытал облегчение и вдруг вспомнил свой поход в подземелье.

— А она... Твоя мать... У нее вьющиеся темно-русые волосы, стройная фигура?..

— Да! Но откуда тебе известно? Она никогда не поднималась наверх... Во всяком случае, с тех пор как я оказалась под Горой.

Вар, естественно, не собирался рассказывать девочке, как пытался убить ее мать, а потому промолчал.

— Конечно, Соса по-настоящему мне не мать. Я родилась снаружи. Отец привел меня с собой, когда я была совсем крошечной, а Соса встретила нас в подземелье.

К Вару вернулись прежние страхи.

— Ты... Ты — мертвая дочка Солы?

— Ну, как видишь, не совсем мертвая. Мы позволяем здравомыслящим считать нас мертвыми, потому что... Сама не знаю, почему. Снаружи Сол был женат на Соле, и я — их дочь. Говорят, потом Сола вышла замуж за Безымянного.

— Да. Но она сохранила прежнее имя.

— Соса тоже сохранила прежнее имя. Ума не приложу, почему.

Вару вспомнились слова Солы: «Я потеряла дочь и любимого и выбрала вождя».

А Вар-паличник как раз и был тем человеком,

которому полагалось убить дочь единственной близкой ему женщины, Солы, во имя интересов империи.

Глава 10

Несколько раз за ночь Вар просыпался от порывов ледяного ветера. Холод в такие минуты пронизывал до костей. Особенно доставалось незащищенной спине, спереди же, там, где он прижимался к Соли, было тепло. Эту лютую ночь Вар вынес бы и в одиночестве, но спать вместе было гораздо лучше.

Во сне девочка часто ворочалась, вытягивалась, но, тут же замерзнув, вновь сворачивалась клубочком и поплотней прижималась к нему. И все же руки ее были холодны, как лед. Вар, согревая, положил свою ладонь на ее. Спи она одна, вряд ли бы удержала утром в руке палицу.

Наконец на востоке забрезжил рассвет. Дрожа всем телом, они встали и запрыгали, согреваясь. Густой сизый туман делал мир вокруг нереальным.

— Я голодна, — пожаловалась девочка. — И пить очень хочу.

Вар тоже хотел есть и пить, но от решения этой проблемы они были так же далеки, как и накануне вечером. Наверное, надо было возобновить бой. Выигравший спустится и по-королевски отпразднует победу, а его поверженному противнику ни пища, ни питье впредь уже не понадобятся. Вар посмотрел на две палицы, лежащие посреди площадки. Полный комплект, пара, но лишь для одного бойца.

Она сразу перехватила его взгляд.

— Будем снова драться? Ответа на этот вопрос Вар и сам не знал. Долг призывал его сражаться за империю, преданность Соле принуждала оберегать ее ребенка. Он пожал плечами.

— Туман-то кисель-киселем, — заявила она. — Нас никто не увидит.

Она намекает на то, что сражаться без зрителей им необязательно.

— Может, спустимся и раздобудем пищу? — предложила она. — А назад вернемся, прежде чем нас хватятся.

Простота и ясность ее мышления ошеломили Вара. Действительно, почему бы и нет?

— Перемирие, пока не рассеется туман? — предложил он.

— Перемирие, пока не рассеется туман, — подтвердила она и вдруг добавила: — А я уже все-все твои слова понимаю.

Вар был тронут. Он нашел свой ремень от палиц. Две палицы, конечно, были безвозвратно потеряны, но ремень валялся там, где и был вчера брошен. Соли опасалась, что подземные обнаружат их, если они предпримут спуск по видимому с Геликона склону.

— Никто не знает, где спрятаны телекамеры.

— Ты имеешь в виду, что вокруг спрятаны телевизоры? — спросил Вар, вспомнив, как не раз видел на стоянках бестолковые ящики, без конца показывающие немые картинки.

— Нет, глупый. Телекамеры — это такие глаза, вмонтированные в камень или в ствол дерева или еще куда.

Вар ни разу в жизни не видел глаз в камне, но на свете было столько необычного, что удивления он не выразил, и они полезли вниз по тому склону, по которому сюда взобрался Вар.

Туман у основания горы Муз был даже гуще, чем наверху. Взявшись за руки, они побрели к лагерю императора. Вдруг Вара одолели сомнения.

— Меня узнают, — прошептал он.

— Так, может, я пойду одна?

— Ты пароля не знаешь.

— Но я хочу есть! — взмолилась она.

— Шш-ш...

Где-то рядом невидимые в тумане прятались часовые, и Вар боялся, что их услышат.

— Скажи мне пароль, — зашептала она. — Я схожу и попрошу немного пищи для нас обоих.

— Просить будешь голой?

— Но я хочу есть!

Вар хотел было возразить, но, поскольку сам был чертовски голоден, промолчал. Она едва слышно захныкала.

— Там, — сказал Вар почти виновато. — На стоянке есть одежда.

Милю до ближайшей стоянки они пробежали единым духом.

Прежде чем Вар успел возразить, Соли всучила ему свою палицу и вошла в шатер. Через несколько минут она вернулась, одетая в детский комбинезон, детские сандалии, с яркой лентой в волосах. Выглядела она чистенькой и опрятной.

— Тебе повезло, что никого не оказалось! — воскликнул Вар.

— Там своего супруга поджидала жена воина. Похоже, ваши держат женщин подальше от главного лагеря. Когда я вошла, бедняжка от удивления подпрыгнула до потолка. Я сказала ей, что потерялась, и она мне помогла.

Как легко Соли выкрутилась из безнадежной, казалось бы, ситуации! Вару вряд ли хватило бы мужества поступить так же, как эта то ли храбрая, то ли наивная девочка.

— Вот, держи. — Соли протянула ему связанную узлом одежду.

Вар оделся, и они вновь зашагали к главному лагерю. Тут ему в голову пришло, что раздобыть немного пищи они могли и на стоянке, но затем он вспомнил, как многотысячная армия потребляет прорву продовольствия, и оттого с ближайших стоянок регулярно изымается все съестное.

— Я пойду в общий шатер, — сказала Соли. — Скажу, что я дочь какого-нибудь воина и пришла за едой для своей семьи.

Более мудрых предложений у Вара не было, и потому он попросил лишь:

— Будь осторожна.

Он спрятался в лесу и замер, она исчезла среди тумана. Затем он вспомнил, что пройти мимо стражников не мог ни один посторонний, в особенности девочка, но останавливать ее было уже поздно.

* * *

Соли приближалась к огромному шатру посреди лагеря. Хотя ее сердце и норовило выскочить из груди, она была зачарована красотой примитивной постройки. Будь у нее с собой пара палиц, она бы чувствовала себя гораздо увереннее, но так как детям, особенно девочкам, здесь не полагается оружия, палицы остались у Вара.

Перед входом в шатер стоял крепкий на вид часовой. Соли попыталась было незаметно проскользнуть мимо, но путь ей немедленно преградил шест.

— Кто ты? — спросил часовой.

Называть свое настоящее имя Соли, естественно, не собиралась.

— Я — Сами. Мой отец устал и отдыхает. Я принесу ему поесть.

— В этом лагере, девочка, нет никакого Сама. Говори сейчас же, что у тебя в действительности на уме!

— Как же нет? А Сам-мечник? Он только что прибыл в лагерь. Он...

— Девочка, ты лжешь. Ни один воин не привел бы

с собой в этот лагерь семью. Я доставлю тебя к императору.

Он легонько подтолкнул ее шестом. В поле зрения никого больше не было, и Соли, ухватившись за конец шеста, ударила часового растопыренными пальцами по глазам и, как только его голова непроизвольно дернулась назад, саданула по открывшемуся горлу тыльной стороной раскрытой ладони. Часовой беззвучно осел.

Весил он порядком, и оттащить его в сторону ей было явно не по силам. Значит, пусть лежит, где упал; она же, если будет действовать быстро, еще, быть может, раздобудет еды.

Соли вбежала в шатер, но утренний завтрак уже давно закончился, а обращаться с просьбой к повару было небезопасно.

— На Кола напали! — послышался вдруг возбужденный голос от входа. — Обыскать весь лагерь!

Она опоздала. Теперь оставалось только спасаться бегством. Представляя, что сейчас случится, она направнлась к выходу. Там привести Кола в чувство пыталось несколько воинов.

— Никто не видел, как это произошло?

— Его, похоже, ударили булавой в горло.

— Нет, сначала, наверное, набросили на него сеть. Кол — опытный боец, и его так просто не возьмешь!

К шатру подошел мужчина-исполин. Соли его сразу же узнала — Безымянный, император врагов. Он двигался подобно тяжелому катку и был очень безобразен. Голос его звучал почти так же неотчетливо, как голос Вара:

— На него напали без оружия. Похоже, подземные заслали к нам шпиона.

Соли, не ожидая развития событий, попыталась мышкой выскользнуть из шатра, но у входа была сразу же поймана великаном за плечи и, как перышко, поднята в воздух.

— Что ты здесь делаешь?

— Сир! — закричала она в притворном отчаянии. — Помогите мне! На меня напали!

— Ребенок! — рявкнул он. — Девочка. Где твоя семья?

— У меня нет семьи. Я сирота. Я пришла сюда за пищей...

Император опустил ее наземь, но оставил свою правую ладонь на ее плече.

— Судя по отметине, рука, которая ударила Кола в шею, как раз такого же размера, как твоя, дитя. Ты здесь чужая и...

Прежде чем он успел договорить, она стукнула его сжатым кулаком в солнечное сплетение и рванулась из-под его руки. С таким же успехом она могла бить в каменную стену.

— Попробуй еще разок, маленькая шпионка, — предложил он смеясь. Она попробовала еще — ударила одновременно коленом в пах, и ребром ладони по основанию шеи. Безымянный стоял неколебим, как скала, его хватка на ее плече не ослабла ни на йоту. Свободной рукой он распахнул плащ и продемонстрировал ей свой торс — сплошное нагромождение здоровенных тугих мышц.

— Узнаю повадки подземных. Что ты здесь делаешь? Мы же договорились с вашим вождем, что исход битвы будет решен в честном поединке на вершине горы Муз.

— Сир, я... — Она замешкалась, пытаясь с ходу выдумать правдоподобную историю. — Он первым напал. Сначало замахнулся на меня шестом, а потом... Я из племени Пена. — Она помнила, что из этого племени Соса, а женщин там с детства обучают борьбе без оружия. — Я убежала из племени. Я всего лишь хотела поесть.

— Племя Пена? — Безымянный на мгновение задумался, и его грубое невыразительное лицо вроде бы немного смягчилось. — Пойдем со мной.

Он отпустил ее и двинулся сквозь толпу. Понимая, что попытки бегства бесполезны, она послушно зашагала следом. Воины, не проронив ни слова, расступились перед ними.

В личном шатре императора ноздри девочки сразу же уловили чарующие ароматы недавно приготовленной пищи.

— Ты голодна, так ешь. — Он поставил перед ней миску с кашей и чашку с молоком.

В нетерпении она потянулась к ложке, но, вдруг подумав, что поведение здравомыслящих за столом наверняка отличаются от привычного ей, поспешно отдернула руку. Видимо, император расставил ловушку, и она чуть было не угодила в нее. Она даже и не взглянув на молоко, зачерпнула кашу пригоршней и принялась жадно запихивать ее в рот.

Безымянный безмолвствовал.

— Я хочу пить, — сказала она, несколько утолив голод.

Безымянный подал ей бурдюк. Она не мешкая припала к нему ртом, но после первого же глотка закашлялась. Вино оказалось крепким, старым.

— Это не вода! — закричала она.

— А разве в племени Пена не пьют вино? Не варят пиво?

Она поняла, что выдала себя. На стоянках были ложки и вилки, и здравомыслящие, конечно же, привыкли есть с их помощью, а даже в самых отдаленных, диких племенах все от мала до велика пьют хотя бы самодельное пиво.

Она разревелась. Он принес ей воды в глиняной кружке.

— Боб не послал бы ребенка во вражеский лагерь, — обронил он, пока она пила. — Во всяком случае, не сейчас.

Соли удивилась, что Безымянный знает имя вождя подземных. Хотя все верно, ведь они общались, договариваясь об условиях поединка на горе Муз.

— Но обычные дети не обучены борьбе без оружия, — продолжал он.

Она с удивлением поняла, что каким-то образом ее ошибки помогли ей снять с себя подозрение.

— Можно мне взять с собой немного пищи для друга? — спросила она, памятуя о голодном Варе.

Безымянный от души рассмеялся.

— Возьми столько, сколько унесешь! Возможно, твой друг, насытившись, станет более счастливым, чем я!

Он дразнил ее, полагая, что прихваченную с собой пищу она намеревается съесть сама.

— Но пища действительно для друга, — возмутилась Соли.

— Как скажешь. — Безымянный принес корзину и сложил в нее продукты. — Бери, девочка, и уходи из моего лагеря. Уходи подальше. Возвращайся в племя Пена. Сейчас идет война, и даже умеющим постоять за себя детям здесь не место.

С корзиной в руках она направилась к выходу.

— Девочка! — окликнул он ее.

От неожиданности она вздрогнула. Он все-таки решил ее задержать. Боб, вождь Геликона, вот так же забавлялся с провинившимися, делая вид, что наказания не последует, а затем, когда, казалось бы, худшее уже позади, припирал к стенке.

— Если тебе надоест бродить, разыщи меня, — продолжал Безымянный. — Я возьму тебя к себе, нареку своей дочерью.

— Спасибо, — сказала она, с облегчением поняв, что он сделал ей, с его точки зрения, лестное предложение. — Возможно, когда-нибудь ты встре-

тишься с моим отцом. Уверена, вы понравитесь друг другу.

— Так значит, ты все же не сирота? Кто твой отец?

Внезапно она вспомнила, что Безымянный и Сол встречались по крайней мере однажды в кругу, после чего Безымянный заполучил империю и ее настоящую мать, а Сол отправился сводить счеты с жизнью на Гору. Сол и Безымянный наверняка были заклятыми врагами.

— Спасибо, — сказала она, сделав вид, что не расслышала его последних вопросов. — До свидания, сир.

Она опрометью выскочила из шатра. Он почему-то не задержал ее.

* * *

— Что же нам делать, Вар? — спросила Соли утром.

Он не знал.

— Может, отправимся по домам и скажем, что не сумели справиться друг с другом? — предложила она, но прежде чем он ответил, поспешно добавила: — Нет. Правду непременно узнают. Меня убьют за предательство, а война будет продолжаться.

Они долго молчали.

— А может, скажем, что один из нас победил? — внезапно воскликнула Соли.

Вар задумался, и, чем дольше он думал, тем заманчивее ему казалась идея Соли.

— А кто именно?

— Решим. Если выиграю я, то твои здравомыслящие навсегда уберутся отсюда. Если выиграешь ты, то они захватят подземный мир. Что лучше?

— Если наши спустятся под землю, то многих убьют, — проговорил он. — Возможно, даже твоих... Сола и Сосу.

— Нет. Если мы добровольно сдадимся, никого не тронут.

— Значит, выигрываю я? — спросил он.

— Ты, Вар. — Соли улыбнулась.

— Ну а что будет с тобой?

— Я спрячусь, а ты доложишь, что убил меня.

— Но Сол!..

— Когда все кончится, я отыщу Сола и скажу, что жива-здорова, и все дела.

Вар хотел было возразить, но Соли выглядела такой воодушевленной, что он передумал.

— Ступай, — велела она. — Скажешь, что битва была трудной, кровавой. Ты едва не проиграл, но под конец все-таки одолел меня и сбросил, рискуя собственной жизнью, с вершины.

— Но на мне же ни царапины!

Она хихикнула.

— Взгляни на свою руку.

Вар послушался. На правой руке и впрямь не было ни царапины, но левую густо покрывали синяки и кровоточащие раны. На Соли же не было ни отметины.

— Если настаиваешь, могу для убедительности ударить тебя разочек-другой в лицо.

Вар неохотно полез вниз. Что ж, до сумерек Соли будет отсиживаться на вершине, а затем тоже спустится. Он беспокоился за нее: впрочем, девочка заверила, что отнюдь не собирается после всего, что было, ломать себе шею. Оставалось лишь полагаться на волю случая.

* * *

В главном лагере императора по случаю победы устроили пир. Вара чествовали так, словно он совершил невесть какой подвиг. Он за обе щеки уплетал без разбора снедь со стола. Женщины из соседнего лагеря, появившиеся здесь, едва разнесся слух о победе, как ни странно, находили его привлекательным. Но мыслями он был только с малышкой Соли, что карабкалась сейчас, должно быть, в темноте по крутым склонам. Если она оступится, упадет, их обман станет явью...

Воины полагали, что он вырвал победу у мужчины-паличника, и разубеждать их Вар не стал. Поздравления мужчин и предложения женщин провести вместе ночь следовали одно за другим, пока наблюдательный Тил не положил им конец, отведя Вара в отдельный шатер.

Утром в шатер зашел император. Расспрашивать Вара он не стал, а лишь сказал:

— Пойдем на ближайшую стоянку. Поговорим с Бобом. Если он ведет нечестную игру, это скоро выяснится. Вообще-то уступчивым он никогда не был.

После рассказов Соли вождь подземных представлялся Вару исчадием ада.

Едва они переступили порог цилиндрической постройки, как император сразу же включил телевизор. Экран засветился, и на нем вместо привычной череды бессмысленных картинок с чудно одетыми людьми возникла квадратная комната. На дальней стене висели какие-то чертежи, под потолком зияло забранное решеткой вентиляционное отверстие, посреди комнаты стоял громадный металлический стол. Комната весьма напоминала те, что Вар, будучи ребенком, видел в полуразрушенных зданиях Гиблых Земель.

В мягком кожаном кресле за столом сидел правитель подземных — глубокий старик с совершенно седой головой. На лице вождя пролегли глубокие морщины. Вар предположил, что ему все тридцать, а, может, даже больше. И вообще, как долго живут мужчины, которым не нужно то и дело сражаться в кругу? Может, даже целых сорок лет?

— Привет, Боб, — сухо поздоровался с вождем император.

— Привет и тебе, Сос. Что новенького? — Говорил подземный быстро, непринужденно. Сразу видно — вождь. Вару он с первого взгляда не понравился.

— Твой воин с горы Муз не возвратился?

Человек на экране холодно уставился на императора.

— Это — Вар-паличник, — сообщил император после непродолжительной паузы. — Он доложил мне, что вчера убил в честном поединке вашего воина.

— Сомневаюсь. Ведь и дураку понятно, что победить в честном поединке Сола Мастера Всего Оружия не сумел бы никто, кроме разве что тебя.

Императора будто ударили.

— Сол!.. Ты послал на поединок Сола?

— Спроси у своего паличника, — предложил Боб.

Император медленно повернулся к Вару.

— Это правда?

— Нет, — сказал Вар, не понимая, какую игру затеял вождь подземных. — Я сражался не с Солом.

— А может, ты сражался с его подругой, Сосой? — предположил подземный, сверкнув глазами. — А она хоть и бесплодна, но разит голыми руками насмерть.

— Нет! — воскликнул Вар, понимая, что его загоняют в ловушку. Только вот в какую? К его изумлению, лоб императора покрылся испариной. Казалось, что настоящая битва происходит здесь, сейчас, а не накануне на вершине горы. Странная битва, в которой подземный Вождь и император сражались не разящим оружием, а больно жалящими, несущими смерть словами. И Боб, судя по всему, выигрывал.

— Тогда с кем же твой победитель сражался? —

спросил Боб, с интересом разглядывая ногти на пальцах.

— С дочкой Сола, — наконец признался Вар. — С Соли. Она — паличница. Вернее, была паличницей.

Император, не сводя округлившихся глаз с Вара, открыл было рот, но промолчал.

— Прошу прощения, произошла ошибка, — поспешно сказал Боб. — Вар действительно убил Соли. Ее родители отказались участвовать в поединке, зато вызвалась их дочка. Потом, правда, оказалось, что ей было всего лишь девять лет... Полагаю, узнав все это, ты, Сос, не откажешься признать результат состоявшегося поединка недействительным и назначить новый?

Было очевидно, что вождь подземных грубо нарушает условия договора, но император, который не отрываясь глядел на Вара, почему-то не возражал.

— Ты... убил... Соли? — спросил он наконец так хрипло, что Вар с трудом его понял.

Не осмеливаясь сказать правду, Вар прошептал:

— Да.

Все тело императора затряслось, как от лютой стужи. Вар не понимал, в чем дело. Соли не была Безымянному ни родственницей, ни подругой. Дочь его жены? Ну и что? Действительно, не слишком благородно убивать ребенка, но Вар сделал лишь то, что ему велели. Выставь подземные вместо девочки гигантскую ящерицу-мутанта, он бы, не щадя себя, сражался с ящерицей. Но почему император поражен до глубины души, а Боб не таясь ликует? Они ведут себя так, словно Вар проиграл поединок.

— Так я был прав. — Боб на экране оскалился. — Сол, конечно, мне не признался, но ясно было...

— Вар-паличник! — Вскричал император с дрожью в голосе. — Дружба между нами навсегда разорвана. В следующий раз мы встретимся в кругу и будем драться насмерть. Помня о нашем общем прошлом, я даю тебе остаток дня и ночь, но завтра последую за тобой. — Он повернулся и саданул огромным кулачищем по экрану телевизора. Пол покрыло стеклянное крошево, пластиковый корпус отлетел в угол. — А потом займусь тобой, Боб! — крикнул он, глядя на мертвый механизм. — Выжгу подземелье огнеметами, а тебя поджарю живьем на медленном огне!

Вару ни разу в жизни не доводилось видеть подобной ярости. Он ничего не понял, за исключением того, что император намерен убить его и вождя подземных. Похоже, Безымянный лишился рассудка.

Перепуганный Вар пулей вылетел со стоянки и в том же темпе припустил дальше.

Глава 12

— Вар!

Схватившись за свои новые палицы, он повернулся и тут же расслабился.

— Соли!

— Я видела, как ты выбежал со стоянки, и пустилась за тобой. Вар, что стряслось?

— Император... Он...

— Он недоволен тем, что ты победил?

— Боб... Назначил новый поединок.

— Вот оно как... — Соли взяла Вара за руку. — Значит, мы ровным счетом ничего не добились. Неудивительно, что Безоружный вне себя. Но ведь ты не виноват. Ведь правда, Вар?

— Он сказал, что убьет меня.

— Безымянный убьет тебя? Но почему?

— Не знаю.

Они будто поменялись ролями: Соли вела себя как спокойная, рассудительная взрослая женщина, он — как наивный, испуганный до полусмерти ребенок.

— Он не поднимет на тебя руку. Ведь не твоя же вина, что наша затея не удалась.

Вар пожал плечами. Он видел, в какой ярости был император, и верил каждому его слову.

— Что ты намерен делать?

— Убегу. Он дал мне день и ночь.

— А как же я? Если я вернусь под Гору, то Боб убьет меня... И Сола, и Сосу. За мой проигрыш. Он говорил мне, что расправится с ними обоими, если я откажусь драться. А теперь узнав, что...

Вар, понурившись, промолчал.

— Мы оказались не такими уж умными, какими себя считали, — сказала Соли сквозь слезы.

Вар положил руку ей на плечо.

— Я почти ничего не знаю о жизни здравомыслящих, — пожаловалась она. — И боюсь остаться одна.

— Я тоже.

Вар внезапно понял, что отныне он — изгнанник. Когда-то одиночество не тяготило его, но с тех пор он совершенно изменился.

— Пойдем вместе, — предложила Соли.

Отвечать сразу Вар не стал, взвесил все за и против.

— Пойдем, — нетерпеливо повторила она. — Может, на какой-нибудь стоянке мы найдем трактор и быстро выберемся из этих мест! Представляешь: только ты и я! Мы будем драться в кругу!

— Я больше не хочу с тобой драться, — твердо заявил он.

— Глупенький! Драться мы будем с другими воинами! Победим их и сколотим большущее племя, а затем вернемся и ...

— Нет! Я не стану драться с императором!

— Но если он погонится за тобой...

— Я буду убегать.

— Но, Вар...

— Нет! — Он помотал головой.

Соли опять разразилась слезами. Вар не знал, как ее утешить.

— Наверное, сражаться с императором для тебя так же немыслимо, как для меня драться с отцом, — предположила она, слегка успокоившись.

— Наверное.

— Но все остальное? — спросила Соли чуть погодя. — Поединки с чужаками, путешествия в неведомые страны?

Он улыбнулся.

— Все, что душа пожелает!

Согласившись друг с другом в главном, они приободрились и зашагали прочь.

* * *

К вечеру они оказались на пустующей стоянке милях в двадцати от лагеря здравомыслящих.

— Как будто я снова дома, — поделилась Соли. — Только вот комната круглая. И все остальное здесь... Похоже, здравомыслящие не заглядывали сюда несколько месяцев.

Вар пожал плечами. Стоянка не напоминала ему дом, но на ней, по крайней мере, оказалось вдоволь пищи. Будь он один, скорее всего углубился бы в чащу леса, но вместе с Соли...

— Я приготовлю настоящий ужин подземных! — возбужденно воскликнула Соли. — А ты знаешь, как пользоваться ножом и вилкой? Соса учила меня готовить. По ее словам, эта способность мне когда-нибудь обязательно понадобится. Наверное, сейчас как раз тот случай. Посмотрим, посмотрим. Что здесь? Макароны! Отлично! А здесь? Наверное, соль... А это, похоже, электрическая плита. Совсем

как у нас. И зажигается она, скорее всего, вот этой кнопкой...

Наблюдая за Соли и слушая ее беззаботное щебетание, Вар вдруг насторожился. Она сказала «Соса». Он знал, что так зовут ее мачеху — маленькую женщину, с которой он столкнулся в подземелье и вступил в бой, а потом насилу унес ноги. И император тоже упоминал имя «Соса». Однако с этим именем, кажется, связано что-то еще.

Конечно, Сос! Боб назвал императора «Сосом»! И теперь Вар вспомнил, что так к императору обратился когда-то и Тил. Значит, прежде у Безымянного было имя! Его звали Сос! И первым мужем Сосы был, несомненно, именно он!

Но там, под Горой, на Сосе женился Сол. А на Соле — Сос. Как такое случилось?

А если Соли — ребенок Сола и Солы, то, наверное, и у Соса и Сосы есть свой ребенок — Соси. Если так, то где же она?

Вар окончательно запутался. Он был уверен, что вопросы, которые себе задает, как-то связаны с необъяснимой вспышкой гнева императора. Но как?

— Ты не видишь открывалку? — спросила Соли, держа в руке банку консервов.

Вар не знал, что такое «открывалка».

— Нужно открыть эти томаты.

— Откуда ты знаешь, что в банке именно томаты?

— На этикетке же ясно написано.

— Так ты умеешь читать?

— Ну, сказать по правде, читаю я пока неважно, по слогам. Меня учил Джим-библиотекарь. Он говорил, что в свое время позабытые знания будут вновь открыты, цивилизация возродится, а для этого все дети Геликона должны обучаться чтению и письму. Так как же открыть банку?

Соли тоже назвала Гору Геликоном. Как много различий между здравомыслящими и подземными! И она знает ушедшего на Гору брата Джима-стрелка.

Вар взял из рук девочки банку и подошел к полке с оружием. Выбрав там кинжал поострей да поменьше, приставил его острие к крышке и надавил. Из отверстия, точно из раны, выступил кроваво-красный сок.

Действительно, томаты.

Кинжалом Вар вскрыл банку и вернул ее Соли.

— А ты сообразительный, — похвалила она. Похвалила за ерунду, почти ни за что, но он почему-то был польщен.

Вскоре она приготовила ужин и накрыла на стол. Не отличавшийся особой притязательностью в еде Вар нашел ее стряпню, в общем-то, даже съедобной. Недоваренные макароны и пригоревшее волокнистое мясо он запил томатным соком прямо из банки, а твердую, как камень, глыбу мороженого раскрошил на кусочки кинжалом.

— Вкусно, — сказал он, вспомнив наставления императора о пользе всякой похвалы.

— Не иронизируй!

Вар не знал, что значит «иронизировать», и промолчал. И почему люди так часто злятся без всяких причин?

После ужина Соли помылась в душе и выдвинула из стены кровать.

— Не включай телевизор, — велела она. — В нем полно «жучков».

Хотя Вар и не собирался делать ничего подобного, но все же спросил:

— Каких жучков? Древесных?

— Телевизоры устроены так, что не только показывают, но и посылают изображение под Гору. Не хотелось бы, чтобы подземные узнали, где мы.

Вар вспомнил переговоры императора с вождем подземных и вроде бы понял, что к чему. Выходит, телевизоры на стоянках все же имеют смысл. Он тоже выдвинул кровать и завалился на нее.

Немного полежав, он повернулся на бок, взглянул на телевизор и спросил:

— Почему по нему показывают только всякую ерунду?

— Такими уж были древние, — ответила Соли. — Они совершали глупости и записывали их на ленты, а мы эти ленты только прокручиваем. Джим говорил, что все действия древних имеют смысл, но у нас нет звуковоспроизводящей системы, и мы никак не разберемся, что и зачем они делали.

— Мы?

— Подземные. Жители Геликона. Мы не знаем, как изготавливать телевизоры, но при необходимости можем их ремонтировать. Во всяком случае, пока не кончатся запчасти. Чокнутые, которые поставляют вам разные вещи, знают об электричестве гораздо больше нашего, у них есть даже компьютеры. Но нам не до излишеств, мы много работаем.

Вар заинтересовался.

— А что вы делаете?

— Все, что необходимо человеку. Это ведь мы изготавливаем оружие и стоянки для вас, а чокнутые по большей части лишь собирают стоянки на местах и периодически наполняют их едой и предметами первой необходимости. А вот все здравомыслящие — бездельники, не делают ничего полезного.

Вар не очень хорошо ее понял. О жителях подземелья он узнал всего лишь несколько месяцев назад, а чокнутых вообще в глаза не видел.

— А почему император вознамерился захватить Гору?

— Боб говорит, что ваш император — перебежчик. Его послали положить конец империи, а он вместо этого напал на Гору. Боб, похоже, в самом деле сумасшедший.

— Император говорил, что Гора — это зло. Что империя не станет действительно великой, пока не будет захвачена Гора. А еще сказал, что, убив меня, сожжет подземелье.

— Может, и этот тоже сошел с ума, — прошептала Соли.

Вару и самому хотелось бы это знать.

— Я боюсь, — сказала Соли немного погодя. — Боб говорил, что если здравомыслящие создадут свою империю, а затем подчинят себе весь континент, то не миновать еще одного Взрыва, и тогда уже никто не уцелеет.

Вар, не сумев уследить за ходом ее мысли, спросил:

— А кто построил Гору?

— Джим говорил, что Гору возвела цивилизация, возникшая сразу после Взрыва. Тогда все кругом было заражено радиацией, люди умирали тысячами. С помощью своих огромных машин уцелевшие выкопали огромную яму, построили на ее дне город, подвели к нему электричество, поселили там самых лучших ученых и, по сути, закопали их вместе с городом. Через годы, а может, десятилетия у ученых кончились пища и необходимые вещи, но уйти оттуда никто не мог. Меж тем наверху умерли не все, и самые умные из выживших тоже худо-бедно возродили цивилизацию. Их стали называть «чокнутыми», и с ними, чтобы выжить, стали торговать подземные. Все остальные — глупые, агрессивные — только кочевали с места на место да дрались между собой. Их почему-то зовут здравомыслящими. Постепенно люди под Геликоном состарились, немало людей умерло, отчего и были утеряны многие знания. Подземным требовалось пополне-

ние, однако они хотели сохранить оставшиеся знания в секрете и поэтому стали принимать к себе под Гору людей снаружи, но не всех подряд, а лишь тех, кто приходил туда умирать.

— Сомневаюсь, что император собирается устроить новый Взрыв, — заявил Вар, но затем, вспомнив необъяснимый гнев своего наставника и его угрозу уничтожить всех под Горой, основательно призадумался.

Соли промолчала. Вскоре они оба уснули.

* * *

В двадцати милях к востоку от стоянки Безымянный, известный также под именем Сос, без устали вышагивал по своему шатру вне себя от гнева. Погиб его ребенок — девочка по имени Соли. Когда-то их насильно разлучили, но, несомненно, она была его дочерью, что называется, плоть от плоти. Хирурги подземелья, превращая императора в самого сильного человека в мире, внедрили ему под кожу металл и пластик, впрыснули в тело гормоны, и с тех пор он стал бесплодным. А Соли, официально считавшаяся дочерью Сола, была его первым и единственным ребенком. За шесть лет разлуки она не стала для него менее дорогой. Он так мечтал вновь соединиться с дочерью... И со своим истинным другом — Солом, а также со страстно любимой Сосой. Тогда бы они все вчетвером...

Но надежды пошли прахом. Проклятый Вар убил Соли!

Вар непременно умрет от его руки, а затем он разрушит до основания Геликон. Безымянный в нетерпении ждал рассвета. С первыми лучами солнца он пустится в погоню, а осаду Геликона до своего возвращения поручит Тилу. Не лишенный тщеславия Тил наверняка обрадуется новому назначению.

Глава 13

Месяц спустя они оказались далеко за пределами империи, но останавливаться Вар не осмеливался, прекрасно уяснив из своей первой встречи с Безымянным, что тот хоть и медлителен, но непреклонен, как сама судьба. Воины из местных племен добровольно либо после поражения в кругу расскажут императору о проходивших мимо беглецах, поэтому от него не скрыться, и иного выхода, кроме непрерывного бегства, просто не существует.

Поначалу Соли не желала, чтобы ее узнали — ведь она считалась мертвой — пряталась от каждого встречного, но затем они догадались переодеть девочку в мужскую одежду и дальше двигались открыто: безобразный мужчина и неприметный паренек. У обоих за поясами торчали палицы, и вызвать их в круг редко кто отваживался.

К концу третьего месяца пути дорогу преградила радиоактивная пустыня столь гигантских размеров, что они сначала были вынуждены повернуть назад и лишь через два дня смогли направиться на запад, а там, опасаясь императора, углубились в леса.

Найти пропитание в лесу удавалось далеко не всегда, тем более что расставлять силки и терпеливо подкарауливать добычу у них попросту не было времени. Соли, сменив мужской наряд на женский, ходила за пищей на стоянки, а Вар укрывался в чащобе. Однажды девочка сообщила, что два или три дня назад здесь, оказывается, видели седовласого великана — без сомнения, Безоружного. Император расспрашивал местных, весьма подробно описывая внешность Вара, но о существовании спутницы паличника то ли не знал, то ли она его не интересовала.

Так значит, император все-таки преследует его! Вару вновь стало страшно. До последней минуты он надеялся, что необъяснимый гнев его наставника и единственного друга со временем угаснет сам собой. Увы! Теперь сомнений не оставалось, император не простил Вара и, пока жив, будет преследовать его по пятам.

Они свернули на север, стараясь двигаться как можно быстрее. Но слух о беглецах намного опережал их самих. Однажды они повстречали незнакомца, и тот, смерив Вара презрительным взглядом, вскричал:

— А-а-а, это ты! Тот самый, с пятнистой кожей, за которым погоня!

Вар сошелся с наглецом в кругу и быстро его проучил. Воинам в этих местах не хватало регулярных тренировок и дисциплины.

Через два месяца они покинули владения чокнутых. Стоянок больше не попадалось, дороги, проложенные тракторами чокнутых, исчезли без следа. Вскоре к тому же пошел снег, наступила ранняя приполярная зима.

Они неустрашимо шагали вперед. Повсюду, куда ни посмотри, виднелись лишь редкие карликовые деревья; под снежным ковром таились коварные камни и ямы. К полудню снегопад прекратился, но ближе к вечеру небо вновь заволокло тучами, затем повалил густой снег. Соли примолкла и помрачнела. До сих пор она видела снег только на экране монитора и, естественно, понятия не имела о том, насколько он холодный и мокрый.

В сгущающихся сумерках Вар вырыл яму, расстелил поверх промерзшей земли простыню, а над ней поставил палатку, предусмотрительно прихваченную ими с последней стоянки. Затем завалил шатер снегом, оставил лишь отверстие для дыхания да лаз у входа. Забравшись вместе с Соли в шатер, он снял с девочки сапоги, тщательно растер ей ноги. Соли больше не плакала: впрочем, Вар предпочел бы слезы этому невидящему взгляду.

Поев, они легли спать. Вар крепко обнял Соли, прижал к себе и всю ночь согревал своим телом.

Утром Соли никак не желала просыпаться. Вар осмотрел ее тело и обнаружил у коленки, чуть выше голенища сапога, голубую отметину. Очевидно, девочку ужалило ядовитое насекомое, вроде мотылька, обитающего в Гиблых Землях. Должно быть, на ночь они расположились рядом с радиоактивной зоной — достаточно далеко, чтобы этого не почувствовала его кожа. Если бы не вчерашний снегопад, Вар узнал бы радиоактивную пустыню по виду. Вероятно, ночью ядовитое насекомое заползло в теплый спальный мешок, а затем, потревоженное, ужалило Соли. И та впала в кому.

Были ли в здешних местах целебные травы, Вар не знал, но прекрасно понимал, что искать их сейчас под толстым слоем снега бессмысленно. Соли маленькая, совсем еще ребенок, и если насекомое выпустило много яда, то она будет спать, пока не умрет, если же доза невелика, то оправится — оказавшись, конечно, в теплом, сухом помещении.

Буран кончился, но в любую минуту мог начаться снова. А ночью станет по-настоящему холодно. Оставаться здесь — верная смерть. Необходимо отнести Соли на теплую стоянку.

Вар наскоро покидал вещи в заплечный мешок, завернул Соли в кусок брезента, что служил верхом палатки, и, взвалив девочку на правое плечо, а мешок с вещами — на левое, побрел назад. Снегу было по колено; иногда Вар по пояс проваливался в ямы, но не останавливался. Вскоре руки от холода потеряли чувствительность, а ноги болезненно заныли.

Где-то через час он провалился в глубокую впади-

ну и уронил Соли наземь, а когда поднялся и подхватил девочку, едва не упал от острой боли в правой ноге. Похоже, то ли вывихнул коленный сустав, то ли растянул связки. Превозмогая боль, Вар зашагал дальше, но вскорѐ, не выдержав, остановился, снял сапог, растер распухшее колено снегом и продолжал путь босиком.

Дороги не было и в помине: солнце висело над самым горизонтом, его свет отражался от кристально чистого снега, слепил глаза и не давал сориентироваться. Не обладай Вар врожденным чувством направления, он непременно сбился бы с пути.

Незадолго до захода солнца он выбрался на заледеневшую, местами занесенную снегом дорогу, а вскоре, достигнув теплой стоянки, — последней из тех, что они миновали на своем пути, — уложил Соли на кровать и заботливо укрыл одеялами.

Дышала Соли прерывисто, но ни жара, ни лихорадки у нее, к счастью, не было. В Варе затеплилась надежда. Возможно, она все-таки выживет.

Он сел на кровать у ног девочки и осмотрел свое колено. Ничего серьезного, обычное растяжение, а болит потому, что он проделал длинный путь, да еще с такой ношей. Но теперь, отдохнув...

Его чуткий слух уловил снаружи какие-то звуки, и он насторожился.

Шаги! Легкие, быстрые, решительные. По проложенной чокнутыми дороге с юга приближался путник, который собирался, очевидно, провести ночь на стоянке.

Но пустить его внутрь Вар никак не мог. Во всяком случае, пока не выздоровеет Соли. Последнее время они с ней никого не встречали, но их местопребывание обязательно раскроется, если ктонибудь увидит ее сейчас. Ведь потеряно целых два дня пути, и император наверняка очень близко — возможно, всего лишь в считанных часах пути.

В запасе меньше получаса — восстаиовить за столь короткий срок силы попросту невозможно. Вар поспешно разорвал простыню на длинные полосы, туго перебинтовал больную ногу, закутался в тяжелую меховую доху, набросил на голову капюшон, который закрывал лицо, и, прихватив палицы, вышел навстречу незваному гостю.

Хотя солнце уже наполовину скрылось за горизонтом, его лучи, отражаясь от белого снега, слепили глаза, отчего пришельца Вар заметил не сразу.

Незнакомец был среднего роста, хорошо сложен, одет в парку, за спиной — здоровенный рюкзак. Черты лица нежные, чуть ли не женственные, кожа — гладкая, движения — размеренные, скупые. Он выглядел вполне безобидно. Отказывать такому человеку в ночлеге не хотелось, но иного Вару не оставалось, и он решительно загородил незнакомцу дорогу.

Тот остановился и вопросительно посмотрел на Вара.

— Моя сестра больна, — сказал Вар. — Ей надо побыть одной.

Путешественник, не проронив ни слова, попытался обойти Вара.

Вар вновь загородил ему дорогу.

— Сестра... больна. Ей нужен покой, — медленно произнес он.

По-прежнему молча незнакомец вновь попытался пройти мимо. Вар выхватил из-за пояса палицу. Незнакомец закинул правую руку за плечо и вытащил свою. Так, значит, их спор будет решен в кругу.

Вару ужасно не хотелось драться с этим человеком. Они с Соли не раз сражались вместе за право войти в любое время в приглянувшуюся им стоянку. Несомненно, этот путешественник имеет точно такое же право. Вар был не в лучшей форме для боя — распухшее колено ужасно болело, все тело после тяжелого дневного перехода ныло, но риск оказаться разоблаченным был непомерно велик. Ничего не поделаешь, придется драться. А незнакомец переживет, проведет ночь где-нибудь еще.

Если чужак обращается с оружием, как все местные, Вар с легкостью победит его, несмотря на усталость. Особенно палицами против палиц.

Незнакомец скинул с себя рюкзак и парку, утоптал площадку и замер в боевой стойке. По его позе внезапно стало ясно, что он профессиональный боец.

Хотя тяжелый мех и затруднял движения, Вар, боясь открыть пятнистую кожу, вошел в круг одетым.

Они сошлись. Худшие предположения Вара подтвердились почти сразу — противник оказался Мастером палиц. Его выпады были молниеносны, удары точны, а двигался он, несмотря на мороз, с завидным проворством.

Понимая, что вырвать победу у незнакомца можно только за счет быстроты и напора, Вар пошел в яростную атаку. Он был немного выше и тяжелей противника, а отчаяние придало ему сил и даже умения. В действительности, дрался он сейчас лучше, чем когда-либо в жизни. Из-за спины словно доносился спокойный голос Тила, который подсказывал, как в тот или иной момент обороняться и нападать.

Но незнакомец, похоже, предугадывал каждое движение Вара и безошибочно отражал все удары. Он, несомненно, был лучшим паличником, когдалибо выходившим в круг!

Неожиданно незнакомец на удивление легко преодолел защиту Вара и нанес ему удар палицей в лоб. Вар вылетел за границу круга. Он потерпел сокрушительное поражение.

Незнакомец, встав рядом, с любопытством оглядел Вара.

— Чужак! — вскричал Вар. — Я ни разу не встречал такого бойца, как ты. Прости меня. — Поняв, что произносит фразы быстро и невнятно, он заговорил медленнее: — Прошу тебя, не пускай никого сегодня ночью на стоянку! Охраняй... сестру. Дай ей время...

Незнакомец равнодушно взирал на него сверху вниз. Неужели не понял?

— Ее ужалило насекомое из Гиблых Земель... Она умрет, если ее потревожат...

Во время схватки наспех намотанные полосы от простыни развязались. Незнакомец, наклонившись, пристально оглядел распухшее колено Вара и кивнул. Он, конечно, выиграл бы в любом случае, но, обнаружив, что победил хромого, не скрывал досады. Не торопясь оделся, вскинул на плечи рюкзак и зашагал по дороге туда, откуда пришел.

Он оставил стоянку за Варом! Вар с трудом поднялся и, то и дело оглядываясь, направился к стоянке. Наконец незнакомец скрылся из виду, и Вар захлопнул дверь.

Кто этот молчаливый воин? Где научился так искусно обращаться с палицами? Вар отдавал себе отчет, что его недавнего соперника не одолеет ни один паличник империи.

Соли шевельнулась, и Вар, забыв обо всем на свете, бросился к ней.

— Вар... Вар... — едва слышно прошептала она и вновь потеряла сознание.

Пускай на какой-то миг, но девочка все же очнулась! Ей бы только провести спокойно ночь, и она непременно выздоровеет.

Больше их не потревожили. Вар напряженно

вслушивался в каждый звук в ночи, но шагов снаружи слышно не было, никто на стоянку не приходил.

К утру Соли полностью оправилась.

— Что случилось? — спросила она первым делом.

— Тебя ужалил мотылек с Гиблых Земель, — объяснил Вар. — Ты согрела его теплом своего тела, он проснулся и ужалил. Я принес тебя на стоянку.

— Откуда у тебя раны на лбу?

— Я дрался с воином, который хотел сюда войти. — В подробности он вдаваться не стал, да Соли и не расспрашивала.

Вар объяснил, что потеряно много времени. Они взяли со стоянки две простыни, зачехленную палатку, другие необходимые вещи и продукты и пустились в путь. Соли пошатывалась от слабости, но старалась не отставать. По-видимому, она не замечала хромоты Вара.

Покидая стоянку, Вар обернулся и посмотрел на дорогу.

Кем был тот молчаливый мастер-паличник? Пересекутся ли когда-нибудь снова их пути-дороги? Как знать, как знать...

Глава 14

Двигаясь на северо-запад, к весне, Соли с Варом оказались далеко за границами земель чокнутых. Обычаи здесь были совершенно иные: в кругу местные не сражались, и мужчины, и женщины для охоты и выяснения отношений пользовались винтовками, пистолетами и луками. Жили они в примитивных, без электричества сооружениях, напоминающих стоянки, обогревали дома дровами, а освещали коптящими масляными лампами. Местный говор хоть и был понятен, но неприятно резал слух. Дружелюбием люди не отличались, но на чужестранцев никто не нападал.

Поначалу император отставал почти на месяц, затем почти нагнал их и дышал, что называется, в затылок, постоянно вынуждая Соли и Вара двигаться быстрее. По слухам, теперь с Безымянным шел молчаливый воин, видимо, тот самый, с которым когда-то дрался за стоянку Вар.

Сразились ли эти двое между собой, и император подчинил чужака своей воле? Или они добровольно объединили силы, чтобы вместе встречать возможные опасности?

Наступило лето. Погоня продолжалась. Соли выросла, стала высокой, стройной и сильной. Она научилась у Вара делать силки на мелких животных и расставлять их в лесу, освежевывать и потрошить добычу, добывать огонь трением и весьма сносно готовить на костре пищу. По примеру Вара она нередко и с удовольствием спала на деревьях. Ее прекрасные темные волосы отросли до плеч, и она стала очень похожа на свою мать.

В свою очередь Соли обучила Вара приемам боя без оружия, которые узнала от Сосы; впрочем, оба понимали, что если император их все же догонит, то Вару уже не помогут никакие приемы.

— Будем бежать столько, сколько сможем, — сказала она. — Когда-то давно, когда я была еще маленькой, Безоружный победил в кругу даже Сола, а Сол считался лучшим воином империи.

Вару в который уже раз подумалось, не был ли тот мастер-паличник, сопровождающий сейчас императора, отцом Соли — Солом, но свои мысли он оставил при себе.

— Именно Безоружный ранил моего отца в горло, и после этого отец навсегда лишился способности говорить, — продолжала она. — А ты еще утверждаешь, что они друзья!

— Сол не может говорить? — Вар напрягся всем телом.

— Да. Правда, подземный хирург предлагал ему операцию, но Сол наотрез отказался. Соса как-то заметила, что он считает себя обязанным носить свою рану, словно крест, до гробовой доски.

Теперь Вар почти уже не сомневался, что тот мастер-паличник — Сол.

— А что бы сделал твой отец, если бы узнал, что ты мертва?

— Не знаю. Никогда прежде об этом не думала. Мне его очень не хватает... Вряд ли Боб признался ему, что послал меня на поединок со здравомыслящим: скорее всего, соврал, сказал, что я не вернулась из исследовательской экспедиции. Боб очень редко говорит правду.

— Но если бы Сол все же дознался...

— Он бы прикончил на месте Боба, а потом... — Глаза девочки округлились от изумления. — Вар, я никогда раньше об этом не думала! Он, наверное, перевернул бы вверх тормашками весь подземный мир!

— Я встречал его, — неожиданно для себя признался Вар. — Когда ты была больна. Мы тогда друг друга не узнали. А сейчас он гонится за нами вместе с императором.

— Сол и Безымянный преследуют нас вдвоем? Но это же великолепно, Вар! Они снова вместе! Должно быть, они действительно были друзьями.

Вар рассказал ей о том, как дрался с Солом, пытаясь не пустить того на стоянку.

— Я не знал тогда, кто он такой, и не позволил ему взглянуть на тебя, — закончил он.

Соли чмокнула его в щеку, как часто делают женщины.

— Ты в самом деле не ведал, что творишь. И сражался за меня! Спасибо тебе, Вар.

— Теперь ты знаешь, что отец от тебя лишь в нескольких днях пути, и можешь пойти к нему. Или даже остаться здесь, а он сам тебя нагонит.

— Мне бы хотелось этого больше всего на свете, но... Что же будет с тобой, Вар?

— Император поклялся убить меня. Мне придется и дальше спасаться бегством.

— Если Сол путешествует вместе с Безоружным, значит, у них одна цель. Должно быть, оба намерены расправиться с тобой.

Вар угрюмо кивнул.

— Я очень люблю отца, — проговорила Соли, — но не позволю ему убить тебя, Вар. Ты — мой друг. Ты дважды спас меня от верной смерти.

Вар и не подозревал, что его так высоко ценят.

— Ты мне помогала, — пробормотал он.

— Если не возражаешь, я пойду вместе с тобой. Со временем, возможно, я отыщу способ поговорить с отцом, и он тогда заставит Безоружного прекратить погоню.

Вар не очень-то понял, что именно побудило Солу остаться с ним, но был несказанно рад остаться попрежнему вдвоем.

Вскоре путь преградил океан. Преследователи были близко. Недружелюбные местные жители, криво усмехаясь, сообщили, что они в ловушке: к западу и югу тянется безбрежный океан, с севера — вечные снега, а с востока приближаются два жаждущих крови воина.

— Для вас нет спасения, — заявил один неопрятный коротышка. — Кроме, может быть, туннеля.

— Туннеля? — Вару вспомнилось, как он искал подземный проход к Горе. — А там сильная радиация?

— Кто знает? Оттуда пока никто не возвращался.

— А куда он ведет? — спросила Соли.

— Может, даже в Китай.

— В Китае есть свой Геликон, — проговорила Соли, обращаясь к Вару. — Правда, называется он иначе, но не в названии же дело. Иногда мы обменивались с китайцами сообщениями по радио.

— Но мы же враги подземных! Мы штурмовали Гору!

— Гору штурмовал Безымянный, но не Сол и не мы. Китайцы, возможно, помогут нам... По крайней мере, с их помощью я, наверное, смогу поговорить с Солом. Если мы, конечно, их найдем. Я не знаю, где этот Китай.

В Китай Вару не хотелось, но другого пути избежать встречи с императором он не видел.

Вход в туннель был настолько высоким и широким, что туда мог свободно въехать самый большой трактор чокнутых. Пол устилала засохшая грязь, но металлических брусьев на дне не было.

Соли зажгла одну из двух масляных ламп, которые они прихватили с собой, и вошла в туннель. Вар последовал за ней.

Действительно ли эта труба пересекает океан? И почему никто из вошедших в нее назад не вернулся? Если из-за губительной радиации, то ее присутствие он скоро почувствует. Но, кроме радиации, туннель мог таить в себе и другие, не менее страшные опасности. Например, в нем могли обитать животные-мутанты — от крошечных ядовитых мотыльков до гигантских амфибий, а может, кое-что и похуже.

Поначалу стены туннеля были голыми, затем поверх металла и бетона пошла облицовка из блестящих, гладких керамических плиток. Вар сообразил, что ближайшие к входу керамические плитки растащили для своих целей местные жители, вглубь они забираться не решались. Грязь на полу вскоре исчезла, и Вар с Соли зашагали по шершавой серой поверхности.

Как далеко заведет их туннель?

Прошло около часа, и Вар спросил у Соли:

— А какой ширины океан?

— Однажды Джим показывал карту и сказал, что ширина Тихого океана приблизительно десять тысяч миль.

— Десять тысяч миль! Нам не пройти столько и за год!

— Нет, — возразила Соли. — Подсчитай сам, Вар. Если мы будем идти со скоростью четыре мили в час по двенадцать часов в день, то за день одолеем почти пятьдесят миль.

— А за двадцать дней — тысячу миль, — сказал он после минуты утомительных подсчетов. — Тогда, чтобы осилить десять тысяч миль, нам понадобится шесть с лишним месяцев. Еды у нас всего на неделю.

Она засмеялась.

— Уверена, что туннель через каждые несколько сотен миль выходит на поверхность маленького островка, и нам не придется преодолевать десять тысяч миль разом!

Вар надеялся, что она права.

Минул еще час. Соли помахивала масляной лампой, по стенам метались причудливые тени. Внезапно Вар понял, отчего ему так не по себе. В туннелях близ Геликона была какая-никакая, но жизнь, а здесь ее не ощущалось вовсе. Вар знал, что животные проникают всюду, куда только смогут, и, не будь на то веской причины, наверняка обосновались бы и в туннеле под океаном. Так почему же их тут нет?

Ненадолго остановившись, они поели и попили, а затем продолжили путь. Дважды туннель раздваивался, и всякий раз они выбирали левое ответвление.

Вдруг позади послышался быстро нарастающий шум. Вар и Соли как по команде обернулись. Их нагонял монстр. Он гремел и шипел, плевался водой и изрыгал пар, освещая дорогу единственным глазом во лбу.

Перепуганный Вар на мгновение застыл, затем инстинкты взяли свое, и он без оглядки кинулся бежать.

— Стой! — закричала Соли, но он и не подумал подчиниться.

Она бросилась за ним, догнала, схватила за руку, и оба упали на пол.

— Это всего лишь машина! — крикнула девочка. — Она устроена так, что не может причинить людям вреда!

Машина стремительно приближалась, оглушительно лязгая гусеницами. По туннелю, отражаясь от стен, гуляло эхо.

— Вставай! — закричала Соли. — Покажем машине, что перед ней люди!

Вар тупо подчинился. Соли, не выпуская его руки, встала рядом, лицом к машине, замахала свободной рукой.

— Остановись! — Машина никак не прореагировала. В ужасающем грохоте Вар едва разобрал, что кричит Соли. — Должно быть, повреждены опознавательные рецепторы.

Теперь Вару стало совершенно ясно, почему туннель необитаем. Жидкость, которую разбрызгивал механизм, скорее всего, не только горячая, но и химически активная, как и та, которую чокнутые используют на своих дорогах и которая уничтожает органику. А человеческое тело и есть органика.

Монстр уже заполнил собой весь туннель: он брызгал ядовитой жидкостью на стены и на потолок, сгребал под себя щетками грязь. Бежать было некуда, спрятаться тоже. Оставалось лишь драться за свою жизнь.

Машина придвинулась вплотную.

Вар подхватил Соли и прыгнул. Ударился грудью обо что-то твердое, вытянул правую руку, нащупал металлический прут и схватился за него изо всех сил. Потом нашарил ногой узенькую подножку.

Соли не подавала признаков жизни. Вар осторожно перевернул девочку, приложил ухо к ее рту. Дышит! Крови, как будто, не видно. Видимо, просто здорово ушиблась и потеряла сознание.

Машину временами трясло так неистово, что Вар невольно клацал зубами. Вскоре у него затекли мышцы, но изменить положение он не решался. Путешествие на такой скорости вряд ли продлится долго. Скоро машина достигнет конца туннеля. Как только она остановится, Вар спрыгнет и убежит, и они с Соли окажутся первыми людьми, которым удалось избежать в этом туннеле верной смерти.

Незаметно для себя Вар задремал. Проснулся он от яркого света. Машина выехала на открытое пространство и остановилась. Соли по-прежнему была без сознания.

Вокруг машины стояли люди — мужчины в мешковатых комбинезонах со странными инструментами в руках, рослые вооруженные женщины в кожаных доспехах. Они с удивлением разглядывали Вара и Соли.

— Поглядите-ка! — вскричала женщина в металлическом шлеме, который придавал ей сходство с птицей. — Живые чужаки! Бородач и ребенок!

Вар промолчал, чувствуя, что попал в переделку. Эти женщины совсем не походили на тех, которых он видел прежде, и в их любопытстве явственно сквозило недружелюбие.

Соли не шевелилась.

— А может, он даже способен делать детей? —

предположила другая женщина. В ее манере держаться было что-то отталкивающее, и Вар правой рукой выхватил из-за пояса палицу.

В руках женщин сразу же появились луки. Вар понял, что против десятка стрел с металлическими наконечниками (да еще и бесчувственной Соли на руках) он совершенно беззащитен, и медленно опустил свое оружие.

Мужчины меж тем забрались на машину и принялись возиться с ней точно так же, как чокнутые со своими тракторами. Теперь стало понятно, почему машина исправно работает, хотя ее создатели давным-давно мертвы.

— Слезайте! — закричала особенно неприятная на вид женщина с копьем в одной руке и щитом в другой. Она, похоже, командовала остальными.

Вар неохотно подчинился.

— Девочка больна! — крикнул кто-то. — Убейте ее!

Вар, поддерживая одной рукой тело Соли, вцепился в мелкие колечки на голове командирши, притянул ее к себе, оскалил зубы и угрожающе зарычал.

— Стреляйте в него! Стреляйте! — вскричала пленница Вара.

Но остальные воительницы застыли в нерешительности.

— Должно быть, он настоящий мужчина, — предположила одна.

— Если мы его убьем, Царица рассердится.

— Если моя подруга умрет, я перегрызу вашей товарке горло! — взревел Вар. Угроза прозвучала вполне убедительно.

Вперед вышла воительница повыше ростом.

— Отпусти нашу повелительницу, и мы постараемся вылечить ребенка.

Вар отпустил пленницу. Та с запинкой пробормотала:

— Доставим их к Царице.

Женщины попытались забрать у Вара Соли, но Вар не позволил.

— Она останется со мной. Если собираетесь убить кого-либо из нас, то начинайте с меня, а иначе я убью любого, кто причинит ей вред.

Какое-то время спустя выяснилось, что судьба занесла их на крошечный островок — ремонтную площадку для уборочной машины, которая стояла у темного входа в туннель. С ней возились механики. Здесь, казалось, мужчины выполняли роль чокнутых, а женщины — здравомыслящих воинов. Непривычно, конечно, но таков, по-видимому, местный образ жизни.

За машиной виднелся безбрежный океан: вверху тянулся мост из металла и камня, к которому вела дорожка. У одной из опор моста качалась на волнах лодка. Вар и Соли уже видели такие плавучие средства передвижения и разобрались в их назначении, но ни разу прежде ни к одной из них не приближались. Лодка была изготовлена из металла. Интересно, подумалось Вару, почему она не тонет? Ведь всем же известно, что металл тяжелее воды.

Очевидно, Царица жила на соседнем острове. Путешествовать по воде Вару ужасно не хотелось, но его подталкивали в спину, и он, сообразив, что при малейшем сопротивлении будет убит, смирился и, старательно скрывая страх, ступил на борт лодки. Та сначала опасно накренилась, закачалась, но даже не зачерпнула бортом воду. Одна из женщин отвязала веревку, которой лодка была привязана к металлическому штырю, торчавшему из опоры моста, другая завела мотор. Лодка легко приподняла нос и устремилась вперед, набирая с каждой секундой скорость.

Вару было в диковинку, что кто-то, кроме чокнутых или подземных, способен управляться с моторами. От постоянной качки ему сделалось нехорошо, но, зная, что признаки слабости с его стороны наверняка повредят и ему, и Соли, виду он не подал.

Скорей бы Соли приходила в себя! Без нее Вару было ужасно тоскливо.

Лодка отошла на значительное расстояние от опоры, а затем двинулась вдоль моста. По мосту наверняка проходила дорога: интересно, почему амазонки не воспользовались ею, а выбрали опасный путь по воде?

Вскоре лодка повернула к мосту, и глазам Вара предстала диковинная конструкция, на сооружение которой пошли доски, веревки, пластмасса, металл и много чего еще.

Амазонка заглушила мотор, лодка замерла на водной глади всего лишь футах в пяти под конструкцией, которая сильно смахивала на гигантское осиное гнездо. Сверху сбросили веревочную лестницу, и женщины из лодки одна за другой полезли вверх.

Вар подхватил Соли и взялся за нижнюю перекладину лестницы. Уж больно она хлипкая... Ну да ладно, если оборвется, он упадет в море и как-нибудь доплывет до лодки. Вару вовсе не хотелось залезать в гигантский улей, он не доверял вооруженным женщинам, но выбора у него не было. К счастью, веревка выдержала. Оказалось, что лестница привязана к металлической крестовине. Вар миновал крестовину и выбрался на крошечную круглую площадку, с которой уводила вверх другая лесенка. Вар продолжил подъем и очутился на площадке побольше, с той взобрался на следующую. Каждая площадка была больше предыдущей, а стены улья, который имел форму опрокинутого конуса, отодвигались все дальше.

Наконец он очутился в просторном помещении, посреди которого восседала на плетеном троне Царица — женщина уже не первой молодости, обрюзгшая, безобразная, увешанная драгоценностями. Единственное ее облачение составляла вязаная накидка с высоким воротником, которая оставляла открытыми невообразимо огромные, отвисшие груди, раздутый живот и жирные бедра. Как и недавно, на борту лодки, к горлу подступила тошнота, и Вар поспешно отвел глаза.

— Бородатый чужестранец! Любуйся нашей Царицей!

Вар подчинился. Царица напомнила ему древнего идола, которого он как-то видел в руках императора. Безымянный тогда объяснил, что в некоторых племенах до Взрыва такая внешность считалась идеалом красоты, но у Вара женские прелести чрезмерных размеров вызывали лишь отвращение.

— Разденьте его, — велела Царица.

Вар не стал сопротивляться, только сказал:

— Вы обещали позаботиться о моей подруге.

Королева повелительно взмахнула рукой, отчего жировые складки на ее теле задрожали и заколыхались. Откуда-то выскочила безоружная женщина, которая перенесла Соли на плетеную кушетку и стала осматривать, вооруженные же принялись поспешно стягивать с Вара одежду.

— Это мужчина, — воскликнула Царица, глядя на Вара, словно на диковинное животное.

Занимавшаяся Соли женщина сказала:

— У нее легкая контузия, ничего серьезного. Лишь синяк на шее.

Она набрала в рот воды из кувшина и побрызгала Соли в лицо. Девочка впервые с тех пор, как они оказались на машине, застонала, и ноги Вара внезапно стали ватными. Жива!

— А у него странный вид, — высокомерно заявила Царица, в упор разглядывая Вара. — И кожа в пятнах... Так хотим ли мы этого пегого?

Ответа не последовало. Видимо, вопрос был чисто риторическим.

Через секунду Царица решила:

— Да, мы попробуем его. — Она указала на Вара. — Царица окажет тебе честь.

Подталкиваемый тупыми концами копий в спину Вар неохотно приблизился к трону. Он понимал, что нужно Царице, и восторга не испытывал, но с оружием не поспоришь. Если бы он был один, то не раздумывая вступил бы в бой!

В нескольких шагах от царицы Вар остановился. С близкого расстояния она выглядела еще омерзительней. Жировые складки мелко дрожали, огромные груди ходили ходуном. Да и пахло от нее весьма специфически.

Привстав, Царица ткнула в него пальцем.

— Да, Царица окажет тебе честь... Но потом ты уже не достанешься никакой другой женщине.

Она потянула Вара к себе.

Вар начал действовать: развернулся, выхватил у ближайшей охранницы оружие — огромный тесак — и приставил его к горлу Царицы.

Поняв, что он отсечет Царице голову, прежде чем до него доберутся, стражницы в страхе отпрянули.

— Приведите ее сюда! — вскричал Вар, указывая на Соли. Он надеялся, что в панике стражницы не сообразят использовать девочку как заложницу.

Стражницы натянули луки. Вар провел острием по горлу Царицы, показывая, что даже если в него вопьется разом дюжина стрел, Царица все равно умрет.

К нему подбежала Соли, которая сжимала в каждой руке по палице. Амазонки не додумались ее разоружить!

Внезапно Вар уловил краем глаза какое-то движение: зто Царица попыталась вонзить ему в живот инкрустированный драгоценными камнями стилет. Он отпрыгнул.

— Мы убьем тебя! — тонко взвизгнула Царица.

Вокруг засвистели стрелы. Вару удалось увернуться от всех, кроме одной, которая оцарапала ему бедро. Амазонки подступили ближе.

В ярости Вар размахнулся и одним мощным ударом отсек Царице голову. Воительницы истошно завопили.

Вар схватил Соли за руку и метнулся к двери за троном. Пораженные смертью своей Царицы, амазонки, к счастью, последовали за ними не сразу.

В комнатке, куда попали Вар и Соли, была очередная лестница наверх.

— Лезь! — крикнул Вар. Соли беспрекословно подчинилась.

Вар перехватил поудобней тесак и приготовился отразить атаку. Он задержит погоню; пускай погибнет сам, но спасет Соли.

В дверном проеме появилась фигура в кожаных доспехах, и Вар рубанул тесаком по плетеной двери. Веревки и грубые волокна легко поддались, и дверь упала, загородив проход. Он несколько раз ударил по полу и, как только в нем образовалась приличных размеров дыра, кинулся к лестнице.

— Сюда, Вар!

Он поднял голову и увидел, что Соли уже карабкается по наружной стене улья.

Конечно же, победа будет за ними! Взобравшись наверх, они перерубят веревку, на которой болтается это гнусное осиное гнездо!

Какое-то время спустя они очутились наверху. Неожиданно приоткрылся люк, из которого высунулась чья-то голова. Вар замахнулся тесаком, и люк в мгновение ока захлопнулся.

Канат, на котором висел улей, оказался гораздо толще, чем представлялось снизу, — добрых четыре фута в диаметре, сплетенный, вдобавок, из нейлона, резины и металлической проволоки.

Вар сразу же понял, что перерубить его тесаком и утопить в море улей с воинственными амазонками не удастся.

Они полезли выше. К счастью, подъем был не слишком продолжительным, иначе ослабевшая Соли вряд ли бы его выдержала. Кроме того, Вар опасался, что амазонки вот-вот примутся обстреливать их из луков.

Те и впрямь вскоре появились на крыше улья, но Вар и Соли к тому времени уже взобрались на широкую распорку, к которой крепился канат; достать их здесь стрелы уже не могли. Остается лишь подняться на мост и отправиться по дороге.

Холодный ветер продувал обнаженного Вара насквозь. Ему необходима новая одежда. Да и пригодившемуся в улье тесаку он все же предпочел бы привычные палицы.

Они полезли вверх по стальным балкам. Яростные крики амазонок постепенно стихли, а затем, чему Вар несказанно удивился, перестали звенеть и стрелы. Может, амазонки вознамерились обойти беглецов и выбраться на мост первыми? Нужно поспешить.

Кожу вдруг обожгло. Поначалу Вар решил было, что причиной тому особенно резкий порыв ветра, но затем сообразил, что к чему.

— Назад! — крикнул он Соли, которая и не подозревала об опасности. — Радиация!

Немного спустившись, они отыскали безопасное место в переплетении стальных блоков, своего рода металлическую корзину.

Теперь было ясно, почему амазонки не стали преследовать беглецов. Похоже, мост радиоактивен — если и не на всем протяжении, то, по крайней мере, здесь.

Соли неожиданно положила голову Вару на плечо и разрыдалась. Волю слезам она не давала уже многие месяцы.

Ветер становился все холоднее. Опускалась ночь.

Глава 15

В заплечном мешке Соли нашлись не только продукты, но и одежда, которая подошла Вару, однако все равно ночка выдалась хуже не придумаешь. Балки были узкими и твердыми, непрерывно дул пронизывающий ветер, ныли полученные днем раны, а главное — они отчетливо осознавали безнадежность ситуации, в которой оказались. При таких обстоятельствах не очень-то поспишь.

Вар и Соли легли обнявшись, как когда-то на плато горы Муз, и разговорились.

— Голова болит? — спросил Вар, стараясь отвлечь девочку от мрачных мыслей.

— Болит. Похоже, я здорово приложилась. Как нам удалось выбраться из туннеля?

Вар рассказал.

— Кажется, я помню, как ты тащил меня, — сказала Соли. — Я слышала голоса, ощущала тряску, но все происходило, будто во сне. Затем я проснулась и увидела воду, но что случилось, не поняла и поэтому притворилась, будто по-прежнему без сознания. Я здорово испугалась, когда ты потащил меня в улей. Что же нам делать, Вар?

— Как только рассветет, мы спустимся к воде и поплывем. Возможно, нам удастся обойти очаг радиации.

— Я не умею плавать.

Вар и не подумал, что под Гору она попала совсем еще малышкой, а там не очень-то поплаваешь. Да и за время путешествия, которое длилось уже больше года, случая поплавать как-то не представлялось. Действительно, что же им делать?

— Ты научишь меня плавать, Вар? — спросила Соли смущенно.

— Конечно, научу, — поспешно согласился он.

Ветер постепенно утих, и они наконец заснули.

Наутро с удивлением обнаружив, что амазонок нигде не видно, Вар и Соли с некоторым трудом добрались по поперечной балке до опоры моста, а затем стали спускаться. В океане Вар показал Соли движения пловца и велел держать голову повыше: она быстро усвоила урок, хоть и производила лишние движения, поднимая ногами фонтаны брызг, но плыла вполне сносно — правда, предпочитала держаться поближе к нему.

— Здесь очень глубоко, — объяснила девочка.

Они поплыли вдоль моста на запад. Вскоре Вар почувствовал радиацию, и им пришлось слегка забрать в сторону. Соли, похоже, нервничала, но оба прекрасно понимали, что другие пути для них отрезаны. Через некоторое время Вар лег на спину, а девочка крепко ухватилась за него, и они отдохнули. Соли определенно устала и была на грани срыва.

Вар подумал, что напрасно они не украли у амазонок лодку, но затем решил, что рисковать и впрямь не стоило. Лучшим выходом по-прежнему представлялось миновать радиоактивный участок и снова выбраться на мост.

Продвигались они медленно, неоднократно подплывали к опорам моста и отдыхали. Соли в таких случаях откашливалась, плевалась соленой водой. Ее губы, хотя она провела в воде меньше часа, вскоре посинели, лицо приобрело еще более несчастное выражение. Через какое-то время Вар отважился подняться на опору, но вновь натолкнулся на радиацию, и они поплыли дальше.

При второй попытке, получасом позже, радиации не обнаружилось, и Вар помог Соли взобраться наверх. Пока они перекусывали подмокшим хлебом, солнце быстро согрело и высушило их.

Затем они двинулись по дороге. Запасов пищи у них было маловато, но Вар надеялся поймать рыбу. Кроме того, по пути должны быть и другие острова, где наверняка найдутся фрукты, ягоды или, на худой конец, крысы.

К вечеру дорога вывела на большой остров, несколько миль в поперечнике, на котором росли деревья, обитали морские котики, птицы и даже имелись дома.

Приключения в улье научили их не доверять людям, и они вели себя очень осторожно. По счастью, людей на острове не оказалось.

В пустующих домах нашлись консервы, но беглецы к ним не притронулись, утолили голод ягодами, которых на острове было великое множество; они даже собрали почти полмешка ягод впрок. На ночь друзья расположились в более менее целом доме, предварительно выгнав оттуда всех крыс. Вар предлагал изловить нескольких и зажарить, но Соли наотрез отказалась от такой трапезы.

На рассвете их разбудил рокот мотора. Они тотчас вскочили, подбежали к окну и увидели через пыльное стекло, как к берегу причаливает лодка с амазонками.

Те с оружием наготове обошли весь остров, но в дома, к счастью, не заглянули. Похоже, они бывали здесь нечасто. А иначе к чему столь тщательный осмотр? Затем на берег сошли несколько мужчин. Воительницы отвели их к ягодным кустам, и мужчины послушно принялись собирать ягоды в плетеные корзины, женщины же увлеченно принялись практиковать с оружием.

Часа через два мужчины с полными корзинами вернулись к лодке. Вар и Соли перевели дух.

Вдруг они заметили мужчину и женщину, которые медленно шли по берегу: мужчина чуть впереди, то и дело подгонявшая его женщина — сзади.

— Вот этот подойдет, — сказала женщина, останавливаясь у приглянувшегося ей дома и рывком распахивая дверь. На нее посыпалась штукатурка, и женщина, очутившись в облаке пыли, сначала закашлялась, а потом грязно выругалась. Вар и не подозревал, что женщины умеют так ругаться.

Пара двинулась дальше, миновала дом, дверь которого, как он выяснил накануне вечером, была заперта, и подошли к тому строению, где прятались Вар и Соли. Те быстро покидали в мешок свои пожитки и бросились в заднюю комнату. Дверь распахнулась.

— Отлично, — сказала амазонка. — Этот домишко вроде бы прочный и даже чистый.

В темной задней комнате Вар и Соли, затаив дыхание, припали к щели в стене. Вчера вечером они не преминули убедиться, что в доме есть запасной выход, однако вторая дверь отчаянно скрипела, так что если они попытаются бежать, то непременно попадутся. К тому же по соседним домам разбрелись другие пары. Конечно, Вар и Соли могли убить незваных гостей, но тогда на них вновь начнется охота, и спрятаться будет уже негде. Не оставалось ничего иного, как терпеливо ждать.

— Раздевайся, — велела женщина с тем же высокомерием, с каким приказывала Вару Царица.

Мужчина неохотно разделся, затем с улыбкой разделась женщина, оставив на теле лишь широкий кожаный пояс.

Неожиданно Вар, потеряв равновесие, с грохотом свалился на пыльный пол.

Прежде чем он опомнился, Соли уже оглушила ударами палиц и мужчину, и женщину в соседней комнате. С берега и из соседних домов послышались крики — видимо, там заподозрили что-то неладное. Вар схватил лук и колчан со стрелами, Соли — копье, и они, забрав свои скудные пожитки, выскочили через заднюю дверь наружу.

Им навстречу устремились вооруженные женщины, а мужчины, размахивая руками, бесцельно метались по берегу. Положение казалось безнадежным. Амазонки значительно превосходили беглецов числом, и при дневном свете Вару с Соли их было не одолеть. Да и мужчины, когда опомнятся, наверняка придут на помощь своим подругам.

— Лодка! — с отчаянием в голосе прошептала Соли. — Единственный путь к спасению!

Мгновение спустя они прыгнули в лодку.

— Заводи мотор! — крикнула девочка.

Вар непонимающе уставился на нее.

— Дерни за веревку! — пояснила она.

Вар заметил торчащую из корпуса мотора деревянную ручку и тут же вспомнил, как заводила мотор амазонка. Он схватился за ручку и что было сил рванул на себя. Из мотора вытянулся приблизительно с ярд стального тросика, послышался размеренный рокот. Получилось!

— Я поведу! — закричала Соли, перекрывая шум мотора.

Она ухватилась за руль, расположенный перед лобовым стеклом, повернула какую-то ручку на панели управления. К изумлению Вара, лодка отчалила от берега и направилась в открытое море. Соли знала, как управлять лодкой!

Подбежавшие к кромке воды амазонки принялись метать копья, но лодку уже отделяло от берега двадцать с хвостиком футов, и копья не достигали цели. Тогда воительницы опустились на колени и натянули луки.

Соли повернула другую ручку, мотор послушно прибавил обороты, и лодка рванулась вперед.

В воздух взвились стрелы, которые полетели вдогонку беглецам. Одна из стрел сразу же пробила левую руку Соли.

Амазонки вновь натянули луки. Вар понял, что лодка удаляется недостаточно быстро для того, чтобы им с Соли удалось спастись. Он схватил валявшийся на палубе кожаный щит и прикрыл им спину девочки.

Щит пронзили три стрелы. Еще две попали в Вара — одна в правую руку, другая в живот.

А лодка еще не покинула опасную зону! Вар перехватил щит в левую руку и встал на колени позади Соли.

В щит, пробив кожу, ударило две стрелы, третья впилась Вару в бедро, четвертая, пройдя над головами, вонзилась в нос лодки.

— Вар? — Соли повернулась и вдруг пронзительно закричала.

Вар потерял сознание.

Глава 16

Много раз он приходил в себя и вновь погружался в забытье. В памяти остались боль, покачивание на волнах, присутствие Соли — и почти ничего больше. Девочка извлекла стрелы, но заметного облегчения ему это не принесло. Тело горело огнем, в горле першило, мышцы сводила судорога.

О нем постоянно заботилась Соли. Она перетащила Вара на койку в крошечной каютке и смочила губы водой; стало нестерпимо больно, желудок попытался вывернуться наизнанку, но язык и небо на какое-то время перестали пылать. Много раз девочка обтирала его тело: он, хоть и стеснялся, воспротивиться не мог. Раны кровоточили, Соли промывала их и перебинтовывала, но стоило Вару пошевелиться, как раны открывались вновь.

Катер плыл вдоль моста, казавшегося бесконечно длинным. Однажды Вар почувствовал радиацию и закричал, и Соли отвела лодку подальше в море.

Затем лодка оказалась в доке. Здесь были люди. Не амазонки и не здравомыслящие. Соли куда-то пропала, но вскоре вернулась, плача, поцеловала Вара и вновь ушла.

Затем появился мужчина и зачем-то вонзил ему в предплечье иглу на конце прозрачного цилиндра. Вновь очнулся Вар уже не на лодке, а в незнакомой комнате. Раны болели по-иному — так, как они болят, когда заживают, и он понял, что поправляется. Вот только Соли с ним не было. Приходили какие-то женщины, кормили, обтирали; он много и подолгу спал. Так проходил день за днем.

— Вижу, что ты поправляешься, — произнес заглянувший к Вару незнакомец. Был он стар, лыс и тучен. Наверняка не воин круга.

Вар действительно поправлялся, хотя и был пока слаб. Раны подживали и уже не кровоточили, он ел, уже не испытывая позывов к рвоте. Этот человек не внушал Вару доверия. Где же все-таки Соли?

Должно быть, последний вопрос Вар задал вслух, потому что старик вдруг спросил:

— Девочка?.. Что вас связывает?

— Мы друзья.

— Ты разговариваешь с сильным акцентом. И вижу, что в детстве ты подвергся серьезному облучению. Откуда ты родом?

— Из владений чокнутых, — ответил Вар, вспомнив услышанный когда-то от Соли термин.

Старик нахмурился.

— А это где?

— Некоторые называют эти места Америкой. Там живут чокнутые и здравомыслящие.

— Понятно. Но сейчас ты попал на остров Новый Крит, что находится среди Алеутских островов в Тихом океане. Здесь живут цивилизованные люди, которые придерживаются определенных правил. Девочка поняла это сразу, но тебе, как мне кажется, понадобится какое-то время, чтобы усвоить наши обычаи.

Вару по-прежнему не нравились манеры этого человека. В словах старика не ощущалось того цинизма, который сквозил в речах вожака подземных, но и дружеским его поведение тоже нельзя было назвать.

— Соли? Где она?

— Она в храме, готовится к встрече с нашим божеством. Если хочешь, можешь встретиться с ней.

— Хочу.

Старик подал Вару странную одежду — широченные штаны из не слишком прочной на вид ткани, белую рубашку с длинными рукавами и кожаные башмаки на толстой подошве. Вару страшно не понравились все эти вещи, но старик настаивал, и одеться пришлось.

Они вышли из здания лечебницы (так понял Вар) и оказались в городе. Не мертвом городе в Гиблых Землях, а живом мегаполисе. Освещенные здания, машины на улицах, заполненные людьми тротуары... Вар почувствовал себя более уверенно, увидев, что большинство мужчин одето ничуть не лучше его самого.

Огромное здание храма окружали колоннада и высокая стена. У центральных ворот стояли вооруженные пистолетами стражники.

После нескончаемо долгих переговоров с одетыми в ниспадающие одежды жрецами старик привел Вара в комнату, поделенную пополам рядом вертикальных металлических прутьев, расстояние между которыми составляло не более четырех дюймов.

С другой стороны в комнату вошла Соли. Завидев Вара, она сразу же подбежала к прутьям и просунула между ними руку.

— Ты жив! — воскликнула она. Голос девочки сорвался.

Выглядела она неплохо, но в ее поведении ощущалась некоторая неестественность.

— Да, — отозвался Вар. — Но почему ты здесь, за решеткой?

— Я в храме. — Она секунду помолчала, вглядываясь ему в лицо. — Я согласилась кое-что сделать, и поэтому мне придется остаться здесь. Мы больше с тобой не увидимся.

Он был уверен, что она чего-то недоговаривает, но как заставить ее сказать правду, не знал. Вдобавок, очень мешало присутствие посторонних. Судя по всему, пока он болел, произошло что-то настолько ужасное, что Соли теперь не надеется вновь его увидеть. И не говорит, почему.

— До свидания, Вар.

Попрощаться с ней у него не хватило сил, и он только покрепче сжал ее руку, а затем повернулся и пошел прочь, понимая, что время для схватки еще не наступило. Ему пока слишком мало известно об этом мире.

Возвращаясь в лечебницу, он продумал план действий.

— Как только выпишешься, отправляйся в агентство по найму рабочей силы, и оттуда тебя направят

на обучение, — велел ему старик. — Поначалу тебе, наверное, придется заниматься черновой работой.

— А что если я хочу убраться отсюда?

— Ну покинуть остров ты, конечно, можешь, если купишь лодку, горючее и припасы. Ты в свободном обществе, но чтобы делать покупки, здесь нужны деньги.

— Деньги?

— Раз ты даже не знаешь, что это такое, значит, у тебя их точно нет.

Вар не стал выяснять, что же такое деньги. В свое время, если ему это понадобится, он разберется. Они возвратились в лечебницу.

— Тебя выпишут через пару дней, — сообщил старик.

Вар огляделся, но ничего из вещей, принадлежащих ему или Соли, не заметил. Лишь браслет на запястье — замызганный, исцарапанный. Его не забрали, видимо, только потому, что не знали: он из чистого золота.

Кровать походила на ту, какие Вар видел ребенком в Гиблых Землях. Спинками служили такие же металлические прутья, как на окнах некоторых древних домов или... Или как в том помещении, где он последний раз говорил с Соли. Наверняка, если попробовать, один из этих прутьев можно выдернуть...

— Дам тебе совет. Не ходи в храм. Увидеться с подругой тебе все равно не позволят.

Вар рванул на себя один из прутьев, но тот не поддался.

— Почему?

— Твоя знакомая стала служанкой нашего бога Минотавра. Таких, как она, держат в храме и не позволяют ни с кем встречаться.

Вар дернул за другой прут, и тот вроде бы шевельнулся.

— Но почему?

— Чтобы они, неровен час, не утратили свою привлекательность для бога.

Металлический прут внезапно очутился в руке Вара, и он вплотную подступился к старику.

— Что с ней будет?

Старик, как бы не понимая намерений Вара, посмотрел ему в глаза, затем взглянул на прут в его руке.

— Лучше бы тебе не знать...

— Скажи мне — или умрешь.

Слова Вара не были пустой угрозой. Разумеется, он еще не до конца оправился от ран, но со стариком, как ему представлялось, мог разделаться в два счета.

— Ну что ж, будь по-твоему. Ее принесут в жертву Минотавру.

Вар пошатнулся, внезапно почувствовав слабость. Подтвердились худшие опасения.

— Но почему?

— Ты умирал, а лечение у нас стоит недешево. Девочка сама вызвалась войти в храм, если тебя вылечат. Она симпатичная, бог таких любит, и мы приняли ее предложение. Сегодня мы продемонстрировали ей, что держим свое слово. Теперь дело за ней.

— Она умрет?

— Да.

Вар, выронив металлический прут, уселся на кровать.

— Как?..

— Ее прикуют к скале у входа в лабиринт Минотавра. Если он примет жертву, Новый Крит целый месяц не будет знать печали и бед.

— Когда?..

— Приблизительно через два года. Ведь твоя приятельница пока что ребенок. — Старик оценивающе оглядел Вара. — А иначе, осмелюсь сказать, она бы не выдержала строгих требований к жертве.

Вар перевел дух. Целых два года! За два года он многое успеет и, конечно же, спасет Соли.

— Но помни, здравомыслящий, она дала клятву и не нарушит ее, что бы ты ни предпринял.

И Вар со страхом понял, что старик говорит правду. Соли всегда держала слово. Конечно, случалось, она выдавала себя за мальчика или крала пищу, но обещаний никогда не нарушала.

Старик встал.

— Знаю, что приспособиться к незнакомой культуре для тебя будет тяжело. Но уверен, что если ты будешь беспрекословно подчиняться общепринятым нормам, то со временем привыкнешь и проникнешься мудростью наших обычаев. После обучения твоя жизнь окажется целиком и полностью в твоих руках. Будешь хорошо работать, станешь много и вкусно есть.

Старик ушел.

Вар улегся на кровать. Он намеревался сделать все возможное, чтобы Соли не погибла. Времени на составление планов было предостаточно. Он еще решит, как действовать, а пока станет подчиняться здешним правилам.

* * *

Вар был некрасив, не обучен грамоте, неуклюж, поэтому в технологическом обществе Нового Крита ему нашлась лишь одна работа — мусорщика. Работа была тяжелой и позволяла ему поддерживать себя в хорошей физической форме. Он постоянно возился в грязи, от него дурно пахло. Окружающие сторонились Вара, а он не возражал. Он снял комнату с водопроводом, центральным отоплением и даже электрическим светом; заработанных железных кругляшей — денег — с лихвой хватало на покупку одежды и пищи. Через год Вар узнал, что золотой браслет на его руке здесь означает целое состояние. Раньше он считал, что за браслет можно выручить лишь десяток-другой серебряных кругляшей, но оказалось, что, продав золото, можно было бы полностью оплатить лечение, да еще и купить горючее и продукты в дорогу. Золото, так распространенное во владениях чокнутых, тут весьма ценилось: его использовали при изготовлении каких-то механизмов. Соли наверняка знала истинную цену браслета, но почему-то предпочла добровольно отправиться в храм, а не продать символ мужественности Вара.

Ее поведение было, конечно же, глупостью. Браслеты мужчинам нужны лишь для того, чтобы отдавать их приглянувшимся женщинам. Но у Вара не было женщины, которой можно было бы вручить браслет. Так зачем ему дорогая безделушка?

Днями Вар подчинялся условностям, а по ночам, скинув неудобную одежду, уходил босиком в дикие леса Нового Крита. Размеры острова составляли без малого двадцать миль в длину, но Вар обследовал его вдоль и поперек и отыскал укромные уголки, где постоянно тренировался с оружием. Взамен утерянных палиц он сделал из дерева новую пару и весьма скоро стал обращаться с деревянными палицами не хуже, чем когда-то в кругу с металлическими. Он досконально изучил береговую линию и иногда даже отваживался пройти милю-другую по темному туннелю, что тянулся от острова на запад. Туннель служил свалкой, и люди остерегались забираться в него.

И, конечно же, Вар то и дело наведывался к храму. Территория храма, площадью около двух квадратных миль, была обнесена стеной и охранялась

вооруженными стражниками, но стражники особым рвением не отличались, и пробраться туда Вару не составляло труда. Каждый день служанок бога Минотавра выводили на прогулку во внутренний двор, и Вар всегда видел среди них Соли. О ней неплохо заботились. Раз в месяц, после ночи полнолуния, старшую из служанок отводили в каньон и приковывали к скале, а к вечеру ее там уже не оказывалось. Вар ни разу своими глазами не видел бога Минотавра, поскольку тот почему-то покидал лабиринт не при полной луне, а только днем, когда Вар работал.

Что случилось с лодкой, на которой они сюда приплыли, Вар не знал. Неужели и лодка была недостаточно ценной, чтобы денег от ее продажи не хватило на оплату лечения?

На второй год Вар построил собственную лодку. Лодчонка получилась так себе, не чета той, которую они украли у амазонок, и Вар ни за что не отважился бы выйти на ней в открытое море, но даже утлое суденышко было лучше, чем ничего. Теперь главной задачей Вара стало спасти Соли от Минотавра.

Вар полагал, что если она позволит приковать себя в каньоне, а затем он спасет ее, то клятва нарушена не будет. Тем более что в храме об этом вовек не прознают.

* * *

Наступило утро ежемесячной церемонии после захода полной луны. Большинство девушек в храме сейчас были моложе Соли, а жрецы не держали служанок бога дольше, чем необходимо. Следовательно, пришел черед Соли. Поэтому Вар отправился не на работу, а к храму.

Жрецы отвели заметно подросшую за два года Соли в каньон за храмом, сноровисто приковали ее к скале. Она стояла обнаженная, с развевающимися на ветру густыми темными волосами.

Вару стало не по себе. Соли сейчас очень походила на свою настоящую мать — Солу. Скоро ее груди и бедра совсем округлятся, и...

Но этого никогда не произойдет, если только он не спасет ее.

Жрецы ушли. Вар спрятался среди деревьев у края каньона.

Через полчаса, убедившись, что жрецы не думают возвращаться, Вар вышел из укрытия и спустился в каньон. Соли, заслышав приближающиеся шаги, вскрикнула в страхе, полагая, видимо, что за ней уже явился бог. Затем, увидев его, выдохнула:

— Вар!

Он подошел к ней и взялся обеими руками за вбитый в скалу костыль, конец которого проходил сквозь отверстие в дужке металлического браслета на правом запястье Соли.

— Я пришел за тобой, — сказал он. — Ты что же думала: я позволю, чтобы тебя съели?

Вар рванул на себя костыль, но тот даже не шелохнулся.

— Я... — Из глаз Соли брызнули слезы. — Спасибо, Вар, но с тобой я не пойду. Я дала клятву.

— Хватит ерунду пороть!

До чего же неподатливый костыль! Как бы его половчее выдернуть?

— Нет. Я поклялась стать жертвой.

Вар ухватился за другой костыль, потянул. Этот, вроде бы, слегка поддался.

— Я не могу, — сказала она сквозь слезы.

Вар, не обращая на ее слова внимания, продолжал сражаться с костылем. От палиц не было никакого толку: между скалой и браслетом на запястье Соли их не просунешь. Конечно, костыль можно расшатать, если стукнуть по нему камнем, но громкий звук наверняка будет слышен даже в храме, и сюда прибегут жрецы. А может, пожалует сам Минотавр.

Вдруг Вара отшвырнуло футов на пять назад.

Это Соли пятками ударила его в грудь. Теперь он понял, что девочка будет вовсю сопротивляться. Следовательно, освободить ее можно, только лишив сознания. Но как она станет относиться к нему, если он силой заставит ее нарушить клятву?

В любом случае, ударить ее он не сможет. Поднять руку на Соли...

Вар пробормотал:

— Тогда я пойду и убью Минотавра.

— Нет! — вскричала она в ужасе. — Минотавр — бог, а не чудовище и не человек! С ним не справится ни один смертный!

— Кем бы он ни был, я встречусь с ним... Если, конечно, ты не уйдешь со мной.

— Я останусь.

Дальнейшие уговоры были бесполезны, и Вар, не оборачиваясь, не обращая внимания на крики Соли, направился по каньону к лабиринту.

Вскоре он оказался в громадной пещере со множеством выходов. Держа палицы наготове, Вар осторожно вошел в ближайший проход и вскоре очутился в просторном гроте. Повсюду валялись кости. Чьи именно, Вару было ясно, хотя он к ним и не присматривался. Если он потерпит сегодня поражение, здесь появятся и кости Соли. Вар зашагал дальше.

В следующем гроте он обнаружил несколько черепов, в третьем — и черепа, и кости, но Минотавра видно не было.

Сообразив, что, пока он обыскивает пустые пещеры, бог-зверь вполне может покинуть свое логово и наброситься на беспомощную Соли, Вар заспешил к выходу. Пройдя через грот с черепами, он очутился в другой пещере и вдруг понял, что заблудился в лабиринте.

Врожденное чувство направления подвело его. Наверно, из-за сильного волнения.

Положим, выход он все же отыщет, если будет идти, ориентируясь на собственный запах, а если подведет и нюх, можно отмечать пройденные пещеры костями. Рано или поздно он доберется до выхода, но на такие поиски уйдет уйма времени, а Соли сейчас в опасности. И Вар закричал во все горло:

— Минотавр! Выходи и сразись со мной!

— Со мной! Со мной! — громко отозвалось эхо.

— Сразиться с тобой? — переспросил кто-то у него за спиной.

Вар резко обернулся. Рядом стоял человек.

Нет, не человек. Могучее мускулистое тело незнакомца венчала громадная бычья голова, а ноги заканчивались настоящими воловьими копытами. Из пасти торчали длинные, острые клыки.

Без сомнения, это был Минотавр.

— Что привело тебя сюда днем, Вар-паличник? — спросил бог. — Прежде ты подкрадывался к моим владениям только в темноте и никогда не заглядывал внутрь.

Подивившись про себя, что Минотавр способен говорить и к тому же так много знает, Вар воскликнул в сердцах:

— Я пришел драться!

Возбужденный мыслью о предстоящей битве, он взмахнул палицей.

— Конечно, конечно. Но почему именно сейчас? Сегодня у меня как раз выдался суетный денек. А вот, например, вчера я бы с удовольствием сразился с тобой.

— Рядом с твоим лабиринтом жрецы приковали

мою подругу. Ее приносят тебе в жертву, а я поклялся убить любого — будь то мужчина, зверь или бог!

Минотавр кивнул.

— Да ты, как я посмотрю, храбрец. Ты и в самом деле полагаешь, что одолеешь меня?

— Нет, но попытаюсь. Без Соли мне не жить.

— Пойдем потолкуем.

Минотавр повернулся и размашисто зашагал по проходу, громко цокая копытами и задевая кончиками рогов свисавшие с потолка сталактиты. Вар последовал за ним.

Они вошли в огромную пещеру, посредине которой лежал громадный плоский камень.

— Этот камень я поднимаю по утрам вместо зарядки, — сказал Минотавр. — Вот так.

Он наклонился, казалось, нимало не заботясь о том, что позади стоит вооруженный враг. Его мышцы напряглись, вздулись такими чудовищными буграми, каких Вар не видел даже на теле императора. Минотавр поднял камень на уровень груди и, подержав его несколько секунд, опустил.

— Теперь твоя очередь, Вар-паличник. — Минотавр отошел к стене. — Если поднимешь камень, значит, годишься мне в соперники.

Бог доверял ему, и Вар, решив последовать его примеру, сунул палицы за пояс, ухватился за камень и напрягся, но тяжеленный валун даже не шелохнулся. Миг-другой спустя Вар сдался.

— Ты прав. Я не так силен, как ты, но все равно, возможно, побью тебя в бою.

— Что будет, то будет, — добродушно согласился Минотавр. — И мы непременно сразимся, если ты настаиваешь. Но давай вначале побеседуем. Редко выпадает случай пообщаться с благородным человеком.

Вар не стал возражать, решив, что, пока бог с ним, Соли в безопасности.

Они прошли в другую пещеру и уселись на грубые кресла из связанных сухожилиями костей.

— Перекусим? — предложил Минотавр. — У меня есть орехи, ягоды, хлеб и, конечно, мясо. Но ты, наверное, знаешь, чье это мясо.

— Знаю, — подтвердил Вар, — но пищу с тобой разделю.

Минотавр достал из ямы два ребра с кусками мяса и вручил одно Вару, объяснив:

— Я зажарил ребрышки только вчера, так что они совсем свежие.

К горлу подкатила тошнота, и Вар поспешно запил мясо водой из бурдюка, который ему вовремя протянул Минотавр.

— Откуда ты родом? — поинтересовался бог.

Вар рассказал об Америке, о здравомыслящих и чокнутых, о кодексе чести круга.

— Я слышал об этих местах, — сказал Минотавр. — Но всегда полагал, что Америка — всего лишь миф. А как получилось, что ты и девочка расстались?

Вар объяснил. Разговаривать с гигантом оказалось на удивление просто.

— Так ты говоришь, ее отец не мог иметь детей? Как же он ухитрился зачать Соли?

Вар пожал плечами.

— Не знаю.

— А тебе не приходило в голову, что настоящим отцом твоей подруги может быть Безымянный?

Разрозненные факты в голове Вара складывались в логичную цепочку — точно пчелы занимали свои места в улье.

— Забавно получается, — сказал Минотавр. — Император полагает, что ты убил его дочь, а она жива-живехонька. Но недоразумение несложно исправить. Тебе достаточно лишь при вашей следующей встрече показать девочку Безымянному.

— Если, конечно...

— К сожалению, да.

— Ты сожрешь ее?

Было трудно поверить, что этот добродушный, обходительный исполин намерен вскоре растерзать Соли.

Минотавр тяжело вздохнул.

— Я бог, но даже боги не вольны в своих поступках. Мне бы самому хотелось, чтобы было иначе.

— Но разве твоих запасов на месяц не хватит?

— Мяса-то достаточно, но за месяц оно непременно испортится. Надо бы попросить у жрецов холодильник... Но в общем-то, основная проблема не в мясе. Необходимо, чтобы была принесена жертва.

Вар не понял.

— Хочется мне того или нет, я непременно должен каждый месяц умерщвлять жертву, — пояснил Минотавр.

— Тебя заставляют жрецы?

— Все жрецы и все религии создают богов по своему образу и подобию. Так было всегда, даже перед Взрывом. Считается, что жрецы Нового Крита служат Минотавру, но на самом деле Минотавр служит им. Например, я обязан следить за тем, чтобы численность населения острова не превышала определенного уровня. А самое главное — от моего имени на острове поддерживаются закон и порядок, поскольку критяне до смерти боятся Минотавра. Незримой тенью я стою у кроватки каждого непослушного ребенка, дышу в затылок каждому карманнику и растратчику. Сам я одинок и смертен, а таким, каким ты меня видишь, стал благодаря генной инженерии и хирургическим операциям.

— Совсем как император! — воскликнул Вар.

— Именно. Хотелось бы мне поговорить когда-нибудь с этим человеком. — Минотавр с минуту помолчал, затем продолжил: — Хорошо, что мы встретились с тобой в моем лабиринте, а не снаружи. Дело в том, что я теряю голову, едва учуяв запах девственницы.

Представив себе прикованную к скале обнаженную Соли, Вар спросил:

— А почему тебе не подходят старухи?

— Так уж я устроен.

— А что случилось бы, если бы по ошибке тебе принесли в жертву не девственницу?

Минотавр широко улыбнулся, продемонстрировав Вару два ряда острых, как кинжалы, зубов.

— Тогда бы я отправился в храм и задал жрецам жару, а для жителей острова следующий месяц выдался бы чертовски неудачным.

Вар решил потянуть время и поэтому поинтересовался:

— Ты что-нибудь слышал об амазонках, которые живут в ульях?

— Совсем немного. Своеобразная культура. Расскажи мне о них поподробней.

Вар рассказал.

Вскоре трапеза была закончена.

— Теперь мне придется сразиться с тобой, — сказал Вар.

— Тогда я убью тебя, а мне бы не хотелось обагрить свои рога твоей кровью. Слишком длинный путь ты проделал, слишком многое вынес. Умереть сейчас было бы глупо. Найдем более романтичную развязку.

Вар в недоумении смотрел на него.

— Она не уйдет со мной. Во всяком случае, до того как будет совершено жертвоприношение.

Минотавр встал.

— Боги рассказывают о малом. Теперь уходи или нам действительно придется сразиться.

Вар выхватил свои палицы, но Минотавр выбил их небрежным взмахом руки.

— Уходи! И не валяй дурака!

Поняв, что положение безнадежно, Вар подобрал палицы и побрел прочь. На этот раз ноги сами вывели его из лабиринта.

Глава 17

Соли, как и прежде, стояла у скалы. Вар подбежал к ней.

— Пойдем со мной! Сюда идет Минотавр!

Похоже, она изумилась, увидев его живым.

— Знаю. Уже почти полдень.

Под палящими лучами солнца ее лицо покраснело, губы растрескались.

— Он не хочет убивать тебя! Но ему придется, если ты останешься здесь.

— Да. — Она вновь расплакалась, но по выражению ее лица Вар понял, что своего решения она не изменила.

— Его не остановить. Я пытался, но не смог. Он убьет нас обоих.

— Тогда уходи! — воскликнула она. — Спасай свою глупую жизнь.

— Я умру, если суждено умереть и тебе! Жизнь без тебя для меня ничто!

Соли внезапно успокоилась.

— Соса говорила мне, что все мужчины — дураки.

Вар не понял, зачем она его обидела, но, прежде чем успел открыть рот, из лабиринта послышался оглушительный рев.

— Минотавр, — прошептала она испуганно. — Вар, пожалуйста, уходи! Иначе будет слишком поздно.

Из лабиринта вышел исполин с бычьей головой, из его ноздрей клубами валил пар.

Вар точно щитом прикрыл собой Соли от разбушевавшегося бога. Он крепко держал ее за плечи, а она отбивалась что было сил, рвала на нем одежду. Наконец он прижал девочку к скале. Ноги Соли оказались у него за спиной, и она безвольно повисла на оковах.

— Я не оставлю тебя, — прошептал он ей в самое ухо.

— Вар, мне очень жаль. Я люблю тебя, идиот!

Удивляться было некогда. Слыша за спиной тяжелую поступь Минотавра и свист воздуха из его ноздрей, Вар притянул Соли к себе, и они слились. В эти последние секунды жизни в голове пронеслось все, что было пережито ими вместе за три года.

Минотавр остановился рядом, громко фыркнул то ли от ярости, то ли от душившего его смеха и зацокал копытами дальше.

Только теперь Вар понял, что случилось. Минотавр намекал ему, а он, глупец, понял не сразу и едва не погубил и себя, и Соли.

* * *

Вар тряс, дергал, рвал на себя оковы Соли, а из храма доносились истошные визги и крики. Оковы не поддавались. Обнаружив в пыли изъеденный ржавчиной гвоздь, он просунул его под дужку железного кольца на левой руке Соли и ударил по нему камнем. На сей раз его усилия увенчались успехом, но гвоздь погнулся и стал уже ни на что не годен.

Крики в храме вроде бы стихли, вскоре показался Минотавр, который держал в руках два обмякших тела. Рядом с Соли и Варом бог остановился.

— Вот эта — верховная жрица. — Бог слегка приподнял одно из тел. — Она получила по заслугам. Истинное правосудие: это же надо — подсунуть мне женщину!

Минотавр ухватил браслет на запястье Соли, на его руке вздулись могучие мышцы. Металлический костыль вылетел из скалы, и Соли наконец-то обрела свободу. Затем бог, пошарив у себя за пазухой, сунул ей в руку какой-то сверток.

— Подарок, — сказал он. — Рад, что этот эпизод в ваших приключениях благополучно завершился.

Соли, сжав обеими руками сверток, подавленно молчала. Минотавр, громко насвистывая, направился в лабиринт.

— Надо уносить ноги, пока жрецы не опомнились, — сказал Вар. — Пошли.

Он схватил Соли за руку, и они побежали. Едва они очутились в лесу, как он снял с себя длинную, просторную рубаху и надел ее на Соли. Девочка развернула сверток, в котором оказались два ключа и записка, и вдруг вытаращила глаза.

— Зачем нам ключи? — удивился Вар. — У нас же нет дома.

— Они от мощного катера, — пояснила Соли, помахав запиской.

* * *

На борту катера нашлись карты, канистры с бензином и водой, запасы продуктов. Каким образом все это организовал Минотавр, оставалось неясным, но очевидно, что к отплытию катер был подготовлен давно. Вероятно, Минотавр сам намеревался сбежать с опостылевшего острова. Возможно, он вовсе не был безропотным рабом жрецов.

Из карт они узнали, что оказались гораздо севернее, чем им представлялось прежде. Туннель в Китай — на самом деле не в Китай, а в Сибирь — остался далеко в стороне. Для начала они решили добраться до Камчатки, откуда можно было направиться в Китай двумя путями: либо обогнуть по суше Охотское море — сначала на север, затем на запад, а потом на юг, либо двинуться морем на юго-запад, от островка к островку, от атолла к атоллу, к Японским островам.

От незнакомых названий у Вара шла кругом голова. Карты очень напоминали ему древние книги, которые постоянно изучал император.

Они могли, конечно, вернуться домой: Соли выбрала бы себе того отца, которого предпочла, а Вар стал бы воином круга. Но тогда их дружбе пришел бы конец, возможно, им даже не разрешили бы видеться. Должно быть, именно поэтому никто из них не предложил повернуть назад и, миновав владения амазонок, достичь Америки. Целью путешествия по-прежнему оставался Китай, хотя стремиться туда вроде бы не было смысла. Короче говоря, они двинулись на запад.

Какое-то время спустя разбушевался шторм, который они переждали, причалив к берегу крошечного необитаемого островка. Затем наступила ясная погода, и катер вновь устремился в океан.

Случившееся у входа в лабиринт Минотавра они между собой не обсуждали; надо сказать, все, что произошло за два долгих года на Новом Крите, казалось дурным сном.

Но в их отношениях что-то изменилось. Соли стала почти взрослой. Невинных, дружеских объятий они себе больше не позволяли, а к любовным еще не были готовы. На краткий миг между ними вспыхнула любовь, но этот миг миновал, как шторм. Во всяком случае, так полагал Вар. Правда, время от времени он ловил на своем браслете задумчивые взгляды Соли. Возможно, она вспоминала, как

сохранила этот браслет для него, принеся себя в жертву.

Изредка Вару вспоминалась беседа с Минотавром. Был ли император настоящим отцом Соли? Чем больше проходило времени, тем менее убедительным казалось это утверждение. Как отреагировала бы Соли, если бы ей сказали, что ее настоящий отец вовсе не Сол, а Безымянный? Сола она любила, а Безымянного едва знала. Но если это правда, как поступит император, узнав, что Вар солгал, заставив поверить в смерть дочери? И что он сделает, расскажи ему Вар, что случилось между ним и Соли у входа в лабиринт Минотавра?

Океан то гипнотизировал, то поражал своей красотой, то наводил смертную тоску унылым однообразием. Все попадавшиеся на пути острова были необитаемыми, а на картах их, как правило, не оказывалось; тех же земель, что присутствовали на бумаге, не было и в помине. Наверняка их давно поглотила океанская пучина. Соли прокладывала курс с помощью компаса — прибора, стрелка которого всегда указывала на север. Ориентироваться в океане ей также помогали солнце и звезды.

Они уже решили, что океану не будет конца, но тут на горизонте показалась темная полоска — берег Азии.

Люди здесь разговаривали на непонятном языке.

— Естественно, — хмыкнула Соли, удивленная наивностью Вара. — Они разговаривают по-китайски. Или, вернее, будут говорить по-китайски, когда мы наконец доберемся до Китая. Если верить карте, дорога туда неблизкая.

Действительно, до Китая было еще далеко. Две тысячи миль или даже чуть больше. Многие месяцы пути.

Им порядком надоел океан, но путешествие по суше представлялось еще менее заманчивым.

Они запаслись бензином, продав почти все с катера, и направились на юго-запад вдоль островов, называющихся на карте Курильскими, затем повернули на север к Сахалину, а оттуда добрались до Маньчжурии.

Там они сошли на берег, решив дальше идти пешком, с неохотой продали катер, выручив за него столько денег, что хватило на покупку одежды, продовольствия и даже пережившего Взрыв англо-китайского словаря.

Соли сказала, что в словаре начертаны иероглифы. В этих местах говорили на многих диалектах, но письменность повсюду была единой. Зная иероглифы, они смогут общаться с любым грамотным человеком.

Природа здесь напоминала ту, к которой они привыкли на Американском континенте — горы, долины, реки, проплешины Гиблых Земель. Жители побережья были такими же цивилизованными, как обитатели Нового Крита, но в угоду богам человеческих жертв не приносили. Чем дальше от океана, тем примитивнее становился уклад, который все сильнее смахивал на образ жизни американских здравомыслящих, но у местных не было ни технологий чокнутых, ни стоянок с запасами продовольствия и всего необходимого. Большинство встречных не обращали на чужестранцев внимания, но попадались и воры, и грабители, а кодекс чести круга здесь не соблюдался. Не будь Вар и Соли искусными бойцами, они бы недолго прожили в этих местах.

Чем ближе они подходили к цели своего путешествия, тем более натянутыми становились отношения между ними. Соли совсем выросла, и Вар хорошо это понимал. Изредка он касался своего браслета, подумывая, не предложить ли его ей, но всегда вспоминал злосчастный вечер того дня, когда стал мужчиной. Тогда над ним потешались все кому не лень...

А Соли... Соли была прекрасна. Наверное, ее мать — Сола — в этом возрасте была такой же красавицей. Ведь не случайно же из-за нее сходились в кругу великие воины. Соли постоянно носила просторные одежды, но, когда мылась, от Вара по привычке не пряталась, и ее обнаженное тело казалось ему чудом совершенства.

От случая к случаю Вар видел живущих здесь грамотных женщин. Они напоминали кукол — такие же изящные, красивые, изнеженные. По контрасту с ними женщины-крестьянки выглядели грубыми, неказистыми.

Вар понимал, что бродячая жизнь вскоре превратит Соли в такую же развалину-крестьянку. Все чаще при виде аристократки он мысленно представлял на ее месте Соли.

Чем дальше они продвигались, тем выше становился уровень культуры. Узкоглазые китайцы вели себя до отвращения вежливо. Вар выяснил, что все местные аристократки в юности посещали институты, напоминающие школы чокнутых, где их готовили к великосветской жизни, а затем выходили замуж, после чего всю работу в доме за них выполняли слуги.

Вар решил, что такая жизнь как раз для Соли. Опасаясь, что она не поймет его, он даже и не пытался объяснить ей свою точку зрения.

* * *

Как-то раз они устроились на ночлег в лесу. Через час Вар осторожно поднялся. Соли пошевелилась. Он замер. Мгновение спустя ее дыхание вновь стало ровным и глубоким, и он на цыпочках двинулся прочь. Отойдя подальше, услышал какие-то звуки — то ли ветер прошелестел листвой, то ли из кустов вспорхнула птица, то ли повернулась во сне Соли. Он хотел было вернуться, но, поскольку звук не повторился, собрал волю в кулак и направился дальше.

Вскоре Вар оказался перед воротами школы благородных девиц, мимо которой они прошли сегодня днем. Он постучался, и минут через пять, показавшихся ему вечностью, ворота открыл тощий, заспанный старик с седой бородой. Вар попытался объяснить, что привело его сюда, но перепутал диалект, и разговора не получилось. Вару все-таки удалось втолковать старику, что он хотел бы видеть начальника этой школы. Недовольно ворча, старик ушел, а Вар остался у ворот.

Минут через десять к нему вышла начальница, которую, видимо, подняли с постели, — тучная женщина в ночной сорочке. Волосы черные, как смоль, а лицо густо изборождено морщинами. Она тоже не сумела понять Вара, хотя и перепробовала добрый десяток диалектов, но затем начертила на листе бумаги иероглиф, и Вар возликовал. За последние месяцы Вар и Соли изучили несколько сотен иероглифов и теперь, делая покупки, объяснялись совершенно свободно.

Разговор продолжался около двух часов. В конце концов Вар добился, чтобы Соли приняли в школу, а сам в качестве платы обязался выполнять черную работу.

Он объяснил, где находится Соли, и за девочкой отправили вооруженный отряд, а Вара препроводили в подвал, где седобородый старец показал ему на деревянную койку рядом с печью. Отныне Вару предстояло стать помощником этого человека.

* * *

Слуг не подпускали к воспитанницам, поэтому Соли Вар снова увидел лишь через месяц. Все это

время он от восхода до заката колол дрова, чинил загородки, носил на кухню продукты, полол огород, поливал цветники и выполнял тысячи других дел, с которыми старик прежде как-то управлялся сам. Вар понемногу освоил самые необходимые слова местного диалекта и худо-бедно понимал теперь, о чем трезвонит школьная молва.

По слухам, как-то ночью в школу доставили дикарку, настолько необузданную, что она отбивалась палицами от десятка воинов. Ей пригрозили пистолетом, но она продолжала сопротивляться, ранила нескольких солдат и смирилась со своей участью только тогда, когда на нее накинули сеть.

Бедняжка Соли! Досталось же ей той ночью! Ведь она яростно оборонялась, даже не подозревая, что воинов послали за ней ради ее же блага.

Вар подстригал кусты, росшие вдоль стены, когда начальница вывела Соли на прогулку вместе с тремя другими воспитанницами. Все четверо были одеты в строгие дневные костюмы. Вару сразу вспомнилась обнаженная Соли, прикованная к скале на Новом Крите. Ему вдруг захотелось схватить ее в охапку и убежать в лес.

Опасаясь быть узнанным, он поспешно отвернулся.

Девушек обучали грациозной походке, и каждая, подражая начальнице, двигалась крошечными шажками. Они просеменили по дорожке так близко от Вара, что тот уловил аромат духов. Никто и не подумал остановиться рядом со слугой. Вар испытал одновременно облегчение и печаль. Конечно, Соли не следовало с ним заговаривать, но как ему этого хотелось!

* * *

Ночью, когда старик уже засыпал, в подвал спустился посетитель в длинном плаще с капюшоном, который что-то дал старику, и тот удалился. Посетитель приблизился к кровати Вара. Тот поднял голову.

Из-под капюшона сияли глаза Соли!

— Так это ты, — сказала она мягко.

Вар смотрел на нее, пораженный и зачарованный ее красотой. Обучение дало свои плоды — Соли держалась с достоинством и умело пользовалась косметикой.

— Я видела тебя в саду, — сказала она, продолжая смотреть на него с выражением, которого он не понимал.

Из-под плаща показалась рука с туфелькой, и вдруг каблук туфельки вонзился Вару в живот.

— Я думала, ты погиб! — воскликнула она, и Вар наконец-то понял, что Соли в ярости.

Девушка повернулась и выбежала прочь.

Она думала, что он погиб. Прежде ему даже не приходило в голову, что Соли так решит, но теперь стало очевидно, что подобный вывод напрашивался сам собой. Вечером они вместе легли спать, а ночью на нее напали, схватили, куда-то поволокли. Вара она не видела. Значит, он погиб в стычке. Она уже примирилась с утратой и вдруг... Вдруг увидела его живым в саду.

Вару не спалось. Он не знал, радоваться или огорчаться. Соли ненавидит его за то, что он сдал ее в школу? Разве она не понимает, что их странствия не могли продолжаться бесконечно? Прекрасная девушка и безобразный воин. Ему походная жизнь, конечно, не вредила, но для Соли... Соли скоро станет настоящей светской дамой. Он сделал для нее все, что мог.

И все же Вар чувствовал вину. Ему хотелось вернуть прежние дни, прежние отношения, какими они были до Нового Крита. Увы! Соли уже никогда не станет той наивной, беззаботной девочкой, какой когда-то была.

* * *

В следующий раз они встретились через две недели в лесу, когда Вар складывал в ручную тележку собранный хворост. На Соли был мужской костюм: волосы спутались, на лице — грязь. Дикарка дикаркой.

— Я ухожу, — с ходу заявила она. — Пойдем со мной.

Вар схватил ее и потащил к школе. Должно быть, вырваться ей не составило бы труда, но она не сопротивлялась.

— Я знаю, что ты заплатил за меня, — пробормотала она. — Ублюдок проклятый! Ненавижу!

Он понимал, что она лжет, но все равно ее слова больно ранили.

— Почему ты больше не хочешь путешествовать со мной? — спросила она жалобно. — Это все, чего я желаю. — Поцеловала его в губы, как это делают женщины. Как когда-то целовала Вара Сола — ее мать. — Хочу быть с тобой, Вар.

Его сердце отчаянно стучало, но он не останавливался и не отвечал.

— Хочешь, чтобы я заплакала?

Он вновь промолчал, но плакать она не стала, а лишь процедила:

— Надо было двинуть тебя не туфелькой, а звездой.

Соли, несомненно, имела в виду «утреннюю звезду» — оружие, владельцу которого достаточно одного удара, чтобы искалечить и даже убить противника.

Вар сдал ее с рук на руки начальнице. Когда он возвращался в лес, до него донеслись громкие крики. В наказание Соли били. Чем-то мягким, чтобы не осталось следов на теле, но все равно больно: однако Соли — воин круга — истошно вопила, конечно же, не от боли. Чтобы осталась довольна начальница и чтобы слышал Вар.

Глава 18

— Эти воины провели тут уже месяц, — сказал как-то Вару старик.

Вар поглядел на воинов. Те явно охраняли кого-то из высокородных. Большинство учениц в школе были дочерьми знати и высокопоставленных вельмож, а согласно местным обычаям, чем выше общественное положение человека, тем более многочисленный отряд телохранителей ему полагается. Нередко воины прибывали за несколько недель до окончания семестра, и окрестности школы тогда становились похожими на огромный военный лагерь...

— Вон те, в красных формах с золочеными нашивками. — Старик ткнул пальцем. — Те самые, что ни с кем не разговаривают и тренируются на собственном поле.

Признаться, Вар заинтересовался. Воинов, о которых говорил старик, отличала отменная выучка: любо-дорого было смотреть, как они обращаются с оружием. Но, похоже, никто не знал, кому они служат и какую ученицу присланы охранять.

Старик с воодушевлением продолжал:

— Они служат императору Чину. Должно быть, император присмотрел себе в нашей школе очередную невесту и выслал сюда охрану, чтобы с девушкой ничего не случилось до его прибытия.

Из рассказа старика Вар узнал для себя много нового о Чине. Прежде всего, Чин был сказочно

богат и знаменит. Он правил огромной империей, чьи границы значительно расширились за последний десяток лет с помощью политических интриг и мелких вооруженных стычек. Судя по всему, Чин управлял своей империей не менее умело, чем Безымянный своей. Земли, на которых находилась школа, не принадлежали владениям Чина. Он имел уже по крайней мере тридцать жен, но всегда был не прочь обзавестись новой.

Вар слушал вполслуха. Соли вскоре закончит обучение, выйдет замуж за какого-нибудь высокопоставленного вельможу, а он удалится в Гиблые Земли. Жаль, конечно, что они больше не увидятся, но, заключив договор со школьной администрацией, он уже сделал свой нелегкий выбор. Со временем она будет счастлива, а ее счастье для Вара — самое важное.

К нему подошла начальница.

— У меня для тебя радостные новости, — сказала она с таким кислым видом, будто намекала, что на самом деле вести не радостные, а дурные. — Нашелся жених для твоей подопечной.

Новость ошеломила Вара. Внезапно его осенило, что начальница, видимо, знает, что в душе он не желает замужества Соли.

— Ведь именно этого ты хотел? — спросила она мягко.

— Да. — Он ощутил пустоту.

— Как у нас принято в таких случаях, за ее обучение заплатит будущий супруг, а ты получишь жалованье за год работы. Уверена, сумма тебя не разочарует.

— Кто?.. — едва слышно выдавил Вар.

— Мы польщены, что столь высокородный человек выбрал себе невесту именно здесь.

— Чин! — воскликнул Вар.

— Он предпочел бы сохранить свое имя в тайне, однако ты догадался сам, да и, вдобавок, заслуживаешь того, чтобы узнать, за кого выходит замуж твоя подопечная. На сей раз император пожелал, чтобы его невестой стала иностранка.

— Но Чин!.. — Вару казалось, что задыхается.

— Разве не ты хотел, чтобы она вышла замуж за высокородного, превратилась из дикарки в светскую даму?

Да, именно этого он и хотел. Или думал, что хочет.

— Тебе вовсе не обязательно расставаться со своей воспитанницей, — продолжала начальница. — Император Чин ценит сильных, умелых бойцов... А через год после свадьбы он обычно охладевает к жене. Между прочим, все его предыдущие жены получили свободу — при условии, что не станут выставлять напоказ своих отношений с другими мужчинами.

Без сомнения, начальница стремилась помочь Вару. Он поблагодарил ее и ушел. Мысленная картина — Соли в объятиях низенького круглого китайского мандарина — пробудила в нем бурю чувств. Никогда прежде Вар не предполагал, что будет ревновать.

Ей хотелось снова уйти в леса. Но теперь, когда у нее появилась возможность выйти замуж за богача, не изменилось ли ее желание? Ответ на этот вопрос стал вдруг очень важен для Вара, но просто пойти за ним в спальню воспитанниц он не мог. Соли сурово накажут, если увидят, что она разговаривает со слугой: ведь воспитанниц наказывают за нарушение даже самого пустякового правила. Впрочем, если он будет осторожен, то повидаться с ней все же сможет. Вар направился к спальням. И вскоре обнаружил, что все подступы к комнате Соли охраняются воинами императора.

Вар выбрал самое слабое звено в обороне — угловое окно спальни, выходящее в сад, и двинулся туда. Он намеревался оглушить охранника ударом палицы, но воин был начеку и, увернувшись, выстрелил из пистолета — к счастью, в воздух. Вар уложил его вторым ударом, но было уже поздно.

Некоторое время спустя его загнали в угол. Он прижался спиной к стене сада и уставился на вооруженных воинов. Попался! Через стену не перелезть, сквозь строй не прорваться...

Вдруг в глаза ударил свет фар, захрустели под колесами кусты.

— Кто это? — раздался голос с подъехавшего грузовика.

— Местный рабочий, — отозвался другой. — Я не раз видел его у школы. Но что он здесь делает?

— Подстригает кусты.

— Ночью?

— Что ты здесь делаешь, рабочий? — На сей раз вопрос, несомненно, был уже адресован Вару.

— Я хотел увидеть... Девушку... — Вар понимал, что, говоря правду, вредит себе, но лгать не собирался.

— Какую девушку?

— Соли. — Люди у грузовика стали совещаться. Вспомнив, что в школе Соли дали другое, местное имя, Вар нехотя добавил: — Ту, которую вы охраняете... Невесту Чина.

— Отведите его в казарму, — приказал офицер.

Вара отвели в барак, где жили воины императора.

— Что тебе было нужно от этой девушки? — рявкнул офицер.

— Я хотел, если она согласится, уйти с ней.

Вару было приятно говорить правду. Он наконец-то разобрался в собственных чувствах. Ему действительно хотелось уйти с Соли, наплевав на богатство, которое ожидало девушку в замужестве...

— Ты понимаешь, что мы обязаны убить любого, кто попытается ее увести?

— Да.

Офицер помолчал, видимо, размышляя, простак перед ним или прожженный хитрец.

— Ты оглушил нашего стражника?

— Я.

— Почему ты хотел уйти именно с этой девушкой?

— Я люблю ее.

— И ты полагаешь, что она предпочтет тебя, горбатого урода, а не богатого красавца императора?

— Я привел ее сюда.

— Так ты знал ее прежде?

— Мы путешествовали вместе четыре года.

— Сходи за начальницей, — велел офицер одному из солдат, другому же сказал: — Нагрей нож. — И обратился к Вару: — Если начальница опровергнет твои слова, ты умрешь, если же подтвердит, то мы навсегда укоротим твой интерес к девушкам. К любым девушкам.

Не сводя взгляда с ножа, который постепенно нагревался в пламени факела, Вар прикинул, скольких сумеет уложить прежде, чем его убьют. Пришла начальница.

— Он действительно привел ее сюда и платил за обучение, работая при школе, — сказала она. — Однажды она попыталась сбежать, а он поймал ее и вернул обратно. Он вправе уйти с ней, если она, конечно, пожелает составить ему компанию.

— У него было такое право, — оскалился офицер. — Но после того как император Чин выбрал эту девушку себе в невесты, все остальные утратили на нее всякие права.

Начальница без страха посмотрела офицеру в лицо.

— Мы сейчас не во владениях Чина.

— Нам давно хотелось присоединить эти земли к империи.

Она пожала плечами.

— Любое насилие, несомненно, приведет к тому, что враги Чина на севере объединятся между собой, и произойдет это как раз в то время, когда его основные силы находятся далеко на юге. Стоит ли война новой невесты?

Офицер задумался, взвешивая все за и против.

— Император не желает свою свадьбу омрачать кровопролитием, — решил он наконец. — Мы щедро заплатим этому человеку и доставим его туда, где сеять смуту он уже не сможет. Если он все же вернется, то будет схвачен и казнен на следующий день после свадьбы императора. — Офицер протянул Вару пригоршню монет. — Вот, держи. И на всю жизнь запомни щедрость императора Чина.

Начальница, пристально глядя на Вара, сказала:

— Подчинись, здравомыслящий. И возьми также это. — Она протянула Вару пакет.

Она вдруг напомнила Вару Минотавра — бога Нового Крита. Вар чувствовал, что она стремится помочь ему. Он принял деньги и пакет, и воины посадили его в грузовик. Вар не сдался, но понимал, что следует выждать.

Шестью часами позже он оказался один на дороге в двухстах милях к северу. На востоке вставало солнце.

* * *

В конверте обнаружились карта и большой палец левой руки.

Карта оказалась обычной крупномасштабной картой этих мест. Но с одним обозначением — красным кружком, которым был обведен некий городишко. Что касается пальца...

Вар узнавал людей по рукам так же безошибочно, как по лицам. Этот палец — крупный, со шрамом — когда-то принадлежал не китайцу, а американцу. По прозвищу Безымянный.

Очевидно, начальнице известно, где находится император — живой или мертвый. Выходит, она также знает, что Вар, Соли и Безымянный связаны между собой. Но почему она открылась ему? Он недоуменно помотал головой.

На освобождение Соли до того, как она попадет в постель Чина, у Вара было две недели. За это время он мог вернуться в школу, однако офицер явно не шутил. К тому же вдруг Соли и впрямь отвергнет уродливого здравомыслящего и предпочтет богатого, наделенного огромной властью императора?

До помеченного кружочком городка неделя пути. Там Вар, возможно, найдет императора и заручится его помощью... Если тот, конечно, еще жив.

* * *

Добравшись до городка, Вар принялся осторожно расспрашивать местных жителей и выяснил судьбу Сола и императора. Тех можно было найти на арене. На той самой арене, где ради забавы зрителей сходились в смертельной схватке друг с другом и с дикими животными гладиаторы. Кумирами публики в этом сезоне были двое иноземцев, захваченных, по слухам, полгода назад пограничниками. Через несколько недель полученные ими раны затянулись, и их продали на арену. Как водится в таких случаях, хозяин отсек новичкам большие пальцы на левых руках, и они стали зарабатывать деньги, чтобы выкупить свои контракты, на что при скромном жалованье гладиатора должно было уйти не меньше десяти лет.

— Я выкуплю контракт, — сказал Вар, показывая смотрителю арены пригоршню монет.

Смотритель кивнул.

— Деньги империи Чин. Подойдет. Какого тебе?

Вар описал внешность императора.

— Как скажешь.

Вар опасался, что денег не хватит, однако сделка состоялась на месте, не пришлось даже торговаться. Смотритель молча вручил ему бумагу с китайскими символами. Вар с нетерпением схватил бумагу и быстро направился к бараку гладиаторов.

Но немного подумав, внимательно изучил иероглифы и понял, что бумага лишь позволяет пройти на территорию арены. Смотритель обманул его.

Разгневанный Вар решил было вернуться и проучить хитреца, но передумал, сообразив, что того, поди, давно и след простыл.

Он в негодовании отшвырнул бесполезную бумагу и продолжил путь. Барак гладиаторов окружала высокая проволочная изгородь, по углам которой возвышались деревянные башни с площадками наверху. На этих площадках стояли охранники с винтовками. Рядом находились клетки с животными — тиграми, бизонами, змеями, бойцовыми собаками и мутантами из Гиблых Земель.

Запоминая каждую деталь, Вар обошел территорию арены. Выступления проходили раз в три-четыре дня, а сегодня был выходной, и здесь бродило лишь несколько зевак, которые глазели на животных в клетках. Арена была передвижной, у ворот стояли грузовики, на которых после нескольких месяцев представлений перевозили на новое место животных и оборудование.

Удовлетворенный увиденным, Вар отправился в лес и, растянувшись на земле под деревом, заснул. Ночь обещала быть хлопотной.

* * *

Ночью отдохнувший Вар прокрался на территорию арены. Используя отвертку, опустил окно грузовика и открыл дверцу. Затем бесшумно забрался на ближайшую башню и уложил охранника ударом палицы по голове. С охранником на второй башне он поступил точно так же. С двух других башен этот участок ограждения не просматривался. Мощными кусачками, найденными среди инструментов в кабине грузовика, Вар проделал дыру в проволочной ограде и, прихватив у второго охранника пистолет и фонарик, направился к бараку гладиаторов.

Гладиаторы ютились в насквозь провонявшем навозом сарае. Ломом и отверткой Вар, стараясь не производить лишнего шума, взломал замок. Гладиаторы, несомненно, слышали, как он сражался с замком, но голоса не подали.

Распахнув дверь, Вар посветил перед собой фонариком и, отойдя в сторону, спокойно сказал на местном диалекте:

— У меня пистолет. — Затем добавил по-английски: — Выходите по одному и без шума. Если, конечно, хотите на свободу.

— Вар-паличник! — сразу же воскликнул император, а через секунду в дверном проеме появилась его мускулистая фигура. — Ты встречаешь меня с пистолетом в руке?

От звуков накрепко врезавшегося ему в память голоса Вара пробрала дрожь.

— Нет. Мы не в кругу. Ты поклялся убить меня за то, что я убил твою дочь. Но я ее не убивал. Я отведу тебя к ней.

Последовала долгая пауза.

— Не мою дочь, а его, — сказал наконец император. Из сарая вышел Сол. — Нам описали парниш-

ку, который путешествовал с тобой, и мы заподозрили, что это Соли.

Значит, они зря убегали! Нужно было сразу отвести Соли к императору. Или хотя бы пустить на стоянку ее отца, а не вызывать его в круг. До чего глупо получилось!

— На следующий день после того как ты ушел, я понял, что был несправедлив к тебе. Ведь ты лишь выполнял приказ. В случившемся виноват только вождь Геликона. Он обманул и Сола, не сказав ему, что отправил его дочь на поединок. Сол узнал об этом, лишь когда распространился слух о смерти Соли.

— Так Сол пришел отомстить за Соли?

— Похоронить ее. Он уже отомстил, убив Боба и спалив все подземелье. В суматохе пропала Соса. Он хотел похоронить Соли, но, не найдя ее тела, отправился на поиски, и мы с ним встретились. Ты к тому времени уже ушел вместе с ней.

— Пошли, — сказал Вар, понимая, что они теряют бесценное время. — Она в школе. У нее неприятности.

Император последовал за Варом, к ним присоединились Сол и еще четверо гладиаторов. Вар провел их через дыру в изгороди, мимо клеток с дикими животными. Жаль, что никто не поднял тревогу: он бы тогда выпустил зверей... Они залезли в грузовик, Вар завел мотор, закоротив провода зажигания, и машина покатила на юг.

* * *

За невестой император Чин со свитой прибыл в тот же день, когда грузовик с гладиаторами остановился в лесу неподалеку от школы. К досаде Вара, школу усиленно охраняли. Атаковать в лоб было бы чистой воды безумием.

А вдруг Соли не желает, чтобы ее спасали?

— Она наотрез отказывалась учиться в школе? — спросил Вара Безымянный. — Рвалась и дальше странствовать с тобой?

— Да, — подтвердил Вар. — Но это было год назад. А теперь она выросла...

— Но тебе по-прежнему хочется быть с ней?

— Да.

— А этот Чин, он выгодная для нее партия?

— Да.

— Но тебе не хотелось бы, чтобы он стал ее мужем?

Вару сделалось не по себе.

— Я хочу поговорить с ней. Если она решит выйти замуж за Чина...

Безымянный вздохнул.

— Быть по сему.

Ночь решено было провести в грузовике. Гладиаторы-китайцы, наслаждаясь недавно обретенной свободой, отправились в ближайшую деревню за пищей и бензином. Сол молча слушал: Безымянный расспрашивал Вара о его странствиях, а затем стал рассказывать о своих. Им с Солом повезло: они добрались по туннелю до Алеутских островов, не столкнувшись с уборочной машиной. Миновали улей амазонок, уперлись в очаг радиации и, предположив, что Вар рано или поздно окажется в Азии, направились туда кружным путем — вернувшись назад, добрались по другому туннелю до Чукотки и двинулись берегом моря на юг. Они проделали за эти годы длинный трудный путь, сражались со множеством врагов, полгода назад случайно наткнулись на пограничный патруль и, поскольку ни палицы, ни мечи против винтовок не годились, вынуждены были сдаться в плен.

Вар с удивлением обнаружил, что, освободив гладиаторов, утратнл свободу действий. Командование сразу взял на себя Безымянный. Утром бывшие гладиаторы отправились на свадебную церемонию, Вар же, поскольку его в школе знали как облупленного, остался в грузовике. Сердце гулко стучало в груди. Его неудержимо влекло в самую гущу событий, но сейчас он был вынужден сидеть и ждать.

Глава 19

Соли задремала, перед ее мысленным взором одно за другим поплыли события из ее прежней жизни. Раннее детство среди чокнутых она помнила смутно. В памяти отчетливо запечатлелись лишь снег и холод — белый хрустящий снег и лютый холод. Отец согревал ее, как мог, несмотря на то, что оба они собирались умереть. Каким-то чудом они остались живы. Появилась новая мать — прекрасная Соса. Подземный мир и его обитатели заворожили Соли.

Соса говорила ей, что внешность в мужчине не главное. Куда важнее выносливость и искусство в бою. А самое важное для мужчины — то, что он из себя представляет.

— Если мужчина силен, добр и умен, как твой отец, верь ему до самого конца и стань его другом, — советовала Соса.

Ни один мужчина в подземелье не подходил целиком под эти стандарты. Умного и доброго Джима-библиотекаря природа обделила силой — единственный удар в живот мог запросто свалить его на пол. Боб, вождь подземных, был сильным, но уж никак не добрым. В действительности, только отец Соли — Сол — удовлетворял высоким требованиям Сосы. И Соли училась у отца владеть палицами. Училась и ждала.

И вот однажды Боб послал ее защищать привычный образ жизни от «кровожадных дикарей». На вершине горы Муз она встретилась с Варом — безобразным Варом, как вначале окрестила его про себя. У Вара были пятнистая кожа, волосы по всему телу, неуклюжие пальцы и горб на спине. Однако он был силен и добр. Вар заботился о ней, оберегал, защищал от пронизывающего ветра своим телом, как когда-то отец. Холод был единственным врагом, которого Соли ненавидела и боялась всей душой.

Конечно, Сол был куда умнее. Но она быстро поняла, что Вар хороший человек, хотя и дикарь. Предложила прекратить поединок и ни разу потом не пожалела о своем предложении.

Когда именно ее привязанность к Вару переросла в любовь, Соли сама толком не знала. Наверное, любовь в ней пробудилась после того, как ее в снежной пустыне укусило ядовитое насекомое, и Вару пришлось возвращаться на стоянку, а там заботиться о ней и даже сражаться за нее.

Вскоре она решила, что непременно завладеет его золотым браслетом. Завладеет, как только достаточно подрастет и станет настоящей женщиной. Потом стало известно, что за ними следует Сол, однако Соли, несмотря на горячее желание увидеть отца, осталась с Варом. Она прекрасно понимала, что, если покинет Вара, потеряет его навсегда. Он спасал ее вновь и вновь. От машины в туннеле. От безжалостных амазонок. От радиации, которой она не чувствовала. А последний раз, в лодке, он встал между ней и стрелами.

Пять раз он спасал ей жизнь, рискуя своей и не требуя ничего взамен. Вар был скромным человеком и не кичился своими подвнгами н храбростью. Если бы она не влюбилась в него прежде, то непременно полюбила бы тогда. На Новый Крит Вар попал едва

живым, и она постаралась вернуть долг. Хотя знала, насколько там ценится золото, все же не стала продавать браслет, надеясь когда-нибудь получить его из рук Вара.

Спасая Вара, она заключила сделку со жрецами и вскоре оказалась в храме. Здесь она часто плакала, но вовсе не оттого, что боялась смерти, а потому, что потеряла Вара. Она надеялась, что ему не хватает ее так же сильно, как ей его. То были, конечно, сладкие девичьи грезы. Порой чудилось, что Вар наблюдает за ней и, возможно, даже спасет ее, когда настанет срок, вызвав на поединок бога Минотавра.

И когда она уже отчаялась и смирилась со своей горькой участью, Вар действительно пришел. Помня об условиях сделки со жрецами, она сказала ему «нет», хотя душа кричала «да». Даже оттолкнула его, и он ушел в лабиринт, откуда вернулся живым и невредимым.

А потом они каким-то чудом оказались в море на мощном катере со всеми необходимыми припасами.

Но в их отношениях что-то изменилось, Соли перестала понимать Вара. Она превратилась в женщину, способную и готовую принять его как мужчину, а он по-прежнему относился к ней как к ребенку. Почему? Разве он спас ее от неминуемой смерти только для того, чтобы затем пренебречь?

Со временем Соли поняла, что изменилась она, а не он, но Вар этого не понимает. Во многих отношениях он был очень наивен. Должно быть, для него она всегда будет ребенком.

Что же предпринять, чтобы он разглядел в ней женщину? Она прикидывала и так, и эдак, как вдруг в одну из ночей ее пленили и силком приволокли в школу для благородных девиц вооруженные воины. Вначале она полагала, что Вар погиб, но затем, узнав правду, пришла в ярость и не успокаивалась несколько недель.

Потом у нее будто глаза открылись. Ведь из ворот школы она выйдет истинной женщиной! Во всяком случае, в его понимании. Он хочет, чтобы она прошла здесь курс обучения, а затем вручит ей свой браслет!

Сообразив, что к чему, она повела себя совершенно иначе, чем раньше. Она быстро поняла, что в этой школе неплохо обучают, а начальница, хоть и строга, вполне достойная женщина. Соли выучила множество новых иероглифов, освоила другие дисциплины, о существовании которых прежде и не подозревала. Самое важное заключалось в том, что она стала искусительницей, способной при необходимости жонглировать чувствами едва ли не любого мужчины. Оказалось, что добиваться от мужчин желаемого можно не только силой оружия, но и красотой, лестью и даже слабостью.

Короче говоря, Вара ожидало видимо-невидимо сюрпризов.

И вдруг, против собственной воли, Соли стала невестой императора Чина. Молва утверждала, что его далекие предки основали королевство за тысячу лет до Взрыва. Император был богат и могуществен, и стоило ему только мигнуть глазом, как любая девушка с радостью отправилась бы в его гарем. Любая, но не Соли. Она давно выбрала для себя мужчину.

Но она не отчаивалась, веря, что сумеет избавиться от Чина и завоюет сердце Вара.

За две недели до появления императора Вар наконец-то попытался увидеться с ней, но был пойман вооруженной до зубов охраной. Из окна спальни Соли видела, как его схватили и увели, но помочь ему ничем не могла. Позднее она поговорила с начальницей, и та заверила ее, что Вар невредим, его всего лишь увезли за сотни миль от школы и даже дали с собой денег. Он будет в безопасности, если только не выкинет очередную глупость.

Девушка повернулась на другой бок и вновь задремала. Пока она не имела понятия, как вести себя с Чином. Просто отказаться от предложения руки и сердца? Тогда ее наверняка похитят, а дальше... По слухам, Чин жестоко расправляется с ослушниками. Кроме того, пострадает школа. Нет, так действовать не стоит.

Наверное, лучше всего провести с Чином брачную ночь, а под утро, залившись слезами, поведать о своей разрушенной любви. Да, романтические истории, рассказанные в нужную минуту и с нужными интонациями, часто разят знатных, умудренных опытом воинов наповал. Необходимо лишь продумать все до мелочей.

А если не получится, она всегда может убежать. Скажем, через неделю, через месяц. Школа тогда не пострадает. Затем Соли найдет Вара и станет его женщиной.

План казался ей безукоризненным, только вот Соли не была уверена в Варе. Мужчину-то она в нем разбудит, можно не сомневаться. Девушка не доверяла его здравому смыслу. В порыве ревности он мог еще до свадьбы вернуться в школу или даже напасть на Чина. Предусмотрительностью и осторожностью Вар никогда не отличался. И доказательство тому, например, вызов Минотавру...

Но может, именно за эти качества она его и любит?

Интересно, что стало с ее отцом и Безымянным? Неужели они отказались от преследования? Вряд ли. Как только браслет Вара окажется у нее на руке, она разыщет их и примирит со своим мужем.

Наконец воспоминания, предположения и планы на будущее отступили, и Соли погрузилась в глубокий сон.

* * *

Чин оказался гораздо более крупным мужчиной, чем Соли себе представляла по слухам. Он был безобразно толст. В юности император, наверное, был симпатичным, но те времена давно миновали. Даже роскошные просторные одеяния не скрывали чудовищно раздувшегося живота.

Выглянув утром из окна, Соли увидела, как Чин осматривает своих воинов, даже не удосужившись приподняться с подушек, которые устилали заднее сиденье открытого автомобиля. Внезапно она засомневалась в своей способности сыграть на чувствах этого обрюзгшего чудовища. Он выглядел слишком старым, слишком равнодушным, чтобы на него могли произвести впечатление душевные терзания молоденькой девушки.

Быстро расправившись с завтраком, Соли занялась своей внешностью — приняла горячий душ, облачилась в сложный праздничный костюм. Прическа, ногти, макияж. Она придирчиво осмотрела свое отражение в зеркальной стене. Лицо под шляпкой с широкими полями казалось лицом эльфа, ступни в изящных туфельках выглядели крошечными, как того и требовали местные представления о красоте. Ни одна женщина в Америке не носила столь причудливых, стесняющих движения одежд, но все же Соли решила, что выглядит привлекательной.

Выпускная церемония прошла строго по регламенту. Одна за другой тридцать пять девушек поднимались на подиум, получали свои дипломы, кланялись и, семеня ножками, направлялись во двор, где их уже поджидали преисполненные гордостью родственники. Соли как почетной выпускнице вручили диплом последней.

Чин со свитой ожидал ее у ворот школы. На нем была военная форма, увешанная медалями и орденскими лентами. Будь у него грудь и живот хотя бы чуть-чуть поменьше, всем его наградам не нашлось бы места. Сплошь в золоте и драгоценностях, однако золотого браслета на руке, разумеется, нет и в помине.

Соли улыбнулась Чину, повернула голову так, что в ее глазах и на белоснежных зубах маняще сверкнул солнечный свет. Затем приблизилась к императору, постаравшись продемонстрировать все свои прелести.

Как учили в школе, она показывала товар лицом.

Император, взяв Соли под руку, повернулся; она тоже повернулась, будто связанная с ним невидимой цепочкой, и они чинно направились к автомобилю.

Зеваки за спинами солдат вытягивали шеи, силясь получше рассмотреть императора и его новую красавицу невесту. Большинство зрителей составляли местные жители, однако среди них затесались и те, кто по такому случаю проделал немалый путь. Порядок в толпе поддерживали воины здешнего мандарина, который вовсю стремился угодить вспыльчивому Чину.

Рядом с императорским автоматчиком стоял мужчина в длинном, до пят плаще... Соли, перехватив его взгляд, присмотрелась и...

— Сол! — невольно вырвалось у нее.

Словно и не было пяти лет и тысяч миль разлуки. Казалось, они расстались только вчера.

Услышав возглас и проследив за взглядом девушки, император спросил требовательно:

— Кто это?

Отлично вышколенные солдаты немедленно окружили Сола. В глаза Соли неожиданно бросилось, что на левой руке отца не хватает большого пальца.

Она пришла в ярость. Сола продали в гладиаторы! По непонятным ей самой причинам, вину за это девушка возложила на Чина.

Соли ударила Чина ребром ладони по горлу, как когда-то учила Соса. Тот покачнулся, осел на землю. Солдаты схватились за пистолеты.

Сол принялся наносить удары налево и направо. В его руке блеснул кинжал. Одним прыжком он оказался рядом с императором и приставил кинжал к горлу Чина.

Солдаты с трудом сдерживали толпу. Соли вдруг стало страшно за отца. Его наверняка убьют. Слишком много солдат, слишком много пистолетов. У кого-нибудь непременно дрогнет рука, раздастся выстрел, который будет стоить жизни не только императору, но и...

Внезапно сквозь толпу протолкались гиганты, которые принялись разбрасывать в разные стороны охрану. Гладиаторы! Большего переполоха не устроили бы выпущенные на свободу голодные тигры. В считанные секунды все солдаты с пистолетами оказались обезоруженными; некоторые все же успели выстрелить, но промахнулись. Закипела рукопашная.

Сол, отшвырнув Чина, схватил Соли на руки и забрался на переднее сиденье императорского автомобиля. С другой стороны кто-то ударом ноги вышвырнул из машины шофера и уселся на его место. Взвыл мотор. В машину на ходу вспрыгнули двое гладиаторов. Они яростно вращали мечами, не подпуская близко воинов императора. Путь машине преградила толпа зевак. Гладиаторы спрыгнули и расчистили дорогу так быстро, что солдаты не успели воспользоваться заминкой.

Соли узнала в водителе Безымянного — человека, который поклялся убить Вара!

Сзади послышались выстрелы, но толпа была настолько плотной, что в беглецов не попала ни одна пуля. Автомобиль наконец выехал на дорогу и, набирая скорость, понесся прочь.

— Надеюсь, Вар не зазевается, — сказал Безымянный.

— Вар? — едва слышно переспросила Соли. — Так вы нашли Вара?

— Скорее, он нашел нас. Освободил. Привел сюда. Мы... — Он показал ей левую руку без большого пальца.

— А вы не... Не дрались? Ты и Вар?

Он промолчал, но было очевидно, что боя между ними не состоялось.

— Ты хочешь и дальше путешествовать с Варом? — спросил он через минуту.

Она удивилась, почему Безымянный интересуется ее чувствами к Вару, но все-таки твердо ответила:

— Да.

Автомобиль мчался на север.

Глава 20

Заслышав стрельбу, Вар повел грузовик к школе. Если Соли пострадала, он раздавит императора в лепешку! Мимо понесся открытый автомобиль — за рулем Безымянный, рядом Соли и Сол, на заднем сиденье двое гладиаторов. Вырвались!

Но многочисленные воины императора, оправившись от замешательства, схватились за винтовки. Вар до отказа вдавил педаль газа и бросил машину вперед, прикрывая автомобиль с беглецами. В кузов запрыгнули двое. Вар повернулся, готовясь к схватке, но узнал гладиаторов.

Ему удалось прикрыть автомобиль Соли, а вот грузовик уже никто не прикрывал. Загрохотали выстрелы, задние колеса спустили. Вар отчаянно сражался с рулем, зная, что, если остановится, им конец.

Мотор протестующе выл, руль вырывался из рук, грузовик рыскал из стороны в сторону.

Наконец, опасность миновала, но надолго ли... Они свернули за поворот и оказались недосягаемыми для пуль, однако вот-вот должна была показаться погоня.

— Бежим! — крикнул Вар. Двигатель, будто услышав его, тут же заглох.

Они скрылись в лесу в тот самый миг, когда из-за поворота показался первый автомобиль с преследователями. Послышались крики и выстрелы — солдаты обстреливали грузовик, не подозревая, что тот уже пуст.

— Мы сполна расплатились с тобой, — сказал один из гладиаторов.

— Да, — охотно согласился Вар. — Вы мне больше ничем не обязаны.

Гладиатор кивнул.

— Мы без труда затеряемся среди своего народа. Что же касается тебя, очень жаль, но нам придется расстаться. Иначе мы все погибнем, ведь Чин не ведает жалости.

— Договорились, — откликнулся Вар. — Расходимся.

Он махнул на прощание рукой и скрылся за деревьями. Быстро запутав следы, — сказывалось умение, приобретенное в детстве, — он забеспокоился о судьбе Соли, ее отца и императора. Сумеют ли они отделаться от погони? И если да, где их искать?

Какое-то время спустя Вар выбрался на дорогу и двинулся по ней на север — туда, куда укатил императорский автомобиль. По дороге изредка проезжали машины. Заслышав шум мотора, Вар

прятался в кустах или в кювете. Рано или поздно он отыщет машину с беглецами... Или найдет ее брошенной у обочины.

С юга приближался очередной автомобиль — на сей раз грузовик. Вар, как обычно, спрятался. Его чуткие ноздри уловили запах пыли, отработанного горючего и... аромат духов Соли! Либо девушку схватили воины, либо...

Он выбежал на дорогу. Грузовик остановился. Из кабины высунулась Соли, которая крикнула:

— Влезай быстрей!

Гладиаторы, которые до сих пор сопровождали американцев, распрощались с ними, как двое других с Варом, и скрылись в лесу. Вар, Соли, Сол и Безымянный впервые оказались вчетвером.

— А теперь разработаем план бегства, — сказал Безымянный, лихо крутя баранку. — Дорога блокирована. Мы едва не угодили в засаду, но сумели удрать и даже захватили грузовик, оставив солдатам в подарок императорский автомобиль. Боюсь, во второй раз подобный прием не сработает. Если мы бросим грузовик, по нашему следу пустят собак. Чин нас, без сомнения, в покое не оставит, а в подобных делах ему опыта не занимать. Видимо, будут потери — порядка пятидесяти процентов.

Вар не совсем понял.

— Это как?

— Двое из нас погибнут.

Вар взглянул на Соли. Она сидела на коленях Сола между Варом и Безымянным. Настоящая светская дама, такая красивая, особенно в сравнении с грубыми мужчинами в грязных одеждах.

До чего хорошо она усвоила женскую науку! И до чего далека! Нелепо было на что-то надеяться. Он ей не нужен. Она снова с отцом, а его взяли с собой лишь по чистой случайности.

— Ты прожил здесь около года Вар, — сказал Безымянный. — Должно быть, знаешь эти места. Какой маршрут нам лучше выбрать?

Вар задумался.

— К югу тянутся равнины, но там владения Чина. К востоку и западу находятся горы, на грузовике не проехать. Хотя, конечно, одолеть горы мы можем и пешком. Правда, тогда нам не миновать встречи с собаками, — добавил он, сообразив, что Безымянный вовсе не собирается бросать грузовик. — Только вот...

Вар замолчал, догадавшись, что Безымянному все это уже известно.

Чтобы нагнать их среди северных долин, Чину понадобится великое множество воинов и собак; вдобавок обитающие там дикие племена, скорее всего, вступят в бой с регулярными войсками. Идеальный путь к спасению. Однако через полсотни миль начинаются Гиблые Земли, которые служат естественной преградой между цивилизованными южанами и примитивными кочевыми племенами севера. Преодолеть Гиблые Земли можно лишь по единственной дороге, что бежит через ущелье. Но в самом узком месте ущелья стоит гарнизон, подчиняющийся верному союзнику Чина.

— Думаю, нам следует двигаться на север, — сказал Безымянный.

Ответа не последовало. Всем было ясно, что стычки с гарнизоном избежать невозможно.

— Пока я был гладиатором, — продолжал император, —то частенько размышлял над чисто теоретической проблемой: может ли десяток храбрых воинов выдворить из укрепленного форта целое войско?

— Но нас всего лишь четверо! — запротестовал Вар, понимая, что форт не взять даже сотне воинов.

Безымянный пожал плечами. Мимо изредка проезжали автомобили, и пассажиры пригибали головы, стараясь не привлекать к себе внимания. Когда до форта осталось всего лишь несколько миль, а к дороге вплотную подступили Гиблые Земли, Безымянный повернул и повел грузовик через холмы, велев Вару:

— Предупреди, как только почувствуешь радиацию.

Минут через пять Вар сказал, что ощущает жар. Безымянный немедленно отвел грузовик немного назад и остановил.

— Теперь найдем несколько горячих камней таких размеров, чтобы их можно было погрузить в кузов. Касаться камней мы, конечно, не будем, а соорудим простейший подъемный механизм и затащим их наверх.

Так они и поступили. Соли наблюдала за их действиями, не скрывая неодобрения. Вар внутренне был с ней согласен. На его взгляд, они попусту теряли время, а ведь к ним неумолимо приближались посланные в погоню воины Чина.

Набросав в кузов булыжников, чтобы обезопасить себя от радиации, они вновь выехали на дорогу и направились к форту.

— Теперь нам предстоит самое трудное, — сказал Безымянный. — Тут под боком радиоактивная пустыня, поэтому у каждого солдата в форте имеется при себе счетчик Гейгера. Когда мы подъедем, эти счетчики затрещат как сумасшедшие, и солдаты в панике разбегутся.

— И правильно сделают. — Соли пожала плечами. — Я вся извелась от страха, пока наблюдала, как вы грузите горячие камни.

Вару наконец-то стало ясно назначение смертоносных камней в кузове.

— Вполне возможно, солдаты настолько перепугаются, что и стрелять не станут, — продолжал Безымянный. — Побегут так быстро, что только пятки засверкают.

— С какой стати? — спросил Вар. — Ведь камни в грузовике.

— Мы перетащим их с грузовика в форт.

Вар похолодел. Остальные, похоже, разделяли его чувства.

— Перетащим радиоактивные камни? Но солдаты не позволят нам воспользоваться веревками!

— Двое из нас перетащат камни на себе, а потом, сколько смогут, будут удерживать форт. Вторая пара двинется через Гиблые Земели к океану, а затем...

— Нет! — вскричали в один голос Вар и Соли.

— Я упомянул о пятидесяти процентах, — напомнил Безымянный. — Похоже, вы, молодые люди, основательно размякли за какой-то год в школе для благородных девиц. Прежде чем отвергать мой план, представьте себе, что нас ожидает, если мы попадем в руки Чина. Поэтому нужно уносить ноги, и как можно скорее. Наверняка, уже спущены собаки, которые, как мы с Солом знаем по собственному опыту, мягкостью нрава не отличаются.

Вар понял, что Безымянный прав. Пощады от здешних солдат ждать не приходится. Их ничто не остановит, кроме, разве что, пушек и радиации.

— Кто уйдет? — спросила Соли едва слышно.

— Ты, — твердо ответил Безымянный. — И тебя будет охранять один из нас.

— Кто именно? — еще тише спросила Соли.

— Тот, кто тебе ближе всего. Тот, кому ты всем сердцем веришь. Кого любишь. — После короткой паузы Безымянный добавил: — Очевидно, не я.

— Твой отец, — сказал Вар.

— Сол, — быстро подтвердил Безымянный.

Решение было принято. У Вара защемило сердце.

Скоро ему предстояло умереть. Умереть медленной, мучительной смертью. Если он коснется одного из камней, что лежат сейчас в кузове, его кожа предупредит о радиации, но защитить его не сможет. Тем не менее он был даже рад, что никогда не желал для себя большего, чем погибнуть, сражаясь плечом к плечу с Безымянным. Так оно и случится. А Соли спасется, и рядом с ней будет ее отец. Они вернутся в благословенную страну, где соблюдается кодекс чести круга. Вару болезненно захотелось очутиться там хотя бы на долю секунды.

Он умрет, думая о Соли. Любимой Соли.

Показался форт, дорогу впереди перекрывала металлическая решетка, а по сторонам высились отвесные скалы. Грузовик остановился перед решеткой, сзади с грохотом опустилась другая, приведенная в движение здоровенной лебедкой.

— Выходите! — крикнул охранник с башни.

Они вышли и выстроились перед кабиной в ряд.

— Да это же невеста Чина! — изумился охранник. — Его бесценная иностраночка!

Внезапно в руках императора оказался лук, коротко звякнула тетива, и охранник упал со стрелой в горле.

Вар повернулся было к машине, собираясь лезть в кузов за камнями, и вдруг попал в стальные объятия Безымянного, который потащил его к кабине.

В то же самое время Сол схватил свою дочь и поставил ее перед Варом. Безымянный снял с запястья Вара браслет и протянул Солу. Тот взял браслет и надел его на руку Соли. Потом молодых людей одновременно отпустили, слегка подтолкнув в спины. Чтобы не упасть, они непроизвольно обнялись, а пока приходили в себя, Сол и Безымянный уже вытащили из кузова смертоносные камни и стали карабкаться по перекрывшим дорогу решеткам. Пока солдаты соображали, что происходит, бывшие гладиаторы в два счета преодолели решетки.

Безымянный швырнул камень к ногам солдат.

— Слушайте!

Даже Вар услышал щелчки из приборов, которые висели у каждого солдата на поясе. Раздались испуганные вопли. Безымянный крутанул рукоять лебедки, которая поднимала решетку, и крикнул:

— Уезжайте!

Вар занял водительское место, Соли села рядом. Оказалось, что двигатель никто не глушил. Безусловно, Безымянный спланировал все до последней мелочи.

Вар выжал сцепление, надавил на газ. По крыше кабины проскрежетали острые прутья на конце решетки, и грузовик вырвался на дорогу. Позади раздался грохот. Вар посмотрел в зеркальце заднего вида. Дорогу снова преграждала решетка. Видимо, Безымянный перерезал веревку, чтобы задержать таким образом погоню. Проехать здесь преследователям удастся нескоро.

Отъехав от форта миль на пять, Вар притормозил.

— Несправедливо! — воскликнул он, наконец-то обретя голос. — Остаться должен был я...

— Нет, — сказала Соли. — Все произошло именно так, как и должно было произойти.

— Но, Соли...

— Вара, — поправила она.

Вар оторопело уставился на свой золотой браслет, обнявший ее запястье.

— Но я не...

— Теперь ты — мой муж, и мы отправимся назад в Америку и расскажем всем о том, что повидали в чужих краях. Наше социальное устройство далеко не худшее, правда? И незачем его разрушать, создавая бескрайнюю и примитивную империю, уничтожая подземных, а затем и чокнутых, захватывая автоматы и огнеметы. Если мы — мы с тобой — не остановим их, новый Взрыв неизбежен.

— Да, — согласился он.

Затем, вспомнив, как пожертвовали собой оба ее отца, Вара прижалась к Вару и, словно маленькая девочка, расплакалась.

— Они умерли, сражаясь вместе, — сказал Вар. — Они погибли друзьями.

Его слова были правдой, но утешения им, чудом избежавшим смерти, не принесли.

Перевел с английского
Александр ЖАВОРОНКОВ

Иосиф Линдер

ПРЕЖДЕ ДУХ, ПОТОМ ТЕЛО

Автор этой статьи — фигура почти легендарная. Президент Международного союза боевых искусств, президент Международной контртеррористической ассоциации, доктор юриспруденции и доктор медицины, Мастер 8-го дана по джиу-джитсу, автор ряда книг о философии, истории боевых искусств и восточной медицине, практикующий наставник боевого мастерства — и все это в одном лице. Редакция журнала попросила И.Линдера рассказать нашим читателям о традициях восточных единоборств, имея в виду, что это направление субкультуры наиболее близко к «идейным основам» вымышленного мира П.Энтони.

Восточные единоборства... Еще совсем недавно, каких-нибудь лет пятнадцать назад, они представлялись нам — абсолютному большинству непосвященных обывателей — чем-то загадочно-экзотическим, окутанным малопонятными для нас тайнами непривычной философии, абсолютно иной человеческой психологии. Наше поверхностное представление о боевых искусствах Востока ограничивалось, как правило, случайно увиденными на киноэкране фрагментами рукопашных схваток. Объективная информация почти полностью отсутствовала, зато доморощенные полуподпольные секции каратэ плодились, как грибы: неизвестно кто «учил» собравшихся неизвестно чему. К тому же, пожалуй, все восточные единоборства по неосведомленности ассоциировались у нас в первую очередь с каратэ (дзюдо здесь не в счет, поскольку культивировалось оно в СССР достаточно давно и хотя бы по внешним признакам немногим отличалось от отечественного детища — самбо).

В последнее десятилетие ситуация в корне изменилась. Демократизация нашего общества взломала жесткие рамки информационного потока. Каратэ, у-шу, айкидо, таэкаондо и другие виды восточных единоборств покинули полутемные подвалы и предстали перед российским зрителем во всем своем многообразии. Не остался в стороне и видеорынок, выплеснувший на домашние телеэкраны несметное количество разносортной зарубежной кинопродукции. Сегодня, наверное, почти любой мальчишка сможет безошибочно различить особенности техники японского каратэ и, скажем, китайского у-шу. А ностальгически близкие сердцу старшего и среднего поколения «казаки-разбойники» заменены у нынешней детворы играми в «ниндзя» и «Рэмбо». Но давайте попробуем разобраться, насколько то, что нам предлагается под вывеской «Боевые искусства Востока», соответствует их подлинному духу и нравственным законам.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вернуться к истокам и вспомнить многовековую историю восточного воинского искусства, его традиции и философию: С древних времен на Востоке, где очень высок статус теории военного дела, огромную роль играл идеал выдающейся личности — полководца, владеющего этой теорией и способного воплотить ее в жизнь. Идеальный восточный полководец обычно представал как воин-мудрец, свободный от любых личных притязаний в силу того, что познал высший закон и неукоснительно следовал ему. Для формирования подобного идеала имелись реальные предпосылки. Войны на Востоке шли постоянно, длились долго и захватывали огромные массы людей. Все это сильнейшим образом влияло на образ жизни и сознание. Победы и поражения постоянно сменяли друг друга. Для сохранения душевного равновесия в столь бурно меняющемся, жестоком мире человеку просто необходимо было обрести психологические и нравственные сверхустои, чтобы превозмочь все невзгоды, ему требовались дополнительные знания и средства. Он пытался постичь то главное, что определяло не только его личную судьбу, но и пути существования и развития окружающего мира, истории, космоса. В результате самопознание становилось тождественным познанию всего бытия — везде ощущалось действие высшего закона, знание которого давало мудрость и силу, диктовало определенные этические нормы отношений. Поэтому само воинское искусство возвышалось до пути познания мира, самопознания и совершенствования личности, что привело к появлению в средние века на основе синтеза китайского даосизма, буддизма и японского дзэна с дальневосточными боевыми искусствами «дзэнских» видов борьбы, которые были подняты с уровня просто боевой техники («будзюцу») до высот воинского пути («будо»). Это выразилось в кардинальном переосмыслении боевой практики как особого направления духовно-нравственного совершенствования человека.

В даосской и дзэнской культурных традициях боевые искусства не были противопоставлены изящным или «мирным». Все виды искусств рассматривались как дополняющие друг друга. Здесь можно вспомнить известного японского мастера фехтования, каллиграфа и философа дзэна XIX века Тэссю Ямаскэ, который, наряду с каждодневными упражнениями с мечом, постоянно совершенствовался в каллиграфии, исписывая иероглифами 400 — 600 листов в день. И то, и другое, по его утверждению, дисциплинировало тело и сознание, служило способом духовного развития.

Так что же представляет собой высший закон, составляющий духовную основу боевых искусств Востока? Это дзэн — философско-религиозное течение, благодаря которому удалось разрешить сложнейшие нравственные проблемы, связанные с насильственной природой боевых действий. Основная идея дзэна состоит в радикальной перестройке сознания, открывающей путь к естественной, гармоничной жизни, к обретению духовной связи со всеми живыми существами, к единению с природой и космосом. Испытать подобные чувства, согласно дзэну, не может человек, чье сознание замутнено житейскими заботами, невзгодами, пристрастиями. Цель дзэнской практики состоит в очищении и достижении изначальной ясности сознания. Ее идеал — так называемое «пустое сознание». «Пустое» в том смысле, что оно не взволновано беспорядочными мыслями, не блокировано предвзятыми мнениями и представлениями и тем самым постоянно пребывает в готовности спонтанно и верно воспринимать явления окружающего мира. Данная цель достигается через так называе-

мое «интуитивное озарение» (сатори) благодаря определенной практике сосредоточения (медитации), а также с помощью множества специальных приемов, помогающих «взорвать» обычное сознание, осуществить его «переворот», который способствует интуитивному проникновению в природу вещей.

Какова же позиция дзэна в тех случаях, когда противник, например, гибнет от стремительного взмаха самурайского меча? Как совмещаются мирный дзэн и насилие? Этот парадокс разрешается в восточной традиции примерно так. «Пустое сознание» мастера олицетворяет естественную гармонию его бытия. Оно — главный источник спонтанного восстановления гармонии, если что-то или кто-то стремится ее нарушить. Когда мастер подвергается неожиданному нападению, он действует бессознательно, автоматически, не испытывая злобы или ненависти к врагу, а просто следуя природной справедливости... Иными словами, мастер *не замышляет убийства, не нападает первым.* Мера наказания противника прямо пропорциональна силе «возмущения покоя», в котором пребывает мастер. Именно этим определяются пределы необходимой обороны. Если опасность мала, мастер уклоняется от боя, если существует реальная угроза жизни, он ведет себя сообразно ситуации.

К сожалению, многое из сказанного выше характеризует главным образом традиции прошлого. Если говорить о настоящем, то строгое следование классическим канонам можно встретить, пожалуй, только на исторической родине восточных единоборств. Однако реальность наших дней — их массовое распространение во многих странах мира. Конечно, столь бурное шествие боевых искусств Востока по планете наложило весьма заметный отпечаток на их современный облик. По мнению специалистов, даже удивительная жизнестойкость и гибкость, формировавшиеся веками, увы, уже не способны гарантировать естественное развитие традиции за пределами дальневосточного региона. Происходит интенсивный распад боевых искусств как целостной культурной традиции. В результате обособляются и приобретают самостоятельность различные направления. Главные из них — это лечебно-оздоровительная гимнастика, спортивные единоборства и рукопашный бой.

Сегодня все большую популярность, в том числе и в России, завоевывают чисто прикладные направления единоборств. Одно из них — профессиональный спорт, культивирующий контактные стили («фул-контакт», «кикбоксинг»), сохраняющий связь с боевыми искусствами Востока только на уровне техники. При всей внешней похожести на традиционные виды их нельзя причислить к восточной культурной традиции. Ради справедливости необходимо отметить, что в таких поединках существуют определенные правила, четко регламентирующие действия соперников, а некоторые удары и болевые приемы запрещены. Но вот совсем недавно, минувшим летом, мы могли стать свидетелями поединков современных гладиаторов, проходивших на арене цирка под знаменем «бой без правил», причем в абсолютной категории (то есть вес противников, выходивших драться друг с другом, никакого значения не имел).

Другое обособившееся направление — рукопашный бой — вообще ведет к пренебрежению духовно-нравственными основами и устоями традиции. Он выродился в голую технику «для служебного пользования», а порой, однозначно, в технику убийства.

Но все-таки, что стоит за понятием «дальневосточные боевые искусства» с точки зрения их историко-культурной целостности? Они различаются по национальной принадлежности (китайском у-шу, корейское таэквондо, японское будзюцу). Существует также разграничение по видам на основе преобладания определенной техники: у-шу, таэквондо, каратэ образуют одну группу, поскольку базируются главным образом на различных ударах и органично включают использование разных видов оружия. Другую группу составляют китайские, корейские и японские разновидности джиу-джитсу, японские дзэдо и айкидо, где преобладают захваты, броски, удержания, болевые приемы, удушения. Известны обособленные виды борьбы с традиционным оружием: самурайский меч, нунчаку, тонфа, сай...

Впрочем, несмотря на специализацию видов борьбы с различными предметами, владение традиционными видами оружия входит в общую многоборческую подготовку мастеров боевых искусств. Самостоятельную группу составляют виды, использующие стрелковое или метательное оружие. Это клинки или диски различной конфигурации (сюрикены), широко применявшиеся в арсенале знаменитых ниндзя — «воителей теней», суперменов феодальной эпохи, получавших самую разнообразную боевую подготовку.

В XX веке по мере превращения боевых искусств в обособленные виды спортивных единоборств многоборческая подготовка стала утрачивать свое значение. В то же время дань традиции до сих пор отдается и в китайском у-шу, и в японском каратэ. Более того, стремление родоначальников единоборств к возвращению традиционного статуса искусства Будо ведет к возрождению всего комплекса боевой подготовки старых мастеров на современной основе. Одним из ярких примеров здесь, пожалуй, является школа Кекусин Будо каратэ. На высших уровнях мастерства там необходим такой универсализм, который повторяет некоторые черты уникальной системы ниндзя-до. По мнению основателя школы Масутацу Оямы, человек, не способный без оружия эффективно противостоять вооруженным противникам, не умеющий любое подручное средство использовать для защиты или атаки, не может считаться мастером высокого класса.

Современная ситуация, связанная с широким распространением восточных боевых искусств по странем и континентам, с их изучением, взаимодействием, конкуренцией, порождает реформы по универсализации стилей. Наиболее радикальной из них признается реформа Оямы. Впервые в истории боевых искусств Востока на базе контактного каратэ был осуществлен синтез наиболее эффективных технико-тактических элементов и приемов, заимствованных из китайских, японских, корейских и иных школ.

Общекультурное предназначение искусств Будо, объединяемых идеей совершенствования человека, состоит в приведении к подлинной гармонии всей его жизнедеятельности: в природе, культуре и обществе. Так не возможность ли обретения такой гармонии оказывается столь притягательной в современном конфликтном и далеко не гармоничном мире?..

Долг.

Воин должен быть мудрым, милосердным и мужественным. Без этого он ничего не добьется. Если хочешь стать мудрым, советуйся с другими, если хочешь стать милосердным, помогай другим, если хочешь стать храбрым, бросайся на врага и вырывай у него победу. Все это необходимо в жизни. Достойные поймут это.

Тренировка воина.

Тренируя себя, никогда не надо думать об отдыхе. Нужно быть корректным и внимательным даже в собственном доме. Надо быть скупым на слова. Вместо десяти слов говорите одно. Следите за своими губами, прежде чем сказать. Иногда бывает достаточно одного слова, чтобы доказать свое мужество. И в смутах надо быть таким же спокойным, как в мире. Одно слово может выдать труса. Надо помнить, что часто одно слово бывает содержательней ста.

Самовоспитание.

Воспитанию человека нет конца. Бывает, что вы вдруг начинаете чувствовать себя достигшим полного совершенства и перестаете заниматься тем, чем занимались до сих пор. Между тем, кто хочет быть совершенным, тот всегда должен помнить, что он еще очень далек от этого. Только не довольствующиеся уже достигнутым и постоянно стремящиеся к высоким достижениям будут почитаться потомством за лучших людей.

Совет старого воина.

— Все возможно для вас, когда вы работаете с усердием.
— Будьте почтительными: от излишней учтивости ваша кисть не испортится.
— Будьте учтивыми и вежливыми.
— Жизнь человеческая быстролетна, имя вечно
— Можно добыть золото и серебро, но хороших людей и правду — не всегда.

«Бусидо». Кодекс самурайской чести.

3'95

ИНТЕРКОМЪ

ЖУРНАЛ в ЖУРНАЛЕ

ФАНТАСТИКА: НОВОСТИ, МНЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Художник Петр Кудряшов

«ИНТЕРКОМЪ» — критико-публицистический и информационный журнал, основан в апреле 1991 года, издается при участии издательства «Terra Fantastica» издательского дома «Корвус», с января 1995 года выходит ежеквартально в составе журнала фантастики и футурологии **«ЕСЛИ»**

Адрес для корреспонденции:

190068, Санкт-Петербург,
Вознесенский пр , 36-4,
«Terra Fantastica»,
Черткову Андрею Еагеньевичу

Телефон: (812)-554-38-16

ТЕНДЕНЦИИ

В надежде на читателя

Кризис, который переживал книжный рынок фантастики в прошлом году, привел к резкому падению тиражей и относительному оскудению ассортимента. В начале года нынешнего ситуация, оставаясь достаточно острой, все же перестала быть такой критической. Издатали научились выпускать книги малыми тиражами и чутко реагировать на спрос. И вдруг оказалось, что читатели покупают не только переводную литературу.

Первым воспрял отечественный триллероподобный «мэйнстрим». Вслед за баспрецедентным успехом «Русского транзита», первого национального бестселлера эпохи рыночного книгоиздания, появилось несколько других удачных книг, авторы которых ныне и составляют когорту «наиболее издаваемых и покупаемых». Любопытно, что, помимо Андрея Измайлова, есть среди них и другие «бывшие фантасты» — например, Борис Руденко и Михаил Веллер.

Те же авторы, которые захотели попасть в «обойму», на порывая полностью с фантастикой, занялись скрещиванием жанров. Из них самым «раскрученным» продолжает оставаться Василий Головачев, но и ему, похоже, придатся скоро потесниться: на рынок выходят авторы совершенно нового поколения. Так, в Саратове с явной нацеленностью на скандал вышел роман некоего Льва Гурского «Убить президента», примеряющий прозрачные образы современных российских политиков к возможным событиям ближайшаго будущего. Из фантастов с более известными именами можно назвать петербуржцев Александра Щеголева и Александра Тюрина. Первый выпустил повесть «Инъекция страха», сюжет которой завязан на испытании российскими спецслужбами психотронного оружия, а второй — роман «Волшебная лампа генсека», где столкнул советского разведчика с древними шумаро-вавилонскими богами и демонами.

Продолжает, однако, издаваться и более традиционная фантастика. Значитальным событием стал выход в московском издательстве «Текст» романа С.Витицкого «Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики» — фантастико-реалистичаского произведения, написанного в развитие стилистики и идей поздних Стругацких. Книга издана в оформлении, позволяющем поставить ее на полку как 13-й том собрания сочинений Стругацких, выпущенного ранее тем же издательством. Нижегородский «Флокс» подарил читателям роман Святослава Логинова «Многорукий бог далайна» — умную и оригинальнейшую фэнтези Патербургское издательство «Лань» напечатало не только упоминавшийся выше роман Тюрина, но и долгожданную книгу Вячеслава Рыбакова «Гравилет «Цесаревич» Все перечисленные книги вполне заслуживают звания «интеллектуальная фантастика». Мы можем отметить, что, оказывается, не едиными боевиками жив наш читатель.

Правда, о боавиках не забывает питерская «Азбука», один за другим выпустившая два тома нового фантастического сериала Николая Перумова «Хроники Хьерварда» — «Гибель Богов» и «Воин Великой Тьмы». Кажется, это первый серьезный проры к читателю многотомной эпической фэнтези отечественного исполнения. И, похоже, эксперимент оказался вполне успешным.

Свой вклад в оживление русскоязычной фантастики вносят и региональные издательства, а также страны ближнего зарубажья. Например, красноярский «Универс» издал большой сборник Андрея Лазарчука «Солдаты Вавилона». В Ставрополе выпущен роман Василия Звягинцева «Одиссей покидает Итаку», дополненный вторым, совершенно новым томом. Минский «Эридан» расщедрился на два тома избранных произведений Юрия Брайдера и Николая Чадовича. В Алма-Ате вышел новый сборник Сергея Лукьяненко «Лорд с планеты Земля», а в Киеве — дебютный роман-фэнтези Марины и Сергея Дяченко «Приаратник».

Интересно, что даже в столь тяжалое время издатели находят возможность выпускать абсолютно некоммерческие «микротиражные» издания. Такова, например, харьковская серия «Бенефис», в которой выходят тысячными тиражами дебютные книги молодых авторов. В Киеве издательство «Виан» напечатало таким же тиражом две книжки Бориса Штерна. В Томске отдельной брошюрой издано философское эссе Виктора Колупаева «Пространство и время для фантаста». А петербургская «Terra Fantastica» выпустила в новой серии «Библиотека «Интеркомъ» толстый сборник литературоведческих статей Сергея Переслегина «Око тайфуна»...

Заметно изменился подход издателей и к публикации зарубежной фантастики. Тиражирование «самиздатовских» переводов классических прозведений 30 — 40-летней давности постепенно сходит на нет. Сейчас упор далается на свежиа «послеконвенционные» книги. На этом принципе построена серия «Координаты чудес» фирмы «АСТ» (в ней в этом году вышли книги Боба Шоу, Элинор Арнасон, Чарльза Шеффилда, Пола Андерсона, Лоуренса Уотта-Эванса, Дэна Симмонса, Джорджа Мартина, Джека Макдевитта), а также совместные серии издательств «Александр Корженевский» (Москва) и «Русич» (Смоленск) — «Сокровищница боевой фантастики» (Дэвид Брин, Джеймс Хоган, Дэйв Волвертон) и «Спектр» (Майкл Флинн, Джордж Мартин, Джоан Виндж, Барбара Хэмбли).

Возобновленная серия издательства «Мир» — «Зарубежная фантастика» — пополняатся также исключительно свежими книгами, такими, например, как романы Артура Кларка «Молот Господень» и «Рама II».

Особо хочется отметить выпущенный рижским «Полярисом» четырехтомник Альфреда Бестара в рамках их продолжающейся серии «Миры...», куда вошли, помимо прочего, три романа, доселе на русском языке не издававшиеся — «Обманщики», «Дьявольский интерфейс» и «Голем 100».

А вот в фантастической периодике наблюдается коллапс. Объявленная минским журналом «Фантакрим-MEGA» подписка особого энтузиазма в массах не вызвала, и планы перевести журнал на ежемесячный выпуск закончились, похоже, провалом: к июню 1995 года вышел только один номер. Основанная в прошлом году «Сверхновая американская фантастика» приходит к читателю, как свет звезды, с задержкой в полгода. К концу первого полугодия 1995 года вышло вместо двенадцати шесть номеров этого журнала. К великому сожалению, и журнал «Уральский следопыт», традиционно уделяющий особое внимание фантастике, сумел к июню разослать подписчикам только первый номер. И это на общем фоне можно считать удачей — украинские журналы «Молодежь и фантастика» и «Одессей» за прошедший год не выпустили вообще ни одного. Регулярно и в срок выходил лишь журнал «Если», который в первом полугодии впервые за все время своей подписки сумел обойтись без последнего сдвоенного номера, 5 — 6, и подарил читателю все шесть полноценных номароа. Журнал стал активней печатать отечественных авторов (пока только «первый эшелон»), а в зарубежной фантастике почти полностью перешел на «постконвенционную» прозу.

Из традиционных литературных журналов фантастику печатают «Звезда» и «Нева». Последний журнал, кстати, отметил свое пятидесятилетие выпуском специализированного фантастического номера (№ 4"95).

Из малотиражных изданий упомяну также посвящённый фантастика критико-литературоведческий журнал «Двести» — в первой половине этого года при помощи московской книготорговой фирмы «Стожары» два его номера были выпущены тиражом в полтысячи экземпляров. Очередные и прошлые номера этого журнала всегда можно приобрести в специализирующемся на фантастике магазине этой фирмы.

В следующем выпуске «Интаркома» мы попытаемся определить, закрепились ли эти тенданции, или они были рождены воображением автора, любую подвижку воспринимающего как надежду.

Сергей Бережной

СОБЫТИЕ

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ: ПОИСК

С.Витицкий. **Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики. —** Журн. «Звезда»; 1994, № 10; 1995, № 3./ М.: Текст, 1995. —334 с.; 40000 экз. (п.)

Произведение С.Витицкого имеет подзаголовок «Фантастический ромвн». Автор, хотя многие десятки его страниц сделали бы честь любому мастеру-реалисту, не побоялся слова «фантастический» — в отличие от некоторых своих коллег, в последние годы с изрядной толикой снобизма буквально чурающихся этого термина.

С.Витицкий написал фвнтастический роман, читать который так же больно, как жить. И так же, как, несмотря на всю боль, не хочется, чтобы жизнь кончалась, не хочется, чтобы кончался текст.

Как же пытаться однозначно интерпретировать тугое, кровоточащее жизнью — животочащее кровью — вервие судеб, протянутых в романе от блокадных питерских лет до начала XXI века?

Можно понимать его как роман о судьбе поколения, в котором каждый выживший человек сам по себе есть чудо, совершенное не известно кем — историей? эволюцией? роком? — не известно зачем. Поколения, с колыбели ошпаренного войной, полупридушенного пионерскими галстуками «сталинщины», взбудораженного «оттепелью», прохихикавшего «застой» и лишенного масок перестройкой. Поколения, как формулирует сам Витицкий, рыцарей святого дела, которые дела этого лишились. И потому теперь не способных услышать никого, кроме себя, — ни на кухне, ни в Думе. Но хуже всех оказались те, кто не лишился дела. Ведь дело никудв не пропало, просто взамен угасшего нимбв нвд ним опустилась экранирующая шторка с надписью: «Мерзость. Не открывать». И те, кто к мерзости был предрасположен, откинули шторку обратно, каменея волевыми лицами: мерзость? ладно! зато — дело!

Можно понимать его как роман о виновности. Ведь человек неизбежно становится виноват перед всеми, с кем ствлкивает его судьба. Чистой совестью могут похвастаться лишь те, у кого совести нет; тот, у кого совесть есть, всегда ищет на ней пятна. И раз не удается, как ни старайся, беречь других, не идти по их головам и трупам, человек начинает шагать по трупам весело, удало, в своем праве, пока, словно ударная волна термоядерного взрыва вокруг земного шара, не обежит волна накликанных им бедствий положенный судьбою круг и не ударит, казалось бы, ни с того ни с сего в спину. Насмерть.

А можно попробовать поверить автору и попытаться читать о поиске предназначения. Но тогдв сразу упрешься в роковой вопрос: кто предназначает?

Мне уже не раз приходилось писать, что серьезная фантастика, в особенности российская, — самый религиозный вид литературы. И вот — роман атеиста Витицкого буквально нашпигован упоминаниями о Боге, божках, Аде, Рае... Не создала наша культура для обозначения абсолютного стремления к добру и свету иного слова, кроме «Бог», и для обозначения абсолютного падения в бездну мрака и зла, кроме «дьявол».

Однако же дьявол не упоминается в романе ни разу. Почему?

Думаю, потому, что он присутствует лично. Во плоти

В центре сюжета — человек. Хороший... даже, наверное, очень хороший, но со странной особенностью: защищая добро, ограждая от опасности то, что он считает правильным и справедливым, он может терять человеческий облик. В быту — превращаться в звереныша, способного с визгом кусать того, кто обижает друга; в политике — дошедший до теории элиты, согласно коей девяносто процентов человечества, лишенных творческих способностей, не имеют прввв на существование.

И есть у него лучший друг по прозвищу «Виконт», странным образом нуждающийся в его плотском присутствии при неких квввзиумираниях; только держв нашего добряка за руку и что-то явно перекачивая из него в себя, он способен выкарабкиваться из комы. «Во мне Бога нет, — говорит он, — а значит, его нет вообще». «Человек, — говорит он, — гной еси и кал еси»...

И вокруг этих двоих жутко и неотвратимо умирают люди, могущие так или инвче помешать Виконту в тот миг, когда потрвбуется ему очередная подпитка от дарующей жизнь руки. Руки того, кто, стремясь к добру, способен явно, ощутимо перестать быть человеком, и, видимо, поэтому проголодавшемуся Виконту нужна именно его рука.

А ответственность и вина за погибель людей — на человеке. И страдает, и квется, и стремится искупить — человек. И чем больше вина, тем отчаяннее старается человек не приносить вреда. И в самом конце, уже все поняв, уже не приняв колбасы из человечины, то есть отказавшись питать лучшего в своей жизни друга — врага рода человеческого — и тем обрекая себя на ту самую жуткую погибель, человек озабочен лишь одним: не навредить! Никому не навредить! Даже дьяволу, черт его возьми, не навредить: Бог ему судья.

Так вот оно, предназначение человека — телесной жизнью своей питать дьявола, а духовной — Бога. А поиск — в том, чтобы через ошибки, боль, постепенное осознание этой правды стремиться первое сделать как можно меньшим, а второе — как можно большим. Хотя совсем перестать делать первое человек не может, это физическая смерть. А перестать делать второе может, но это — смерть души. Выбирайте. Свобода.

Короче, предназначение вот в чем: оставаться человеком. Даже если что-то — история? эволюция? дьявол? — хочет сделать из человека нечто иное. Не как Бог хочет сделать вдобавок к человеку из глины нечто иное, нет: из человвка сделать нечеловека!

Когда так заостряешь вопрос, сразу всплывает в памяти фраза из незабвенного стругацковского «Понедельника»: «Мы знаем, что эта задача не имеет решения. Мы хотим знать, как ее решать».

Уже в древнем Китае этот главный человеческий смысл и порыв был сформулирован вполне определенно. Когда последователь Конфуция Цзы Лу, остановившись в отдаленной харчевне, сказал хозяину, кто он, тот с благоговением воскликнул: «Ты ученик того Кун Цю, который знает, что хочет невозможного, и все-таки хочет этого!»

Невозможного всегда хотят те, кто жив душой. За возможным охотятся лишь мертвецы, откидывая поставленные этикой заслонки с надписью: «Мерзость. Не открывать».

С.Витицкий написал этот свой роман, значит, он жив. Дай Бог ему здоровья.

Вячеслав Рыбвков

ДИСПЛЕЙ-КРИТИКА

Вячеслав Рыбаков. **Гравилет «Цесаревич».** — СПб.: Лань, 1995. — 488 с. — (Сер. «Числа и руны»). 10000 экз. (п.)

Два романа, вошедшие в эту книгу Вячеслава Рыбакова, разделяет изрядный временной интервал и, тем не менее, сочетаются они под одной обложкой вполне органично. Более того — сборник, возможно, выглядел бы чуть лучше, если бы составитель, презрев хронологию, поставил написанный в 1986 году «Очаг на башне» после законченного в 1992-м заглавного романа как продолжающий и развивающий его основную идею. Хотя в принципе большой роли это не играет: светлая утопия «Гравилета «Цесаревич» и так прекрасно оттеняется мрачным, проникнутым неизбывной тоской по разбитой любви «Очагом». Как-то Б.Н.Стругацкий, руководитель питерского семинара писателей-фантастов, назвал Вячеслава Рыбакова «верным ефремовцем», имея в виду его нерушимую веру в безусловную ценность и этичность поведения человечества в целом, несмотря на то, что отдельный человек может оказаться подонком и убийцей. Однако так ли уж чист душой хотя бы тот же князь Трубецкой из «Гравилета», офицер русской госбезопасности, живущий в мире, где отсутствует сам фундамент для разного рода «классовой ненависти» и «общенародного гнева», ибо люди просто физически неспособны вымещать недовольство на ближних своих и дальних? Ничего подобного: с самого начала книги он подозревает в неискренности любимую женщину, живет с двумя женами, заведомо зная, что причиняет этим боль и той и другой, а сразу после стрельбы по бандитам даже не интересуется ее результатами. И тем не менее он вызывает ничуть не меньшее сочувствие, чем мыкающийся в условиях последней стадии «развитого социализма» изобретатель Симагин из «Очага». Героев, от чьего имени ведется повествование, нельзя делить на «плохих» и «хороших», все они слишком разные и слишком сложные — и каждый в своем праве. Для современной фантастики такие герои — явление нечастое...

Василий Владимирский

Юрий Брайдер, Николай Чадович. **Телепатическое ружье.** — Минск: Эридан, 1994. — 528 с. — (Собр. соч. Сер. «Фантакрим — EXTRA». Т.2-й). 20000 экз. (п.)

Юрий Брайдер, Николай Чадович. **Евангелие от Тимофея.** — Минск: Эридан, 1994. — 528 с. — (Собр. соч.Сер. «Фантакрим — EXTRA». Т.2-й). 20000 экз.(п.)

Выпущенный «Эриданом» двухтомник Брайдера и Чадовича — по сути полное собрание сочинений этого писательского дуэта за добрый десяток лет — в полной мере демонстрирует нам как литературные удачи, так и «проходные» вещи авторов.

Первый том — сборник рассказов и коротких повестей, лучшие из которых, «Ад на Венере», «Телепатическое ружье», «Мертвая вода», это добротная космическая НФ с легким сюрреалистическим уклоном. Что до остального, то перед нами либо так называемая «бытовая фантастика», либо повторение пройденного на тему путешествий во времени и пространстве. Многие рассказы Брайдера и Чадовича написаны много лет назад, и неудивительно, что сюжеты, на взгляд современного читателя, выглядят довольно знакомо. Впрочем, недостаток этот искупается юмором, который никогда не оставляет писателей.

Во второй том вошли вещи более свежие и более объемные: два первых романа из обещанной авторами тетралогии «Тропа» плюс вполне самостоятельная повесть «Стрелы Перуна с разделяющимися боеголовками». Так же, как и рассказы из первого тома, романы Брайдера и Чадовича не вполне равноценны: если «Евангелие от Тимофея» представляет собой оригинальную, до мельчайших мелочей продуманную социальную антиутопию, то «Клинки максаров» — просто зубодробительный боевик. Повесть «Стрелы...» — наиболее оригинальная работа авторов, хотя выполнена в ставшем традиционном для нашей фантастики жанре «прогноза на будущее».

Василий Владимирский

Евгений Гуляковский. **Чужие пространства.** — М.: Армада, 1994. — 630 с. — (Сер. «Фантастический боевик»). 100000 экз.(п.)

Привычка жить во враждебном окружении — вторая натура, поэтому долгое время был столь популярен у нас «шпионский» роман. Теперь же, в пору пугающего отсутствия ясности в вопросах национально-государственной принадлежности потенциального противника, такой детектив можно сохранить только одним способом, а именно: перенести фронтир в космос. Там враг найдется всегда.

Фантаст Е.Гуляковский принял деятельное участие в спасении ретродетектива. Вместо того чтобы написать стандартную «космическую оперу» с героем-бластероносцем, автор приступил к реанимации контрразведывательного призрака-оперы. Оставив за кадром объяснение причин иррациональной несовместимости звездной расы хитиново-чешуйчатых уродцев с гордым видом homo sapiens, писатель вынудил инопланетян устраивать землянам разнообразные гадости (похищения людей, перевербовка, покушения, порча погоды и пр.). Ожесточение пришельцев тоже можно понять. В отличие от положительных землян, награжденных автором сплошь приличными, хоть и несколько однообразными, фамилиями (Райков, Гравов, Ридов, Кленов, Картов), инопланетяне удостоились от автора даже не фамилий, а каких-то безумных кличек (Гагаяг, Велаяг, Аратупет и т.д.). Естественно, они затаили обиду.

В свой роман Е.Гуляковский бережно перенес максимально возможное количество типичных образов и ситуаций из реанимированного жанра. Разведывательная деятельность земного ГРУ далеко за пределами собственно Земли и космическая экспансия в чуждые пространства объясняются невозможностью хитиновых недоумков строить нормальное справедливое общество: «этот извращенный, полный злобы и боли мир не имел права на существование». Подразумевается, что Ридов, Кленов и Картов, разрушив очередной мир насилия, посеют среди обломков нечто разумное, доброе, вечное. Жалкие попытки инопланетных монстров перевербовать бравого Гравова и испортить нашу игру остаются безрезультатными. Парню поменяли имя, зашвырнули в иную звездную систему, дважды превращали в чудищ, просто били по физиономии, но все напрасно: он не выдал извергам нашей военной тайны. Поскольку ее не знал.

Роман Арбитман

Дэвид Брин. **Звездный прилив.**/ Пер. с англ. — М.: Александрия; Смоленск: Русич, 1995. — 556 с. — (Сер. «Сокровищница боевой фантастики и приключений»). 50000 экз.(п.)

Литературное агентство «Александрия», которым руководит переводчик А. Корженевский, похоже, решило вплотную заняться книгоизданием, выбрав в качестве постоянного партнера издательство «Русич». Учитывая, что глава фирмы давно и профессионально занимается фантастикой, результат не замедлил сказаться. Естественно, «Русич» не может освоить весь массив авторов, которых предстааляет агентство, но книга Брина была удачным опытом. Роман Дэвида Брина «Звездный прилив», вышедший в США в 1983 году, получил две самые престижные премии а мире НФ — писательскую премию «Небьюла» и читательскую «Хьюго». Редкое лроизведение получало столь высокие оценки одновременно.

Странный, удивительный мир будущего откроется читателю, взявшему в руки эту книгу. Земляне уже несколько столетий осваивают глубокий космос, но большинство разумных рас, населяющих ближайшие галактики, относится к землянам, мягко говоря, недоброжелательно. И это понятно — земляне резко отличаются от всех известных рас Вселенной. Ведь у них нет Патронов — тех, кто когда-то возвысил бы землян, подарив им разум. А затем заставил бы их отработать этот бесценный дар.

Экспериментальный земной корабль с необычным экипажем — людьми, дельфинами и шимпанзе — делает случайное открытие: находит гигантское кладбище космических кораблей. Все, что осталось от перворордной расы разумных, давших начало разуму в этой части Вселенной более двух миллиардов лет назад. Астронавты открыто передают сообщение о своей находке на Землю и неожиданно оказыааются в положении дичи. Многочисленные военные флотилии инопланетян открывают охоту на маленькое исследовательское суденышко. Тем не менее землянам удается укрыться в небольшом водном мирке, где экипаж может передохнуть и отремонтировать свой звездолет — в то время, как в небесах над ними разворачиваются настоящие звездные войны: «чужие» выясняют между собой, кому из них достанется этот долгожданный приз — земной корабль и его удивительное открытие.

Как развивались дальнейшие события, читатели узнают сами, а также, надеюсь, не пропустят и «Войну за Возвышение», второй роман Дэвида Брина из этой замечательной дилогии, удостоенный в 1988 году премии «Хьюго» и вышедший в той же книжной серии.

Борис Завгородний

Клайв Баркер. **Книга Крови.** / Пер. с англ. — Жуковский: Кэдмэн, 1994. — 480 с. —10000 экз.(п.)

Главные герои большинства историй из «Книги Крови» — обитатели потустороннего мира, а также мертвецы различной степени сохранности. Роль живых людей в этих произведениях в основном вспомогательная: они выступают здесь либо в качестве объекта гастрономических домогательств со стороны представителей царства Тьмы («Полночный поезд с мясом», «Свиньи Тифердауна», «Голый мозг»), либо в еще более унизительном качестве «недоделанных» покойников — существ убогих, обделенных природой и не могущих (пока!) оценить красоту и величие Смерти («Секс, смерть и сияние звезд», «Ее последняя воля», «Адский забег»). Во многих рассказах сборника финальные поединки между людьми и выходцами из адских бездн заканчиваются закономерной победой Тьмы. И даже в тех редких случаях, когда живые как будто держат верх (новелла «Йеттеринг и Джек»), их выигрыш воспринимается читателем как жульнический и, несомненно, временный. В уже упомянутом рассказе «Голый мозг» само поражение монстра-голиафа выглядит титаническим, зато люди-муравьи, одолевшие кладбищенского пришельца, все равно производят жалкое впечатление. В «Коже отцов» симпатии рассказчика тем более на стороне монстров: злые людишки со своими ружьями и канистрами с бензином просто не в силах проникнуться потусторонним величием. Вместо того чтобы по достоинству оценить гармонию ада, живые всеми силами стремятся эту гармонию нарушить, и лишь «чистый» ребенок Аарон безоговорочно принимает сторону монстров Тьмы...

Клайв Баркер, отмечая все преимущества мертвых перед живыми, весьма последователен. Если живые есть квинтэссенция суеты, пошлости, скудоумия и творческого бессилия, то те, кто перешагнул грань, отмечены достоинствами как на подбор: все они красавцы, все они таланты, все они поэты. В крайнем случае — герои (см., например, «Исповедь савана»). Всего в «Книгу Крови» включено тринадцать (!) новелл, причем буквально к каждой в качестве эпиграфа годится строка из Высоцкого: «Только которым в гробу — ничего!»

Роман Арбитман

Джеймс Боллард. **Затонувший мир.**/ Пер. с англ. — Нижний Новгород: Нижкнига, 1994. — 544 с. — (Сер. «Мир фантастики»). 50000 экз.(п.)

С эстетической точки зрения, процесс энтропии прекрасен — такова стержневая идея сборника одного из столпов британской «новой волны» Джеймса Болларда «Затонувший мир». Одноименный роман, первое и самое крупное произведение сборника, только подтверждает правоту этого тезиса. Согласно второму принципу термодинамики, не ошибается тот, кто ничего не делает, а любое действие, с какой бы целью оно ни производилось, неизменно увеличивает степень упорядочения Вселенной, то есть энтропию. Автор ярко и красочно описывает мир, где человечество медленно гибнет от последствий глобального потепления климата. Это мир красного солнца, поднимающегося над заболоченными лагунами на месте бывших городов, мир гигантских папоротников и возвращающихся нетороплиывых рептилий. Но и в этом угасании мира Боллард умеет разглядеть свою необычную, упадническую красоту. Рассказы из сборников «Пурпурные пески» и «Голоса времени», также вошедшие в книгу, еще раз подтверждают впечатление от романа — ощущение упадка, декаданса. Герои рассказов Болларда — странные люди: художники и клерки, поэты и сумасшедшие. Они ведут себя нелогично и странно, но для людей энтропии это естественно. Те, кто борется с надвигающимся распадом, загоняют в ловушку самих себя, подобно героям цикла рассказов о курорте «Пурпурные пески» и новеллы «Хронополис». Единственная возможная позиция для человека, который не хочет увеличивать энтропию — это позиция стороннего наблюдателя, который сможет оценить причудливые плоды, рожденные увяданием. Именно такую позицию занимают герои рассказа «Сад времени»: понимая, что рано или поздно неудержимый процесс все равно сомнет их, эти люди стремятся хотя бы понять его и за секунду до конца вкусить всю его прелесть. И этот сборник — красивая и утонченная погребальная песня по Вселенной.

Василий Владимирский

АНИЗОТРОПНОЕ ШОССЕ

ТЕОРИЯ, МОЙ ДРУГ, СУХА...

«Анизотропное шоссе»... Этот образ позаимствован нами из классического романа братьев Стругацких «Трудно быть богом». Помните — дорога с односторонним движением, по которой нельзя вернуться назад? Стругацкие использовали этот образ, чтобы подчеркнуть: история общества не движется вспять. Но ведь и фантастика, равно как и любое другое явление культуры меняющегося общества, должна двигаться только вперед. Отсюда — название рубрики, посвященной новым авторам, новым идеям и ноаым направлениям в фантастике. Открыть ее на страницах «Интеркома» было предложено отечественным писателям разных литературных взглядов. Каждый из них ответил на вопросы анкеты. В заочном «круглом столе» приняли участие Андрей Лазарчук (Красноярск), Евгений Лукин (Волгоград), Николай Романецкий, Андрей Столяров, Александр Тюрин (Санкт-Петербург), Андрей Щербак-Жуков (Москва).

— Многие критики отмечают, что в современной фантастике нет четко выраженных литературных направлений (кроме киберпвнка, захватившего умы многих молодых авторов).

Е.ЛУКИН: — Разумеется, направления существуют. Хорошее и плохое. Первое предпочтительнее.

Н.РОМАНЕЦКИЙ: — Если даже западные критики затрудняются определить границы литературных школ, то что жв говорить о нас? К сожалению, издательская политика нынешнего времени такова, что делать какие-либо серьезные выводы о состоянии современной отечественной фантастики нелепо. Впрочем, на мой взгляд, до сих пор существуют доставшаяся нам от прошлого «молодогвардейская» фантастика и расцветшая в шестидесятые годы «проза идей».

А.ТЮРИН: — Есть также направление под названием «псевдофантастика». Авторы этого направления тянут из НФ все, что «послаще», как изюм из булки. Есть еще коммерческая советская фантастика, осваивающая потихоньку трюки из арсенала американских видеофильмов. Есть все, но понемногу. Фантастика, к сожалению, не является литературной индустрией, и у нее практически нет собственного массового читателя.

А.ЛАЗАРЧУК: — По-моему, из «ярко выраженных направлений» наличествует прежде всего альтернативная история. Сказываются национальные «комплексы». Есть также вещи чисто эстетские, и это тоже можно рассматривать как направление. Наконец как направление можно рассматривать «философическую беллетристику». Все прочее пока выглядит общефантастической массой.

А.СТОЛЯРОВ: — Интересно было бы описать ландшафт российской фантастики. Посмотреть, чем различные авторы отличаются друг от друга. К сожалению, у нас нет критиков, способных на этот подвиг. Лично мне представляется, что ландшафт этот выглядит так (я подчеркиваю, что речь идет о ландшафте, а не об оценочной вертикали).

Турбореализм — существующее направление со своей эстетикой и со своим массивом произведений. Здесь присутствует дух эксперимента: не обочина авангардизма, а «проламывание» вперед — поиски центральной дороги фантастики.

Писатели-«классицисты» — это Эдуард Геворкян, Евгений Лукин, Сергей Иванов, Сергей Лукьяненко и другие. Они развивают традиции классической мировой фантастики — и НФ и фэнтези, но только на современном материале. Вероятно, отсюда выделятся в ближайшее время новые направления.

И наконец — вне любых школ и направлений — просто «плодовитый фантаст»: это целая группа авторов, пишущих профессионально, но по литературному почерку мало отличающихся друг от друга. Я всегда подозревал, что это какой-то единый автор, чрезвычайно работоспособный и не озабоченный литературными претензиями: покупают, печатают? — ну и ладно. В одном случае он пишет под псевдонимом Петров, в другом случае — Сидоров, в третьем — Здоровых, но логичней здесь было бы ставить одну и ту же фамилию — и читателям проще, и книготорговцам сподручней. Это вечное среднее направление литературы.

«Камбий» (или растущая зона) — это те, кто начал писать недавно и сейчас расположен в затененной части ландшафта. Здесь, по-видимому, следует ожидать самых интересных открытий.

А.ЩЕРБАК-ЖУКОВ: — Я вот уже пару лет присматриваюсь к новому поколению писателей-фантастов, тех, кто еще полностью не сформировался, а еще только начинает обретать навык. Я имею в виду свое поколение: Сергей Лукьяненко, Алексей Иванов, Владимир Васильев, Всеволод Мартыненко, ваш покорный слуга и те, кто еще помладше. Если абстрагироваться от качества и уровня мастерства, то можно заметить одно коренное отличие. То, что они (мы) пишут (пишем), уже никак нельзя назвать «реализмом» — ни «магическим», ни «фантастическим», ни «турбо». Ближе всего это к романтизму конца XVIII и начала XIX веков, а также романтическим течениям начала XX. Видимо, в литературе, как и во всем, есть свои циклы, и каждый раз на стыке веков вновь появляется новое романтическое течение. Возможно, виновато время. Наша юность пришлась на пору крушения социальной системы, поначалу казавшейся несокрушимой; и социум вообще, которому отводили центральную роль реалисты, а также фантастические реалисты, для нас такого значения не имеет, мы на первое место ставим личность и конфликт, в первую очередь, личностный, а не социальный. Эту теорию мы изрядно развили вместе с Всеволодом Мартыненко, даже придумали название новому направлению, то есть тому, что мы пишем, — «инфоромантизм», романтизм эпохи информации.

— Как, нв ваш взгляд, появляются новые направления в фантвстике? Какие факторы нв это влияют?

Е.ЛУКИН: — Скандалу хоцца Да и цену набить. Объявил себя, скажем, эгофутуристом — и ты уже вроде как бы немножко Северянин.

Н.РОМАНЕЦКИЙ: — Количество тем, рассматриваемых литературой, в достаточной степени ограниченно. Само собой разумеется, что за период своего существования литература не раз уже коснулась каждой из этих тем, и, строго говоря, каждое следующее литературное поколение лишь повторяет путь предыдущих. Но нельзя же раз за разом писать «Преступление и наказание» и «Войну и мир» или «Пикник на обочине» и «Человек в Высоком Замке»! И начинаются поиски, каким образом можно сказать все о том же, но по-своему. Во-вторых, с развитием общества (хоть и не так быстро, как меняются литературные поколения) возникают новые конфликты В результате может сложиться ситуация, когда изображение новых конфликтов старыми литературными методами будет выглядеть попросту убо-

гим. И наконец — тоже медленно — меняется менталитет общества, а значит, и менталитет авторов одного поколения по отношению к предыдущим.

А.ТЮРИН: — Новые напрааления, то есть предложение, возникают под воздействием читательского спроса. Читатель же нуждается в литературных наркотиках, в мифах и руководствах к действию, исполненных в литературном виде.

А СТОЛЯРОВ: — Направление образует обычно группа авторов, чувствующих свою литературную близость, — это повод общаться между собой (все писатели страдают от дефицита общения) и возможность обсуждать литературу в сходных координатах: с критиками писатели редко находят общий язык и еще трудней найти общий профессиональный язык даже с заинтересованными читателями Есть в литературе вещи, чувстауемые, но не объяснимые, ощущаемые интуитивно, но не поддающиеся логическим определениям. Что такое художественность? Что такое литературная новизна? Что важнее — тираж или продвижение по вертикали? Исключают ли эти стремления друг друга? Что такое писатель и, в частности, что такое фантаст? Это все вопросы, которые будут решаться вечно. Для писателей они имеют весьма существенное значение. Ну а кроме того, направлание — это способ профессионального выделения. Ведь формальная эстетика направления чрезычайно полезна, потому что она позволяет без особых усилий маркировать произведение: если авангардизм — одна группа авторов, если фантастический реализм — совершенно другая. И издателям тоже проще рекламировать саои книги на рынке. Направление — это игра, причем достаточно увлекательная. Надо только, чтобы она не заслоняла главное — книги. А к тому же каждый крупный писатель сам по себе представляет целое направление — тупиковое, как мне кажется, в случае с Андреем Платоновым (здесь индивидуальность письма доведена до предела, развивать ее дальше некуда, разве что а элитарные тексты) или направление перспективное, разрабатываемое, скажем, латиноамериканскими романистами Маркесом, Льосой, Амаду. Тут, по-видимому, находится ключ к современной фэнтези: фантастическое, рождающееся из реальности. Вероятно, именно это напрааление окажет мощное влияние на фантастику и, скорее всего, на российскую, к которой оно очень близко.

А.ЩЕРБАК-ЖУКОВ: — Повторю еще раз: новые течения а литературе и в искусстве вообще и в фантастике в частности рождаются тогда, когда появляется новый тип мышления. Мне кажется, моему поколению свойственно романтическое мышление...

— Поскольку границы литературных школ размыты, приходится говорить о направлении, которое выделяет хотя бы западная критика. Интересен ли вам киберпанк?

Е.ЛУКИН: — Впервые я услышал этот термин лет пять назад. На вопрос, что это за заерь такой, анятного ответа не получил Но чтобы словцо не бездельничало, а последнее аремя называю «киберпанками» обыкнованных рыжих тараканов.

А.СТОЛЯРОВ: — Все, что я знаю о киберпанке — это то, что он существует. Саедения об этом почерпнуты мной в известной статье Майкла Суэнвика «Инструкция к постмодернистам». Из статьи я понял, что киберпанк характеризуется двумя главными признаками: описание мира, основанного на высоких технологиях, и жесткий стиль. Кроме публикации в журнале «Если», произведения У.Гибсона «Сожжение Хром», никаких иных произведений классического киберпанка я не читал, но охотно верю, что данных двух признаков достаточно для выделения в самостоятельное направление, а литературное аоображение даже в некоторой степени подсказывает тип такого произведения.

А.ЛАЗАРЧУК: — Мне как-то сказали, что я написал самую киберпанковскую вещь в русской фантастике. Как я понимаю, киберпанк — это произвадение, где главный герой компьютер или, еще лучше, компьютерная сеть. Восторга от всего этого не испытываю — может быть, потому что не все понимаю.

А.ЩЕРБАК-ЖУКОВ: — Киберпанки — технари, выросшие бок о бок с компьютером. Даже если они, как Уильям Гибсон, и далеки от понимания принципов его действия, то уж точно испытали его влияние как пользователи. Их произведения строятся по законам машинных взаимоотношений.

А.ТЮРИН: — Это способ выражения человека через создаваемые им вещи, в том числе, через искусственные системы и кибернетические пространства. Киберпанком можно назвать то, как отразился внутренний мир средневекового европейца в Кельнском соборе и как выразилась душа программиста через создаваемую им компьютерную игру.

— Возможен ли киберпанк в России?

А.ЩЕРБАК-ЖУКОВ: Русский киберпанк возможен. Теоретически. А практически — маловероятен. Дело тут вовсе не в литературных традициях, а в информационном потоке, в котором находятся западные писатели-киберпанки и наши авторы. Киберпанк рожден определенным типом мышления, а этот тип мышления, в свою очередь, сформирован определенным образом жизни. У нас компьютер еще на аошел в быт каждого человека наравне с газовой плитой и краном с горячей водой, у них — уже давно. В сборнике «Киберпанки на Волге», изданном Борисом Завгородним, есть симпатичный рассказ Пола Ди Филиппо про журналиста, много лет не выходившего из дому: ему присылали по почте пластинки, он их рецензировал, статьи по сети отправлял в журнал, ему на счет в банке перечисляли гонорары, он их переводил в магазин, и мальчик-рассыльный приносил ему под дверь все необходимые продукты. И в это веришь... Кроме того, у нас киберпанк и читать-то толком некому. Узкий круг фэнов — грамотных и осведомленных — это ведь еще не аудитория. Понимаете, что такое «сеть», нельзя объяснить, это можно только почувствовать, поработаа с ней, побыа в ней — это же совершенно иной тип коммуникации. В общем, без кибернетики на бывает киберпанков...

А.ЛАЗАРЧУК: — Русский киберпанк появится, когда мы утонем в компьютерах. Сейчас его нет, а если возникнет — тогда и корни искать будем.

А.СТОЛЯРОВ: — В отечественной фантастике всегда сильно ощущалось притяжение реализма. Вся фантастика разделилась сейчас на два могучих потока: фантастическая фантастика (как прааило, одноразового употребления) и фантастика, осознающая себя частью классической литературы. У коммерческого направления традиции совершенно иные. А именно — облегченность повествования, игнорирование реальности и стремление к чисто логической, а не художественной новизне. Киберпанк как яаление в российской фантастике не существует. Есть хороший писатель Александр Тюрин — вот и весь киберпанк: Праада, к сожалению, российская фантастика не слишком разнообразна.

А.ТЮРИН: — Русский киберпанк будет отличаться от американского именно за счет разных литературных корней. Но если содержание важнее формы, то киберпанк сохранит свое внутреннее адинство, невзирая на саои американские, русские и прочие ипостаси.

— Как бы вы сами разграничили для себя весь массив англоязычной фантастики, заполонившей наш рынок?

А.СТОЛЯРОВ: — Можно воспользоваться наблюдениями уже упомянутого Суэнвика. Он выделил школу «гуманистов» — тех, кто пишет фантастику средствами классической литературы. Правда, для выделения этой характеристики недостаточно, потому что такие средства использовал, например, Уэллс, а в советской фантастике можно вспомнить Алексея Толстого, из манеры письма которого выросли, между прочим, Стругацкие.

А.ЩЕРБАК-ЖУКОВ: — «Гуманистов», мне кажется, правильнее было бы называть «гуманитарии». Это люди с гуманитарным (как правило, филологическим) образованием и с гуманитарным же складом ума. В контексте гуманитврной области знаний и следует рассматривать их произведения, в ней они находятся, к ней апеллируют. Спор между киберпанками и гуманистами — это новый виток спора между физиками и лириками. Виновата во всем разница в типах мышления.

— В ходу еще один термин, не новый, но, так сказать, возрожденный. Многое из того, что написано в последние годы, называется «постмодернизмом».

Е.ЛУКИН: — Насколько я помню, Умберто Эко квалифицирует лостмодернизм как раскаявшийся и обратившийся к прошлому модернизм.

А.СТОЛЯРОВ: — Постмодернизма, по-моему, не существует. Во всяком случае, я не могу назвать ни одного постмодернистского произведения — это либо авангврдизм (экспериментальная проза), либо просто хорошая или плохая, но традиционная литература, разумеется, продвинутая по отношению к девятнадцатому столетию, но не рвущая с ним в своем глубинном течении. Вероятно, постмодернизм — это не направление, в состояние литературы: состояние кризиса, разброда, шатаний. Происходит, по-видимому, перерастание в новое качество, а все это в целом и называется «постмодернизмом».

А.ТЮРИН: — Постмодернизм, так же, как и любое литературное течение, создает новые реальности. Однако новые реальности постмодернизма основаны на традиционных мифах.

А.ЩЕРБАК-ЖУКОВ: — Постмодернизм — это способ мышления, присущий большинству современных художников. И никакого отношения к личным пристрастиям это не имеет. Виноват во всем «поток информации, в котором мы тонем». Все, что нужно придумать, уже придумано. Все, что можно сделать, уже сделано. Все, что следовало бы написать, уже написано. Более того, придумано, сделано и написано больше, чем нужно, можно и следовало бы... Для понимания искусства постмодернизма необходима не только обоюдная информированность, но и заметная терпимость. Если что-то непонятно, то виноват контекст. Тот контекст, в котором мы все находимся. Он же — вышеупомянутый поток информвции.

— Последнее время некоторые отечественные писатели активно используют в применении к своему творчеству такой термин, как «турбореализм». Как вы думаете, существует ли такое литературное направление в действительности? Если да, то какие характерные особенности оно, на ваш взгляд, имеет?

А.ТЮРИН: — Дитя с таким звучным именем еще в колыбели. Посмотрим, вырастет ли оно.

Н.РОМАНЕЦКИЙ: — Из высказываний Андрея Столярова в различных публикациях не эту тему можно сделать вывод, что поле деятельности турбореелистов представляет собой пограничную полосу между фантастикой и реализмом. Иными словами, это не что иное, как фантастический реализм. Что до самого названия... Думается, здесь присутствует немалея доля саморекламы — занятие при современном состоянии издательской политики понятное и оправданное. Тем не менее я понимаю этот термин так: «произведение в жанре фантастического реализма или смежных с ним жанров, написанное представителем строго ограниченной группы авторов».

А.СТОЛЯРОВ: — Направления в литературе не возникают на пустом месте. Чтобы напрввление действительно существовало, необходим мощный базис в виде ряда конкретных произведений, причем отличающихся от литературных соседей не желанием авторов выделиться, а четкими эстетическими критериями. В этом смысле в российской фантвстике существует лишь одно оформленное течение — турбореализм, но зато представленное целом рядом известных авторов. От клессической научной фантастики «турбо» отличается органичностью подхода: если в большинстве произведений фантастическое допущение привносится в описываемый мир извне волей автора, то в произведениях «турбо» теза не привносится, а уже существует, не сдвигает мир, а просто высвечивает его особенности, не «посмотрим, что будет, если...», чем занимается классическая НФ, а «мир так устроен» — вот эстетическая основа «турбо». В самом деле, в романе «Мост Ватерлоо» Андрея Лазарчука вряд ли можно выделить конкретное фантастическое допущение — просто так устроен мир, который описывает Лазарчук, и неискушенный читатель может принять этот роман за чисто реалистическое произведение. Между прочим, таким же способом создается и фэнтези: магия туда не привносится — она уже существует, но от фэнтези «турбо» отличается принципиальной реалистичностью, оно делает с фэнтези то, что Стругацкие в свое время сделали с научной фентастикой: они начали писать фантастику реалистическую, достоверную как в бытовых деталях, так и психологически. Современный турбореализм производит эту метаморфозу с фэнтези: сказка, магия, волшебство присутствуют в повседневной ревльности — мы не видим этого волшебства, но зато его видит автор произведения. Между прочим, именно так мне хотелось написать «Альбом идиота» и «Мышиного короля», и, надеюсь, что читатель почувствовал это авторское стремление. То есть «турбо», как можно видеть, отличается и от научной фантастики, и от фэнтези — от НФ это направление воспринимает реалистичность повествования (то, что сделали Уэллс, Алексей Толстой, Аркадий и Борис Стругацкие), а от фэнтези — изначельность существоввния фантвстического.

А.ЛАЗАРЧУК: — Да, турбореализм существует, причем со времен самых древних. Характерной чертой его является то, что в нем нет разделения между так называемыми «действительностью» и «фантвстическим допущением». «Турбо» — это не фантастика, где созданная вымышленная реальность объявляется вымыслом, и не реализм, где созданная вымышленная реальность объявляется действительностью; при этом подразумевается, что действительность существует и что окружающий мир истинен. «Турбо» же рассметривает окружающий мир как мир вымышленный, описанный, транскрибированный или, по крайней мере, как один из множества возможных. Произведения этой школы могут быть похожи не фантастику, но это чисто внешнее, формальное сходство.

Вопросы: Борис Завгородний
и Андрей Чертков
Публикацию подготовил
Андрей Чертков

КРИТИЧЕСКИЕ КОНСПЕКТЫ

БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ МЫ ПОТЕРЯЛИ

Теневые миры стремятся стать Реальностями*.

Иногда им это удается.

Германия могла выиграть первую мировую войну. Или второй ее раунд, начавшийся в 1939 году. Это реальности А.Лазарчука («Иное небо»), Ф.Дика («Человек в Высоком Замке») и некоторые другие. Заметим, что к существенным изменениям структур сегодняшнего мира победа Германии не приводила.

Возможен вопрос: а есть ли среди вероятностного континуума, среди миров-отражений, символизирующих утраченные в нашей реальности возможности, пути, отличающиеся от нашего не только отдельными именами и фактами политической истории, но и результатами? И где те критические точки истории, которые сформировали нашу действительность?

* * *

Первая, ближайшая к нам «точка ветвления», выявляющаяся в результате анализа контекста истории, связана с «противостоянием двух систем». Речь идет, разумеется, не о том, какая из сверхдержав должна была господствовать на планете. Достаточно простые соображения, вытекающие из теории систем, убеждают в том, что «выигравшая» страна, будучи неразрывно связанной с «проигравшей», обязательно разделит ее участь: распад СССР неизбежно приведет к распаду США и наоборот... Противостояли не страны, а идеологии, картины мира, сосуществующие в рамках единого европейского менталитета (что показал, например, В.Рыбаков в чуть ироничных построениях «Гравилета «Цесаревич»).

История — это всегда аккомпанемент победителю: поражение СССР сейчас воспринимается как неизбежность и, более того, благо. Идеология коммунизма объявляется нежизнеспособной... Однако все не так просто. Нет такого мира среди Теней, над которым не сияла бы своя звезда. А великое сражение двух систем было проиграно нами, в сущности, случайно.

«Цивилизация есть ответ на вызов», — писал А.Тойнби. Европейская цивилизация есть прежде всего ответ на вызов бесконечности, исходящий из пустого черного Космоса. Результат столкновения систем и идеологий определялся в первую очередь тем, какая из сторон найдет более достойный ответ, кто выиграет в космической гонке, бледным и бессмысленным подобием которой была гонка вооружений.

Успех Союза с первым спутником и первым космическим кораблем поставил Штаты в тяжелое положение. Следующей очевидной целью была Луна, причем цель эта могла оказаться и оказалась решающей.

Увы, советская лунная программа развивалась от неудачи к неудаче. И в тот критический момент, когда надо было осознать цену поражения и, может быть, пойти на огромный риск, чтобы вырвать победу у противника, советское руководство отказалось от лунной программы и заменило ее паллиативом («Луноходы», орбитальные станции и т.п.), который лишь маскировал отступление. Собственно, уже тогда можно было начинать «перестройку», демонтаж и распад системы социализма, по крайней мере, избавив собственный народ от горького зрелища двадцатилетней агонии режима.

Интересно, что советская фантастика 60-х годов (с обеих сторон) прекрасно понимала цену «лунного противостояния». И разгром редакции фантастики «Молодой гвардии» в конце 60-х был просто следствием поражения. Классическая советская фантастика, призванная подготовить низкоэнтропийный раннекоммунистический мир, была нужна системе, стремящейся к победе. Системе, потерявшей надежду на нее и стремящейся извечными «тоталитарными» рецептами лишь продлить свое существование, она была попросту опасна.

* * *

«Именно преданность здравому смыслу, а вовсе не ханжество, как почему-то полагают многие, отличают викторианскую этику. С первых же дней двадцатого столетия эту этику считали безнадежно старомодной и обреченной на быстрое забвение. Однако несмотря на все политические и эстетические сумасшествия, она выжила и, очевидно, будет жить дальше. Более того, сейчас ее перспективы выглядят значительно лучше, чем сто лет назад»**.

Дискуссия о перспективах викторианской этики не кажется мне уместной: пациент скорее мертв, чем жив. У тех, кто еще помнит действительную социально-психологическую обстановку конца XIX столетия, это не вызывает огорчения. Однако разрушив викторианскую систему этических императивов, XX век не сумел обеспечить ей приемлемую замену (если, конечно, не считать трех законов роботехники в изложении А.Азимова). Это может означать, во-первых, искусственность смены парадигм, во-вторых, проявление каких-то неизвестных факторов, связанных со взаимодействием аналитических и хаотических структур.

Во всяком случае, не подлежит сомнению факт СЛОМА мирового исторического процесса на рубеже десятых — двадцатых годов нашего столетия. Проявляется это прежде всего в изменении РИТМА истории. Возникшие вследствие нарастания в обществе колебательных процессов волны времени резко повысили СОЦИАЛЬНУЮ ЭНТРОПИЮ — меру нереализованной социальной энергии и, как следствие, ИНФЕРНО — меру индивидуального человеческого страдания. Понятно, что это не могло не сказаться отрицательно на темпах социального и технического прогресса.

Возможно, утверждение о замедлении темпов прогресса в XX веке покажется несколько неожиданным. Однако изучая характер поведения основных последовательностей для целого ряда технических (и экономических) систем, нельзя не заметить искусственного занижения тангенса угла наклона кривых — системе просто не давали своевременно реализовывать свои потенциальные возможности. Далее, исследуя научно-техническое «зазеркалье» (благополучные по сравнению с Землей миры-отражения), наблюдаешь растущее отставание. В сущности, первый спутник мог и должен был появиться еще в тридцатые годы и, во всяком случае, не позднее 1944-го. Сейчас человечество обязано иметь экономически рентабельные базы на Луне, Марсе, поясе астероидов и в системе Юпитера...

С другой стороны, в поиске форм и методов мучения и уничтожения себе подобных люди XX столетия проявили если не изобретательность, то размах. Отношение к человеческой смерти резко изменилось, и это обычно связывают с первой мировой войной. Но как понять саму эту войну, ее ненормально жестокий, тоталитарный характер? Как объяснить ее — тоталитарную войну — в нетоталитарном мире?

Или, другими словами, какие факторы: макро- или микроскопические, случайные или закономерные, сломали историческую последовательность, создав вместо «литургийно стройного» викторианского (поствикторианского) мира хаотическую последовательность странных и темных отражений, населенных существами, пришедшими из снов?

«— Это мой сон. И я буду делать в нем все, что захочу.

— Да. Но это мой мир».***

Сергей Переслегин

** Первая статья Сергея Переслегина на данную тему была опубликована в предыдущем выпуске «Интеркома» («Если», 1995, № 5).*

***А.Тимофеевский. Хорошо продуманное убийство всегда бывает уютным — Коммерсантъ-Daily, 1994, № 146.*

**** Цитата из фильма «Кошмар на улице Вязов, 6».*

ГОСТЬ ИЗ БУДУЩЕГО

ГРЕГ БИР:
ВСЕ ДАЛЬШЕ И ДАЛЬШЕ

— Известно, что фантастика — литература скорее концепций, нежели характеров. Что вы думаете по этому поводу?

— Вообще тезис о том, что литература должна концентрироваться на психологии персонажей, к фантастике, по-моему, не применим Он применим к литературе, не занимающейся переменами как таковыми, глобальными подвижками Романы о второй мировой войне — такие, как «Ветер войны», например, — тоже не всегда сосредоточены на персонажах, если не считать таковыми целые человеческие сообщества. Так или иначе, персонажи вынуждены действовать в обстоятельствах, влиять на которые они не в состоянии Именно это я и считаю опорной точкой в понимании фантастики. Фантастика, скорее, похожа на роман Толстого, на «Ветер войны», на «Сегуна» — книги, в которых описаны грандиозные события

— Как вы оцениваете нынешнее состояние дел в фантастике?

— Недавно я впервые попробовал себя в качестве составителя антологии. Книга будет называться «Новые легенды» и выйдет в середине 1995 года Вызвонил меня Мартин Гринберг* — он вообще способен дозвониться хоть на край света. «Хотите сделать антологию?» — «Конечно! Сто лет мечтал сделать антологию» Мы все обсудили, выбили приличные ставки и принялись за дело

Я хотел представить «твердую» НФ в новом ракурсе. В последнее время этот термин стал применяться в уничижительном смысле — мол, это не литература, там нет психологии и так далее. В лучших образцах фантастики всегда хватало и психологичности, и художественности, но пришла пора, по-моему, расстаться с термином «твердая научная фантастика». Ну я и попробовал А потом свел материалы воедино и выяснил кое-что для себя новое. Что-то из этого мне показалось обнадеживающим, а чего-то я век бы не знал.

Я обнаружил, что уйма писателей начинает трястись от одного только предложения написать что-нибудь в жанре научной фантастики. Противостояние двух культур — фэнтези и научной фантастики — все еще парализует фантастику Между жанрами блуждают очень немногие Как правило, люди хотят оставаться в тех рамках, которые они установили сами для себя. Так им удобнее Я же всегда был бродягой, и в рамках мне не сиделось. Писал я и фэнтези, и научную фантастику, и так называемый магический реализм, и сюрреализм, и даже стихи писал — и от работы в каждом новом жанре получал удовольствие

Но множество людей, к которым я всегда относился с искренним уважением, так мне ничего и не прислали И женщин-фантастов, согласившихся написать что-нибудь в определенных мною рамках, оказалось гораздо меньше, чем я ожидал. А обнадежило меня то, что я эту антологию, несмотря ни на что, все-таки подготовил — и довольно быстро Во всяком случае, мне не пришлось два года ждать появления рассказов, которые стали жемчужинами моей антологии. Так что научная фантастика жива; как говорится, все системы работают нормально

Мне нужна была антология для того, чтобы попробовать проанализировать всю парадигму науки: относительно того, как она меняет мир — в лучшую или худшую сторону. Такой критический подход нам просто необходим: сейчас немало писателей, которых или учителя в школе отвратили от науки, или сами они от рождения не способны мыслить в этих терминах. Они комфортно себя чувствуют в рамках древних парадигм — безнадежно устаревших, но надежных Таким авторам гораздо удобнее писать о прошлом, нежели о будущем То, что вызывает у меня восхищение, их просто пугает — и пугает очень серьезно Но изменения идут. Научная фантастика всегда говорила о переменах

Тема антологии определилась для меня, когда половина работы была уже сделана: все писатели и читатели «НФ» вовлечены в грандиозный диалог друг с другом; наше фантастическое сообщество — одно из самых долгоживущих творческих сообществ в истории. Фантастика — это целое движение, со своей собственной философией, собственным подходом И фэнтези, на самом деле, с момента своего возникновения была частью нашего сообщества. Вспомните «Франкенштейна». Что это — фэнтези? Или же научная фантастика? Да и то, и другое! И вместе они составляют исключительно интересный вид искусства, рождают особую философию этого искусства О фэнтези иногда говорят в понятиях «quest fiction», но это совершенно неверно. Фэнтези поднимает темы, которые существовали с древнейших времен и никогда не исчезнут. Поэтому фэнтези более консервативна, нежели НФ. И я хотел слегка подтолкнуть научную фантастику — не ту НФ, которая самоуспокоилась в удобных мирах, а ту, которая бросает вызов современности.

Читая рассказы для «Новых легенд», я обратил внимание на то, что идеи, которые для меня четко ассоциировались с конкретными авторами, теперь приняты на во-

* *Ведущий американский антологист, составитель множества сборников НФ и фэнтези*

оружение и осмысляются другими авторами, расширяются, углубляются. Фантастика похожа на эстафету: ты передаешь идею следующему автору, тот пробегает с ней новую дистанцию и передает следующему — и так далее...

— В принципе это относится скорее к научной фантастике. А фэнтези?

— Я сейчас читаю своим детям «Хоббита». Это прекрасная книга, но в то же время мне она видится старомодной, а в некоторых аспектах даже вредной. Хоббиты с радостью устроили бы гоблинам «ночь длинных ножей», гномы были бы счастливы подчистую вырезать троллей только потому, что и те, и другие — «злые» сущестаа. Все это прямое наследие Вагнера*. Сначала создается несколько «злых» народов, которых мечтает уничтожить чуть ли не вся Вселенная, а потом, само собой, торжествует добро. Все это было выжжено из нашего общества второй мировой войной. Вагнеровский подход к фэнтези — «добрые» существа, «добрые» люди и «злые» существа и «злые» люди — все это привело к одному из самых больших бедствий в истории XX века.

Вообще для меня история XX века — это три-четыре великих события, которые никогда не случались прежде. Первое — Холокост**. Никогда прежде в истории не ставилась задача уничтожить целый народ только потому, что они не совсем такие, как кому-то хотелось бы. Были такие люди, как Сталин, уничтожившие десятки миллионов людей. На совести Сталина больше жизней, чем погубил Гитлер, но это подход именно Гитлера — создание лагерей смерти, целой инфраструктуры, целой отрасли экономики, завязанной на убийстве.

И вот другое событие, прямо противоположного порядка: план Маршалла, предпринятый после окончания войны. Никогда прежде в мировой истории не было случая, когда победившее в войне государство помогало проигравшему поднять на ноги экономику и тем самым обезопасить себя от угрозы нового нападения. Это было ново и неожиданно.

Третье событие — высадка на Луну.

Не знаю, насколько а этот ряд укладывается атомное оружие. Многие думают, что это нечто совершенно новое и небывало ужасное, но, по-моему, это просто очень мощная бомба. Холокост, план Маршалла и экспедиция на Луну — это, напротиа, концептуально новые события.

По-моему, фэнтези может быть столь же содержательной и блистательной, как и любой другой вид литературы. Но, в отличие от научной фантастики, фэнтези не в состоянии исследовать конкретику современного мира. Она говорит о так называемых «универсальных понятиях», которые, в общем, могут и не быть на самом деле универсальными. Романы о взрослении личности — вот что мне нравится в фэнтези. В этом есть художественность и мастерство — достоверно описать развитие персонажа в сложном мире, не похожем на наш собственный.

— А как вы относитесь к фантастике ужасов? И к литературе ужасов вообще?

— Соаременная литература ужасов выросла на настроениях 1979 — 1980 годов, когда казалось, что наш мир в любой момент может испечься, как картофелина, погибнуть. Призрак хромированной смерти витал тогда над нами постоянно. Этот ужас накапливался двадцать лет, и в конце концов его стало слишком много. Тогда люди начали задумываться о том, что им делать со смертью — и возродились рассказы о призраках, о сделках с дьяволом. Эти настроения хорошо почувствовал Стивен Кинг. Он определил новый облик жанра. Мне это нравилось, потому что Кинг был динамичным и сильным автором. Я мог у него учиться. Я следил за тем, как он творчески растет, мне нравились его книги. Но сейчас я уже не читаю все, что он издает. Не потому, что он стал писать слабее. Изменился я сам. Неиссякаемый интерес к книгам, которые рынок подает как литературу ужасов, стал меняться. Книги Кинга тяготеют к реалистичности. Он использует разную темную мистику, но это уже не фэнтези — по духу. Книги же, например, Дина Кунца сильны эмоционально, сильны сюжетно, у него интересные персонажи, и к тому же он пишет в значительной степени научную фантастику...

— Считается, что фэнтези и литература ужасов уделяют большее внимание темам нравственности, морали и этики, нежели научная фантастика.

— В лучших произведениях научная фантастика всегда была литературой этической. Я не уверен, что фэнтези здесь можно отдать приоритет. Произведения в этом жанре говорят о добре и зле, но говорят так, как будто это кем-то заданные и навеки неизменные понятия. Давняя, очень давняя мысль и, по-моему, совершенно себя изжившая. Да, есть круг понятий, о которых нормальный современный человек может сказать, что вот это — плохо, это — недурно, а это — хорошо. Но подход, заставляющий считать плохими целые группы людей, мы должны отбросить, забыть, похоронить! Я больше не могу всерьез читать книгу об изначально плохих гоблинах, которых постоянно режут добрые герои.

Нревственная литература основывается на том, что в каждом человеке есть зерно его гибели и зерно его спасения, что каждый человек начинается с чистого листа. И его судьба не предопределяется ни классом, ни расой, ни вероисповеданием, ни используемой им технологией — ничем. И научная фантастика нравственна настолько же, насколько нравственны ее высшие достижения, даже если они и не сталкивают в тексте лбами Добро и Зло. Например, книги Филипа Дика — это исключительно нравственная литература.

Есть у научной фантастики известный грех. Чтобы осознать ее впечатляющее могущество, нужно охватить взглядом весь цикл ее развития. Нужно изо всех сил поддерживать критику научной фантастики: не для того, чтобы почивать на удобных парадигмах, а затем, чтобы двигаться вперед — все дальше и дальше...

По материалам журнала «Locus», сентябрь 1994
Перевел с английского
Сергей Паншин

**Имеется в виду оперная тетралогия Р.Вагнера «Кольцо Нибелунгов».*

***Геноцид еврейского народа. В фантастике это слово — особенно в 50-е годы — употреблялось также в значении «ядерная катастрофа».*

НОВЫЕ ЛАУРЕАТЫ

22 апреля 1995 года в Нью-Йорке состоялось вручение премии «НЕБЬЮЛА» за лучшие фантастические произведения 1994 года. Как и в прошлом году, премию по категории «лучший роман» получило произаедение на весьма популярную сейчас в американской НФ «марсианскую» тематику — правда, на сей раз удача улыбнулась не прошлогоднему лауреату Киму Стэнли Робинсону, чей второй роман из «марсианской» трилогии, «Green Mars» («Зеленый Марс»), вновь присутствовал а номинационных списках, а его другу и постоянному конкуренту ГРЕГУ БИРУ. Он получил «Небьюлу» за роман «Moving Mars» («Марс в движении»). Помимо романов Бира и Робинсона, а номинационных списках числились также книги Октавии Батлер «Parable of the Sower» («Притча сеятеля»), Джонатана Летема «Gun, With Occasional Music» («Ружье со случайной музыкой»), Джеймса Морроу «Towing Jehovah» («Иегоаа с бечевой»), Рэчел Поллак «Temporary Agency» («Временное агентство») и Роджера Желязны «A Night in the Lonesome October» («Ночь в одиноком октябре»). По другим категориям премии получили: МАЙК РЕЗНИК — за поаесть «Seven Views of Olduvai Gorge» («Семь видов Олдуаайского ущелья»), ДЭВИД ДЖЕРРОЛЬД — за короткую повесть «The Martian Child» («Марсианский ребенок» — опять Марс!) и МАРТА СОУКАП — за рассказ «A Defence of the Social Contracts» («Защита общестаенных соглашений»). Почетного звания «Великий Мастер» был удостоен ДАЙМОН НАЙТ.

12 феараля а Окленде, штат Калифорния, состоялась церемония аручения МЕМОРИАЛЬНОГО ПРИЗА ДЖЕЙМСА ТИПТРИ-МЛАДШЕГО. Этот приз присуждается за лучшее фантастическое произведение года, в котором поднимается проблема изменения половых ролей (если аы помните, под мужским псеадонимом Джеймс Типтри-младший писала американская писательница и ученая Элис Шелдон; когда псевдоним был раскрыт, это вызвало у читателей настоящий шок). На этот приз могут претендоаать как писатели-женщины, так и писатели-мужчины, однако мужчинам он до сих пор ни разу почему-то не достааался. Не достался, впрочем, и на этот раз. Очередными лауреатами приза (голоса жюри — впераые — разделились поровну) стали НЭНСИ СПРИНГЕР (за роман «Larque on the Wing» — «Ларко на крыле») и УРСУЛА ЛЕ ГУИН (за рассказ «The Matter of the Seggri» — «Дело Сеггри»).

Очередным лауреатом МЕМОРИАЛЬНОГО 'ПРИЗА ФИЛИПА ДИКА (за лучший НФ-роман 1994 года, вышедший в мягкой обложке) стал РОБЕРТ ЧАРЛЬЗ УИЛСОН, автор романа «Mysterium» («Мистериум»). Второе место в голосовании жюри занял роман ДЖЕКА КЕЙДИ «Inagehi» («Айнагейи»).

SCIENCE FICTION NEWS

Вручение ПРИЗА АРТУРА КЛАРКА (за лучший НФ-роман, изданный в Великобритании а 1994 году) состоялось 20 апреля в Лондоне. Приз получила американская писательница-киберпанк ПАТ КЭДИГАН за саою книгу «Fools» («Дураки»). Таким образом, Кэдиган стала пераым а истории этого приза дважды лауреатом — впервые она была удостоена его в 1992 году за роман «Synners» («Люди-синтезаторы»).

Там же, в Лондоне, только несколькими днями ранее, были объявлены очередные лауреаты ПРЕМИИ БРИТАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ. По категории «лучший роман» премию получил ИЭН М.БЭНКС за роман «Feersum Endjinn»; по категории «лучшее произведение малой формы» — ПОЛ ДИ ФИЛИППО за рассказ «The Double Felix» («Двойной Феликс»); по категории «художник» — ДЖИМ БЕРНС за обложку к одному из номеров журнала «Интерзона».

НОВЫЕ КНИГИ

Неугомонный ГАРРИ ГАРРИСОН создает очередную монументальную эпопею в жанре альтернативно-исторической фантастики. Действие ее происходит а самом начале средних веков. Британию покорили аоинственные викинги, место христианства заняли аерования языческого Севера — в результате европейская циаилизация свернула на соасем иную историческую тропу. В 1994 и 1995 годах вышли уже два романа нового цикла — «The Hammer and the Cross» («Молот и крест») и «One King's Way» («Путь короля»).

Через двадцать пять лет после выхода саоего популярного романа «Меж двух времен» («Time and Again», 1970) ДЖЕК ФИННЕЙ выпустил его продолжение, которое называется «От эпохи к эпохе» («From Time to Time», февраль 1995). В этом романе Саймон Морли и сотрудники Проекта пытаются предотвратить первую мировую аойну. По мнению рецензента «Локуса» Кэролин Кашмен, тема романа далека от оригинальности, однако поистине увлекательным чтением делает эту книгу умение Финнея воссоздааать мельчайшие подробности жизни в прошлом — в данном случае нью-йоркской жизни в 1912 году.

В апреле 1995 года вышел в свет третий роман РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ и РОБЕРТА ШЕКЛИ из их цикла в жанре юмористической фэнтези о приключениях демона Аззи Элбуба. Называется он «A Farce to be Reckoned with» («Фарс, с которым стоит считаться») и повествует о том, как Аззи, узнав, что на Земле вошли а моду занудные нравоучительные спектакли, сочиняет пераую а истории пьесу на аморальные темы, и это его изобретение может асерьез повлиять на дальнейшую судьбу человечества.

«Римейк» — термин из современного кинематографического лексикона, означающий фильм, снятый по мотиаам другого фильма. Именно так («Remake») называется ноаый роман КОННИ УИЛЛИС, аышедший в феврале 1995 года; в этой любопытной книге рассказывается о кинематографе будущего, когда при помощи компьютерных технологий оживают на экранах аеликие кинозаезды прошлого, причем в ролях, какие они при своей жизни просто не могли сыграть! Представляете фильм, а котором играют одноаременно Чарли Чаплин, Мэрилин Монро и, скажем, Арнольд Шаарценеггер? Что ж, для будущего кинематографа ничего невозможного нет.

Высоких оценок критиков удостоилась книга ПОЛА ДИ ФИЛИППО «The Steampunk Trilogy» («Трилогия в стиле пароаого панка»), вышедшая в апреле 1995 года. Действие трех остросюжетных альтернативно-исторических повестей, аключенных в этот сборник, происходит а Англии в середине XIX века, в самый расцвет викторианской эпохи. Вот только в мире, описыааемом Ди Филиппо, крушение принципов викторианской этики под влиянием внезапно ускорившегося научного и социального прогресса началось на целых полвека ранее, и последствия этого очень быстро изменили жизнь людей.

IN MEMORIAM

Работа над этим аыпуском «Интеркома» уже заканчивалась, когда из Соединенных Штатов пришла печальная весть — 16 июня после тяжелой операции скончался один из самых знаменитых и популярных, в том числе и у российского читателя, писателей-фантастоа мира РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ, внесший неоценимый вклад а мировую литературу. Роджер Желязны был неоднократным лауреатом премий «Хьюго», «Небьюла» и многих-многих других. Ему было всего 57 лет...

Материалы рубрики подготовил
Николай Викторов

КОНКУРС «БАНК ИДЕЙ»

В четвертом номере журнала «Если» за этот год мы предложили нашим читателям посостязаться в полете фантазии с именитым автором. Редакция изложила сюжет его рассказа и попросила читателей придумать свою версию.

«Крейсер космофлота Земли, патрулирующий пространство в районе Сириуса, замечает инопланетный транспорт, который совершает посадку сначала на одну из девяти планет системы, потом на другую... Заинтригованные земляне решают выяснить, в чем дело. Они устраивают засаду на четвертой по счету планете, без особого труда проникают на чужой звездолет (экипаж последнего — насекомообразные) и обнаруживают в трюме невообразимое количество огромных бриллиантов...»

Конкурс вызвал живейший отклик у любителей фантастики. Редакция получила 82 ответа. Наибольшую популярность у нашей аудитории завоевала идея БОЛЬШОГО ВЗРЫВА: бриллианты оказались минами (сгустками энергии, контейнерами антиматерии и т.д.), которые в клочья разносят звездолет (Землю после прилета корабля, Солнечную систему и даже Галактику). Мы никогда не сомневались, что читателям «Если» присуще обостренное чувство справедливости, но все же, по нашему мнению, Галактика не заслуживает столь суровой кары за ошибку одного земного экипажа.

Второе место по рейтингу заняла версия ХРАНИЛИЩА ИНФОРМАЦИИ, накопленной за тысячелетия космическими бродягами.

Немало приверженцев собрала под свое знамя долгосрочная космическая программа инопланетян, согласно которой пришельцы пополняют и хранят в виде бриллиантов ЗАПАСЫ УГЛЕРОДА для лишенной этого элемента родной планеты. Любопытно, что многие читатели, разрабатывая эту идею, увидели в землянах вполне подходящий углеродный источник и отправили их — уже круглыми блестящими шарами — в трюмы чужого корабля.

Ряд читателей обнаружил в чужом корабле разумную КРИСТАЛЛИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ, которая, пробудившись от спячки, начала «разбираться» с командой земного звездолета.

Надо сказать, что по всем версиям (включая хранилище, которым незадачливый экипаж не способен толком воспользоваться) землян чаще всего ждет невеселый конец...

А теперь о тех отдельных идеях, которые показались нам наиболее любопытными. Читатель А.Попов (Магадан) выдвинул предположение, что команда корабля обнаружила НАКОПИТЕЛИ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ, которую, сами того не желая, испускают стареющие представители древней расы; заброшенные планеты они используют как свалку для подобных контейнеров минус-энергии. Что произошло с землянами, вскрывшими эти «консервные банки», наверное, понятно каждому... В.Орликов (Курск) полагает, что звездолет встретился с «супервиллицами» — КОСМИЧЕСКИМИ МУСОРЩИКАМИ, которые опять-таки отправляют на свалку вредные теории и политические программы. К.Сароян (Астрахань) увидел в бриллиантах КОКОНЫ ПЛАНЕТ для «заселения» пустых участков космоса. Земляне случайно провоцируют рост всех планет разом, происходит этакая вселенская катастрофа, после чего от экипажа не остается даже атома. Т.Алешкин (Подольск), подметив любопытную деталь — в рассказе фигурируют девять планет, — выдвигает следующую гипотезу. Инопланетяне знают, что когда-то во время давних галактических войн их доблестный гарнизон остановил злобных агрессоров именно в системе девяти планет, но сам геройски погиб, не успев передать координаты в штаб. Итак, перед нами настоящие БРИЛЛИАНТЫ, которыми благодарные потомки намерены покрыть всю поверхность планет системы, превратив ее в своеобразный памятник. Однако данная система, по мнению инопланетных экспертов, все же по некоторым параметрам не соответствует искомой, так что чужаки вынуждены продолжить поиски. Узнав эту информацию, командир земного корабля принимает решение срочно возвращаться в Солнечную систему, дабы уничтожить Уран — таким образом у нас останется восемь, а не девять планет. Как видите, плата за опасную находку снижается до одной планеты, что, согласитесь, уже радует.

А теперь назовем победителей конкурса.

По мнению **Г.Михайловой** (Москва), приславшей в редакцию «рассказ на заданную тему», инопланетяне собирают РАЗУМЫ представителей всевозможных рас, населяющих Галактику, заключая их в кристаллическую оболочку, имеющую вид бриллиантов. Сознание землян также оказывается переписанным на кристаллические структуры, и космические сеятели отправляются дальше в поисках пригодной для возделывания планеты. По мысли «садовников», возникшая на месте «посева» цивилизация, основанная представителями самых разных культур, будет свободна от предрассудков, стереотипов и идей расового превосходства.

И.Кигин (Саратов) не удовлетворился одной-двумя версиями и предложил целый пакет идей, среди которых, естественно, есть и те, что оказались близки большинству читателей. Впрочем, может быть, награждать следует вовсе не автора, а его компьютер?

«Совсем недавно в моей стремительно текущей жизни произошло значительное событие: я почти задаром купил вполне сносный супермини-компьютер 27-го поколения по линии «L» MegaDum. За короткий срок мы подружились, и теперь я не представляю, как обходился без него ранее. Чуть позже в моей стремительно текущей жизни произошло второе значительное событие: по почте пришел четвертый номер журнала «Если», где в самом конце был объявлен любопытный конкурс. MegaDum на это отреагировал бурно (сгорел блок питания) и выразил страстное желание поработать на ниве научной фантастики. В память компьютера были заложены печатная продукция, видеофильмы, свидетельства очевидцев о встречах с НЛО, научные труды основателей космонавтики, комиксы и т.д. Был пущен блок генерации случайных чисел (далее просто БГСЧ) и компактный блок кратковременного предвидения (КБКП). И началось...

Вот уже третьи сутки я выборочно просматриваю сжатые версии того, что произошло, а MegaDum работает все усерднее, выдавая идеи от просто фантастических до невероятно фантастических: якобы никакого произведения известного мастера нет и не было в помине, равно как и журнала «Если», меня, компьютера и всего мира в придачу!

Но пропустив идеи через фильтр фантастической реальности, я получил следующее.

Версия № 4

ЛИЧИНКИ инопланетных существ. (Эх, земляне... Дураки на своих ошибках учатся, а умные на чужих).

Версия № 18

БАНК ИНФОРМАЦИИ. К сожалению, земляне не знали об использовании бриллиантов в качестве хранилищ информации (я, кстати, тоже раньше не знал) и потому использовали хранилища информации в качестве бриллиантов.

Версия № 19

ООО: Особо Опасное Оружие — УГЛЕРОДНЫЕ БОМБЫ. На этот раз землянам не поезло: бомбы активизировались в присутствии углеродистой жизни. Четвертой планеты в системе Сириуса больше нет.

Версия № 77

ЗООПАРК В КАПСУЛАХ. И чего только земляне не уаидели в этом своеобразном музее (врать не буду, сам не аидел). А потом чисто случайно попались к инопланетным коллекционерам-зоологам. Для любителей хэппи-энда: хэппи-энда не будет.

Версия № 89

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. Это тоже экспансия, но несколько другого рода. Умные земляне постигают премудрости программирования Преобразователей, и через определенный срок тысячи планет станут пригодными для переселенцев с умирающей от плохой экологии Земли.

Версия № 100

МАГИЧЕСКИЕ КРИСТАЛЛЫ. Магия чисел здесь ни при чем (Д.Копперфильд тоже).

А вообще-то, счет версий пошел на пятую сотню, и я уже давно не смотрю на мелькающие строчки монитора. Хотя... Наугад. Ну, скажем, триста двадцать восьмая.

Версия № 328

КОНТРАБАНДА. На некой планете Вальпур звездной системы Броккене гигантские бриллианты производства фирмы «Тетра Брак» (см. серийный номер) использовались в качестве энергетических нагнетателей страшнейшего оружия этого сектора Галактики — огнеплюя, запрещенного Объединенной Орбитажной (от слова «орбита») Нитрундией (ООН). Злобные вальпурианцы, по своей природе полугуманоиды, поставили своей целью захватить Галактику, а главной ударной силой сделали огнеплюи. Но поскольку монополией на производство бриллиантов владела «Тетра Брак» и в свободную продажу они не поступали, вальпурианцы решили заполучить их любым путем. Для этой цели были наняты членистоногие кронги из 19-го сектора соседней Галактики, не имеющие никаких моральных и нравственных устоев. Незадолго до этого события боевая флотилия кораблей ООН обнаружила секретную базу вальпурианцев и атаковала ее, в результате чего корабль полугуманоидов так и не пришел за страшным грузом. Встревоженные кронги начали облет остальных планет системы Сириуса, полагая, что спутали порядковый номер планеты. За этим странным занятием их и застал патрульный корабль ООН с земным экипажем. Проникнув на корабль кронгов, они обнаружили огромное количество гигантских бриллиантов — главных компонентов огнеплюев и, поняв, в чем дело, решили уничтожить опасный груз вместе с кораблем. В ключевых точках корабля кронгов были установлены резонансные разрушители (РР), срабатывающие при взлете. Разведывательная группа уже собиралась покинуть эту потенциально мертвую посудину, когда по пейджерной связи поступило сообщение о приближении звездолета проклятых вальпурианцев. Земной корабль находился в маскировочном М-режиме и не мог оттуда атаковать; не мог и выйти из М-режима, поскольку выдал бы себя возмущением М-константы и был бы тотчас уничтожен вальпурианцами. Оставался один выход: активизировать РР до момента передачи контрабанды. Но произошло непредвиденное. Разведывательная группа уже запустила обратный отсчет аремени для РР и собиралась покинуть корабль кронгов, когда вальпурианцы применили эффективный прием защиты — временные качели.

Суть заключается в следующем. С помощью довольно примитивной аппаратуры конца XXI века любой материальный объект мог переместиться в прошлое на определенное время, которое зависело от давности проникновения: чем дальше запускался объект, тем меньше времени он там находился, и наоборот.

Таким образом разведывательная группа землян попала в ловушку. До срабатывания РР оставалось 12 минут. О том, что экипаж успеет сообщить в отдел временного контроля при ООН о случившемся, а те успеют доставить громоздкую и сложную аппаратуру по обнаружению рычага времени и спасти землян, не было и речи. Но земляне принялись за работу. Индиаидуальными низкочастотными дезинтеграторами они стали разрушать бриллианты. Те рассыпались с легким шорохом на мириады мельчайших призм, и через 8 минут от множества кристаллов осталась лишь кристаллическая пыль.

В этот момент меня отвлек телефонный звонок. Звонил капитан того самого патрульного корабля по фамилии Маков... После короткого рассказа о последней битве с вальпурианцами, в которой его корабль принимал участие, он предложил встретиться за чашечкой кофе, чтобы изложить мне свою версию происшедшего. Кстати, недавно он приобрел компьютер 27-го поколения по линии «L» MegaDum...»

Ну а теперь пора раскрыть замысел автора — незабвенного **Филипа К.Дика**. Бриллианты — это яйца чужаков (помните: инопланетяне — насекомообразные). И эта, с позволения сказать, молодая поросль вскоре вылупится на Земле, поскольку климат, влажный и теплый, вполне подходит для «дозревания». Так что человечеству уготована масса хлопот.

Рассказ Филипа Дика опубликован в сборнике «Alien Worlds» и рекомендован нашему вниманию Полом Андерсоном, приславшим сборник сотруднику редакции «Если». Правда, перевод этого рассказа уже выходил в журнале «Солярис», но мы решили заодно предоставить нашим читателям возможность блеснуть эрудицией. Возможность эту с успехом использовали В.Мартыненко (пос.Бряна, Луганская обл.), С.Истомин (Оренбург), Ю.Кунин (Саратов), Т.Сабатеев (Москва), Д.Лукина (пос.Слободской, Кировская обл.), Г.Иванов (Липецк), Г.Сыркина (с.Хрешатое, Белгородская обл.). Но поскольку количество призов ограничено, их получат читатели, первыми отправившие письма в редакцию: **А.Тарасов** (Тверь) и **В.Силкин** (Санкт-Петербург). Понимаем, что в дальние регионы журнал приходит позже, однако иного объективного критерия, кроме даты на почтовом штемпеле, мы не нашли.

И наконец, призы тем нашим читателям, кто, не зная произведения, сумел разгадать авторскую идею. Первыми это сделали **А.Топорков** (Ярославль) и **Т.Лифшиц** (Нижний Новгород).

Итак, шесть победителей получают собрание сочинений Роберта Шекли, выпущенное издательством «Полярис», а мы продолжаем конкурс «Банк идей».

На этот раз предоставим слово самому автору.

«Иногда идеи приходят по частям. Первая половина пришла ко мне, когда я ехал по автостраде и слушал прогноз погоды: а что если... Я тут же остановился, чтобы немедленно эту идею записать. Однако прошло два года, прежде чем из нее вырос сюжет».

А теперь несколько отрывков из этого весьма необычного рассказа.

«Как и всегда, его больше всего заинтересовал прогноз погоды, особенно для других районов. «Атмосферный фронт, идущий со стороны Канады, затронул наши северные штаты... Эта кинопленка — один из немногих материалов, доставленных из района стихийного бедствия».

Изображение диктора сменилось зернистыми черно-белыми кадрами: на узких улицах теснились запряженные лошадьми фургоны и угловатые автомобили».

«По дороге на работу он оставил окно в машине открытым. «Дорз», «Стоунз» (когда это настоящие «Стоунз»), «Криденс» — музыка, которая нравилась ему гораздо больше той, что придет ей на смену».

«Босс гонял кондиционеры на всю катушку, утверждая, что компьютерные технологии восьмидесятых оправдывают все затраты на климат. Том не жаловался на жару, но что толку в кондиционерах здесь, а заодно и от высоких технологий, если с северными штатами можно связаться лишь по древнему телеграфу».

Как уже поняли наши читатели, мы предлагаем разгадать идею автора, его фантастическое допущение и рассказать (в самых общих чертах), что в таком случае может произойти с героями. Рассказ на русский язык переведен не был, и мы с удовольствием опубликуем его, после того как изложим версии читателей.

Победители конкурса получат десять томов фантастических произведений, выпущенных издательством «Александр Корженевский» при участии издательства «Русич» в рамках серии «Спектр». В числе книг такие известные романы, как «Снежная королева» Джоан Виндж, «Драконья погибель» Барбары Хэмбли, «Игра Эндера» Орсона Скотта Карда и «Наваждение» Полы Волски.

Версии рассматриваются редакцией до 1 декабря 1995 года.

Успеха вам в игре!

PERSONALIA ● PERSONALIA

ДИШ, Томас
(см. биобиблиографическую справку в № 4, 1995 г.)

Томас Диш никогда не отличался привязанностью к одному жанру — будь то фантастика или авангардистская проза. Иной раз он удивляет своих читателей неожиданной формой или темой очередной своей новой книги. Вот что сказал о Дише Чарльз Плэтт: «В «гетто» для фантастов он провел несколько лет... Долгожителям «гетто» — «чистым» фантастам и их поклонникам — не всегда было удобно с Дишем: некоторые из них чувствовали постоянный дискомфорт из-за соседства с этаким элегантным эстетом, исследующим окружение и использующим эту «ночлежку» рвди собственных непонятных надобностей...» Подтверждением этому может служить тот факт, что многим читателям хорошо известен не писатель-фантаст Т. Диш, а поэт Том Диш, у которого вышло уже около десятка стихотворных сборников.

АЛЕКСАНДЕР, Дэвид (ALEXANDER, David) ПАЙРС, Хейфорд (PEIRCE, Hayford)

Д.Александер по профессии журналист; свою карьеру писателя-фантаста начал с фэнзинов, и вскоре его рассказы стали публиковаться в профессиональных сборниках. Х.Пайрс — специалист по компьютерным сетям; рассказ «Лучший из лучших» его первое произведение в солидном издании.

ДИЛЭНИ, Сэмюэл (DELANY, Samuel)

Американский писатель и критик; одна из наиболее необычных и противоречивых фигур в жанре. Родился в 1942 г. Дилэни — негр и длительное время жил в Гарлеме (Нью-Йорк), однако позже получил разностороннее образование — учился в нескольких университетах. Дебютировал в фантастике рано: роман «Драгоценности Эптора» вышел, когда Дилэни было 20 лет (1962 г.). Затем последовали трилогия «Падение башен» (1963 — 1965 гг.) и роман «Баллада о Бете-2» (1965 г.). В этих ранних работах уже хорошо заметен оригинальный стиль Дилэни, подобный ритму ударника, а также склонность к метафорам, увлечение мифологией и лингвистикой. Центральной темой, кочующей из книги в книгу, становится идея взаимодействия разных типов сознания, решаемая каждый раз по-новому. Более всего характерен в этом смысле его роман «Вавилон-17» (1966 г., «Небьюла»). За ним последовали романы «Пересечения Эйнштейна» (1967 г., «Небьюла»), большая повесть «Звездная яма» (1967 г.), «Нова» (1968 г.). Начиная с 1967 г. автор обращается к малой форме. Результатом явились премии «Небьюла» — за рассказ «Гоморра...» (1967 г.); «Хьюго» и «Небьюла» — за маленькую повесть «Время, рассматриваемое как спираль из полудрагоценных камней» (1969 г.). Критик Альгис Будрис в 1969 г. назвал двадцатисемилетнего Дилэни лучшим писателем-фантастом мира. Ранние его новеллы собраны в сборнике «Скольжение стекла» (1971 г.). По тематике и стилю Дилэни, безусловно, относится к виднейшим представителям «новой волны», вместе с Эллисоном и Желязны.
Более поздние работы Дилэни — колоссальный роман «Дальгрен» (1975 г.), на создание которого ушло семь лет, а также «Тритон» (1976 г.), «Звезды в моей книге подобны песчинкам» (1984 г.) и ряд других. В 1979 — 1987 гг. им было написано четыре книги из фэнтезийного цикла «Неверьона», («Никогда») — как видно уже из названия, весьма необычного сериала. По сей день Дилэни продолжает свои эксперименты в литературе, не походя ни на кого, как и полагается «звезде». Дилэни — профессиональный критик и преподает эту дисциплину в Массачусетском университете.

БУЛЫЧЕВ, Кир
(см. биобиблиографическую справку в № 9, 1994 г.)

«Принципиальное различие между фантастикой американской (точнее — англоязычной) и нашей, отечественной, в последние годы заключается, на мой взгляд, не в качестве и количестве книг, а в самом подходе к материалу. Для советского писателя, за малыми исключениями, все, что относится к завтрашнему дню, иным планетам и галактикам, мирам параллельным, перпендикулярным и диагональным, любое чудо и любая небыль являются продолжением и развитием нашего сегодняшнего дня. Американцы, начиная со славного Берроуза, все более воспринимают фантастику в первую очередь как литературу эскапистскую, литературу ухода от действительности, а для этого они строят альтернативную действительность. Ни автор, ни читатель, как правило, не воспринимают ее как вариант развития событий сегодняшнего дня. Дракон в советской фантастике неизбежно будет ассоциироваться с управдомом или генералом Пупкиным, а то и бери выше... Дракон в фантастике американской — просто дракон. Живет он себе на планете X или в отдаленном прошлом и занимается драконьими безобразиями. И никто не видит в нем намека на Президента...» Кир Булычев. «Цех фантастов».

ЭНТОНИ, Пирс (ANTHONY, Piers)

Родился в Англии в 1934 г., обучался в Америке и с 1958 г. является ее гражданином. Первая НФ-публикация — рассказ «Можно пожалеть» (журнал «Fantastic», 1963 г.). В последующее десятилетие его работы часто появлялись в разных журналах. Многие рассказы тех лет вошли в сборник «Энтонология» (1985 г.). Однако постепенно Энтони переключается на произведения «большой формы». Его первый роман, «Хтон» (1967 г.), сразу же завоевал широкую известность. За ним последовали «Кольцо» (1968 г., написан в соавторстве с Р. Маргроффом), «Макроскоп» (1969 г.), «Кольца льда» (1974 г.), «Фтор» (1975 г., продолжение «Хтона») и ряд других произведений. На рубеже 60 —70-х гг. Энтони понимает, что больше всего ему и читателям по душе сериалы, и начинает первый и, по мнению критиков, лучший из них — трилогию «Круг»: «Сос по прозвищу Веревка» (1968г.), «Вар Мастер палицы» (1972 г.) и «Нек Мастер меча» (1975 г.). Это увлекательная история о борьбе за воссоздание государства на территории Северной Америки, уничтоженной войной. Затем последовали циклы «Всеяд» (1968 —1976 гг., три романа), «Тарот» (1979 — 1980 гг., три романа), «Скопление» (1977 —1982 гг., пять романов), «Био — космический тиран» (1983 —1986 гг., пять романов), «Воплощения бессмертия» (1983 — 1990 гг., семь романов) и ряд других, включая знаменитый цикл о Ксанфе (с 1977г. до настоящего времени, 18 романов). Всего у Энтони более 50 романов, причем буквально каждая из выходящих книг становится бестселлером.

Подготовил
Андрей ЖЕВЛАКОВ

ЕСЛИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Боб
Шоу
АСТРОНАВТЫ
В ЛОХМОТЬЯХ

Роберт
Силверберг
ЛОВУШКА

Крис
Уиллрич
КРОШКА-
СМЕРТЬ

Конкурс
«XXI век»

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ИНДЕКСЫ
ПОДПИСКИ
73118, 39801,
32305